

Ж. МЕЛЪЕ
ЗАВЕЩАНИЕ

Ж. МЕЛЪЕ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ
НАУЧНОГО
СОЦИАЛИЗМА

*Под общей редакцией
академика*

В. П. ВОЛГИНА

MCMLIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

Ж. МЕЛЬЕ

ЗАВЕЩАНИЕ

Перевод с французского
Ф. Д. КАПЕЛЮША и Г. П. ПОЛЯКОВА
под редакцией

Ф. А. КОГАН-БЕРНШТЕЙН

Комментарий и приложения
Ф. Б. ШУВАЕВОЙ

Вступительная статья
В. П. ВОЛГИНА

Т о м I

MCMLIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
М о с к в а

J. MESLIER
LE TESTAMENT

В. П. ВОЛГИН

МЕЛЬЕ И ЕГО «ЗАВЕЩАНИЕ»

I

Жан Мелье — один из самых ранних и самых своеобразных представителей французского утопического коммунизма и французского материализма XVIII века. Среди французских мыслителей XVIII века немало сторонников идей социального равенства и общности имущества. Но только у Мелье эти идеи сочетаются с призывом к объединению угнетенных для борьбы с угнетателями. Среди французских мыслителей XVIII века немало решительных противников христианской церкви и религиозного мирозерцания. Но только у Мелье воинствующий атеизм служит прямым орудием борьбы против основных принципов классового общества.

Вся жизнь Мелье была связана с деревней. Он родился в 1664 году в деревне Мазерни в Шампани, здесь же он провел свое детство и получил первоначальное образование. По окончании семинарии Мелье занял место свя-

щенника в Этрепиньи, где он и жил, почти безвыездно, до конца своих дней. В деревне произошло самое яркое и значительное событие в его скромной жизни: возмущенный поведением местного сеньора, он выступил против него с церковной кафедры, чем навлек на себя гнев и порицание со стороны духовного начальства. Нищета и страдания угнетенной деревни — основной фон его «Завещания».

Начало XVIII века — время, когда жил и писал свое «Завещание» Мелье, — один из самых тяжелых периодов в тяжелой жизни французского крестьянства феодальных времен. Мрачную общую картину положения крестьянства в конце царствования Людовика XIV оставил нам Лабрюйер. «Всматриваясь в наши поля, — говорит Лабрюйер, — мы видим, что они усеяны множеством каких-то животных — самцов и самок — с смуглым синевато-багровым цветом кожи, перепачканных землею и совершенно сожженных солнцем; все они точно прикреплены к земле, которую роют и переворачивают с непобедимым упорством. Они обладают чем-то вроде членораздельной речи, и когда кто-либо из них подымается на ноги, то у него оказывается человеческое лицо; и действительно, это — люди. На ночь они прячутся в свои логовища, где они живут, питаются черным хлебом, водой и кореньями. Они избавляют других людей от труда возделывать и засеивать землю и собирать урожай, необходимый для поддержания

человеческой жизни. И потому они заслуживают хоть того, чтобы не нуждаться самим в том хлебе, который они сеют».

Факт общего обеднения, общего хозяйственного и культурного упадка деревни в конце XVII и начале XVIII века подчеркивается всеми современными наблюдателями. Как одно из многочисленных свидетельств подобного рода очень интересна записка о положении деревни, составленная комиссарами короля, посланными в 1687 г. в провинции для изучения откупов. Комиссары «сочли себя обязанными» выйти за пределы своих полномочий и дать в записке общую характеристику положения народных масс.

Жалобы на бедность, пишут они, вечны, и мы не придавали им значения; но факты убедили нас. Во всех обследованных местностях наблюдается обнищание населения: разрушаются и не восстанавливаются дома, крестьяне-собственники распродают свои участки; зажиточных фермеров, имеющих свой скот и обладающих некоторым капиталом, не видно более, поля обрабатываются бедными полониками, полунищими, не имеющими нужного инвентаря, неспособными как следует обрабатывать землю, обремененными неоплатными долгами. Малейшее стихийное бедствие разрушает их хозяйство и заставляет идти по миру. Во многих местах крестьяне питаются исключительно черным хлебом, а в иных и того не имеют в достаточном количестве, варят корни папоротника и едят его с ячменной или

овсяной мукой. Единственная одежда крестьянина — на нем, да та никуда не годится, запасов нет у него никаких¹.

Очень близкую картину жизни деревни находим мы у Вобана, известного военного деятеля и экономиста времени Людовика XIV. Крестьяне, пишет он, не имеют ни одного клочка земли на правах собственности. Арендаторы — в сущности пролетарии; у них нет ничего для ведения хозяйства. Деревня вырождается и в физическом, и в нравственном отношении². О процессе быстрого обезземеления крестьян, за бесценок распродающих свои наделы, о росте площади заброшенных земель говорит и Буагильбер в своей книге *Detail de la France*³. Описания современников, отличаясь одно от другого в деталях, почти тождественны в общей оценке положения; оспаривать ее нет никаких оснований.

Нет сомнения в том, что мы имеем перед собой общий экономический упадок деревни: обеднение или уход из деревни зажиточной части крестьянства, нивелировку в общей нищете основной массы сельского населения. Крестьянин держится за землю как единственное средство спасения от необходимости идти по миру: теряя последнюю связь с землею, он превращается в нищего и бродягу.

¹ См. *Mémoires des intendants*, t. I. 782 и след.

² См. там же, t. I, 738 (XVI).

³ Boisguillebert, изд. Daire, *Collection des économistes*, t. I, 189.

Пытаясь установить причину обнищания крестьянства, большинство современников приходит к тому выводу, что основной и непосредственной причиной изображаемого ими процесса деградации деревни является налоговая политика правительства. Однако это объяснение, правильно указывающее одну из главных бед французской деревни этого времени, оставляет вне поля зрения основное противоречие феодальной деревни: противоречие между крестьянином и эксплуатирующим его помещиком. Возможно, что наблюдателям со стороны растущий налоговый гнет больше бросался в глаза, чем освященный вековой традицией гнет феодальной эксплуатации. Несомненно также, что в этом игнорировании бремени феодальных повинностей сказалось социальное положение авторов, писавших о деревне, их принадлежность или близость к дворянской среде. Как бы то ни было, совершенно бесспорно, что феодальные отношения играли определяющую роль в экономической жизни французской деревни начала XVIII века, хотя некоторые черты феодализма и были к этому времени стерты ходом исторического развития. В Шампани, где родился и жил Мелье, даже эти отжившие в других провинциях Франции черты феодализма держались весьма упорно и чувствовались весьма болезненно. Известно, что в Шампани вплоть до революции 1789 года сохранялось крепостничество, сохранялся ряд редких для Франции того времени повинностей. Для Мелье се-

нбор — худший враг крестьянина, хотя и он с ненавистью и отвращением говорит о сборщике налогов и о системе ограбления крестьян государством.

Налоговая и торговая политика правительства Людовика XIV высасывала из деревни все, что могло в ней оставаться после удовлетворения требований светских и духовных феодалов. Если мы припомним, как расточались абсолютизмом народные силы и средства в царствование Людовика XIV во имя интересов дворянства и поднимающей голову буржуазии, если мы примем во внимание, что почти всей своей тяжестью бремя расходов государства ложилось на плечи крестьянской массы, нам станет понятно, почему налоги занимают такое место в публицистике рассматриваемого нами времени. В конце XVII века давление государственного прессы стало невыносимым для всех слоев крестьянства. В деревне неизбежно должны были нарастать стихийно-революционные настроения. Эти настроения сказывались не только в пассивном сопротивлении крестьян сбору налогов, для выжимания которых сплошь и рядом приходилось прибегать к помощи воинских отрядов. Конец XVII и начало XVIII века отмечены целым рядом открытых крестьянских восстаний большего или меньшего размаха. Подавляемые в одних провинциях, восстания вспыхивали в других, и их ликвидация зачастую требовала от правительства немалых усилий.

Такова была социально-политическая среда, в которой возникло «Завещание» Мелье. Присмотримся теперь к тому литературному материалу, который Мелье использовал в своей работе. Судя по литературным ссылкам в «Завещании», эрудиция Мелье была довольно обширна. Не подлежит сомнению, что этой эрудицией он больше всего был обязан семинарии. Наиболее изученная и чаще всего цитируемая им книга, это, конечно, библия. Отношение к ней у Мелье двойственное. Взятая в целом библия — книга, наполненная глупыми и смешными, а иногда и вредными сказками. Но находя в библии мысли, сходные со своими, Мелье охотно ее цитирует для подкрепления своих доводов. Экклезиаст дал ему в этом отношении особенно много ценного, притом в очень яркой и выразительной форме¹. Знакомы ему также произведения ранне-христианской литературы, сочинения так называемых «отцов» и «учителей» церкви, хотя ими он пользуется гораздо меньше. Первое место после библии занимают в цитатах Мелье латинские и греческие авторы, причем первые — больше, чем вторые. Лукреций — один из наиболее чтимых им писателей². С интересом и сочувствием цитирует он описание «золотого века» у Овидия³. Известны ему Вергилий, Лукиан,

¹ Le testament de Jean Meslier, ed. par R. Charles. Amsterdam, 1864, t. I, 5.

² Там же, t. III, 305.

³ Там же, t. II, 252.

Ливий, Тацит и др. Семинария познакомила Мелье также с французским богословием и с французской философией XVI и XVII веков. Он, несомненно, знал проповедников Католической лиги XVI века¹, он посвящает целые главы «Завещания» опровержению философии Декарта и Мальбранша. Из французских светских писателей чаще всего цитируется в «Завещании» Монтень; это для Мелье — почти непререкаемый авторитет. Знаком он, несомненно, с монархонами XVI века. Но под руками у него были при работе над «Завещанием» и более близкие по времени авторы, например Лабрюйер². Весьма вероятно, что ему был известен словарь Бейля. Из политических писателей он знает Филиппа де Комина³ и цитирует немало современных ему книг: *Esprit de Mazarin*, *Espion turc*, *Salut de l'Europe en 1694*, «Приключения Телемака» Фенелона и т. д. Очевидно, он внимательно следил за современной литературой, несмотря на неблагоприятные для этого условия деревенской жизни.

Мелье умер в преклонном возрасте, после многих лет добросовестного исполнения противоречивших его убеждениям обязанностей священника. Согласно весьма правдоподобной версии, находящей косвенное подтверждение

¹ Лига — воинствующая католическая организация, созданная во Франции в XVI веке для борьбы с гугенотами.

² *Le testament*, t. I, 71.

³ Там же, t. II, 275.

и в самом «Завещании», он покончил с собою. «Завещание» было им написано тогда, когда он уже знал, что его конец близок. Готовясь к уходу из жизни, он почувствовал себя в силах сделать то, на что он не мог решиться раньше: открыто сказать давно и глубоко им продуманную правду о человеческих отношениях, о религии, о государстве, об общественном строе. «Мои дорогие друзья,— пишет он во вступлении к «Завещанию»,— я не мог сказать вам при жизни того, что я думаю, и решил поделиться с вами своими мыслями после смерти»¹. Так, мыслью о близкой смерти начинается «Завещание», этой же мыслью оно и заканчивается: «Я не сделал в своей жизни ничего преступного. Но на меня, несомненно, будут клеветать после моей смерти, будут оскорблять меня, и только за то, что я осмелился сказать правду. Пусть думают, что хотят, судят, как хотят, говорят и делают все, что хотят, это меня не беспокоит ничуть... Я почти уже не принимаю участия в том, что делается в мире; мертвецы — а я теперь с ними — не беспокоятся и не заботятся ни о чем»².

II

Ключ к пониманию «Завещания» — в его социально-политических идеях. Мелье подвергает в «Завещании» беспощадной и всесторонней критике общественные отношения совре-

¹ Le testament, t. I, 5.

² Там же, t. III, 563.

менной ему Франции, но его критика выходит за эти пределы. По существу он анализирует и осуждает классовое общество вообще, свойственные ему социальные противоречия, его политический строй и освящающую его религию. В своей оценке существующего строя и его учреждений Мелье исходит из постулатов морали, иногда формулируя их как нормы «естественного права». Величайшее благо для людей,— говорит он,— мир, доброжелательное отношение друг к другу, справедливость. Это — источники человеческого счастья. Самое ужасное в жизни — раздоры, злоба, ложь, несправедливость, лицемерие и тирания. Они разрушают в людях все лучшее и являются источником всех пороков и бедствий, среди которых люди проводят свою жизнь. Весь жизненный опыт свидетельствует, что в мире царят ложь и несправедливость. Слезы обиженного, страдающего народа, угнетаемого богатыми и сильными, внушают отвращение и презрение к жизни¹.

Установив эти положения, Мелье дает в ряде глав «Завещания» детальную критику важнейших «зол» современного ему общественного порядка.

На первое место среди этих «зол» Мелье ставит «непропорциональное распределение благ между сословиями»². Одни, говорит Мелье, как будто рождены, чтобы тираниче-

¹ Le testament, t. I, 5.

² Там же, t. II, 169.

ски господствовать над другими и получать в жизни всякие удовольствия, а другие — чтобы быть ничтожными, жалкими рабами и стонать всю жизнь под бременем труда и нищеты. Эта несправедливость не основывается ни на личных заслугах, ни на заслугах предков. Предки людей, которые столько кричат о своей знатности, на самом деле кровожадные и жестокие тираны, предатели, воры, отцеубийцы. Их наглые захваты, их преступления всегда покрывали и покрывают, заменяя одно слово другим, называя разбой завоеванием и тем самым придавая ему видимость чего-то справедливого. Нечестивые и жестокие грабители, — знатные делают вид, что они охраняют свободу и права народов, их религию и законы; на самом деле они — лицемеры и безбожники.

Все люди равны по природе, утверждает Мелье. Все имеют равное право жить и ходить по земле, пользоваться своей естественной свободой и некоторой частью благ земных, занимаясь полезным трудом для приобретения всего, что необходимо в жизни. Зависимость между людьми, которая одних чересчур возвышает, а других унижает, — одним дает слишком много, а другим ничего, — такая зависимость несправедлива и ненавистна, она явно противоречит естественному праву. Как языческая, так и христианская философия одинаково признают естественное равенство людей. Король, князь, монарх, повелитель, знатный, подданный, вассал,

вольноотпущенный, раб — все это звания, созданные тщеславием, несправедливостью и тиранией. Сам Христос повелел смотреть на людей как на братьев. Не гордиться следовало бы своей знатностью, а стыдиться ее.

От этих общих рассуждений Мелье переходит к конкретной характеристике общественных отношений в современной ему французской деревне. Крестьяне — подлинные рабы знатных. Нет ничего более жалкого и несчастного, чем французский крестьянин. Он работает на знатных; напрягая все свои силы, он едва вырабатывает на пропитание себе самому. Дворяне не довольствуются тем, что они пользуются почетом, что им принадлежат лучшие земли, — они стремятся силой или хитростью отнять у крестьян их достояние. Они заставляют платить себе подати, отбывать барщину и оказывать такие услуги, какие крестьяне вовсе не обязаны оказывать. Они недовольны, если им не дают всего, что они требуют, если перед ними не ползают на коленях. Самый маленький дворянчик заставляет крестьян трепетать перед собою и старается урвать у них, что только сможет. Бедные люди были бы счастливы, если бы их не терзали эти злые гады; бедные люди будут вечно несчастны, если от них не отделаются.

«Вам говорят о дьяволах, дорогие друзья; вас пугают одним только именем дьявола, вас заставили поверить, что дьяволы — самые злые и отвратительные существа, что они — худшие враги человеческого рода, что

они стараются только о том, чтобы погубить людей и сделать их навеки несчастными в аду. Но знайте,— восклицает Мелье,— что для вас нет более злых дьяволов, чем те люди, о которых я сейчас говорю, у вас нет худших и злейших врагов, чем знатные, великие и богатые: они вас грабят, они вас мучают, они делают вас несчастными. Живописцы ошибаются, рисуя дьяволов в виде безобразных, противных чудовищ. Их следует изображать в виде красивых господ или в виде прелестных дам и девиц, наряженных, напудренных, завитых и блистающих золотом, серебром и драгоценными камнями. Дьяволы, которых рисуют проповедники и художники, существуют только в воображении, они могут внушить страх только детям и невеждам, они не могут причинить реального зла. А эти дамы и господа вполне реальны, как реально и причиняемое ими зло»¹.

Второе зло, продолжает Мелье, состоит в том, что на счет народа живет множество людей, совершенно для него бесполезных. Мало того, многие из них имеют своим специальным назначением грабить и угнетать народ. Справедливо ли, чтобы народ их содержал? К разряду таких вредных людей, которых, по его мнению, особенно много во Франции, Мелье относит не только тех «канналий», которые из попрошайничества сделали себе ремесло, но и богатых бездельников,

¹ Le testament, t. II, 169—181.

которые живут в непрерывной праздности, заботясь лишь о том, как приятней провести жизнь. Среди многочисленных категорий гунеедцев Мелье обращает особое внимание на духовенство. Все эти аббаты, приоры, каноники, монахи и монахини, — какую пользу приносят они миру, какие услуги оказывают обществу? А между тем именно эта ничего не делающая часть духовенства материально наиболее обеспечена. Особенно странно смотреть на монахов. Они дают обет бедности и отречения от мира с его тщетой и суетой, а в то же время они обладают большими богатствами и живут в свое удовольствие. К числу бездельников, приносящих народу явный вред, но живущих на его счет, Мелье относит также юристов, откупщиков, сборщиков податей, «плутов, каналов и мошенников соляного и табачного надзора», которые рыщут по всей стране в поисках добычи. Богатые бездельники говорят, что им не нужно трудиться, так как у них достаточно доходов. Но их богатства приносят доход лишь благодаря труду других людей. Какое безумие, восклицает Мелье, содержать их за счет чужого труда!

Таковы в изображении Мелье основные черты социальной структуры современной ему Франции. Мы видим, что центральный объект его критики составляют общественные отношения, характерные для феодальной деревни. Угнетаемый знатными и богатыми народ — это крестьянство; слово *peuple* для

Мелье — синоним слова *pausans*. Эксплуатирующие народ знатные и богатые — это светские и духовные феодалы. Буржуазия и зарождающиеся буржуазные отношения остаются вне поля зрения Мелье. Хотя, как мы будем иметь случай отметить, некоторые явления, характерные для буржуазного порядка, были Мелье осознаны и даже привели его к важным для его теории выводам, ему было совершенно чуждо понимание той исторической грани, которая отделяет эти явления от отношений феодальных. Вообще, исторический анализ общественных явлений мало интересует Мелье.

С критикой социальных отношений феодального порядка у Мелье непосредственно связана критика его политической формы — абсолютизма. Критике абсолютизма он посвящает большой раздел своей книги.

Все властители, все короли и князья — тираны, таково основное положение Мелье. Они всегда и везде угнетают подвластные им народы, они делают в своих государствах все, что им угодно. В своей гордости и наглости они считают, что их воля может служить достаточным основанием для издаваемых ими повелений, что она делает излишними разумные доводы. Все зло единовластия легко можно видеть на примере Франции. Французские короли — как бы маленькие боги; льстецы королей убеждают их, что им принадлежит абсолютная власть над жизнью и имуществом подданных. И они не жалеют ни этой жизни,

ни этого имущества: они всё приносят в жертву своей славе, своему честолюбию, своей жадности и своей мстительности.

Характеризуя противоречащую интересам народа политику французских королей, Мелье и здесь имеет в виду в основном интересы деревни, крестьянства. Чтобы заполучить золото и серебро своих подданных, короли налагают на народ под самыми пустыми и ложными предлогами новые подати, добавочные подати, вспомогательные подати и т. д. Если народ не в состоянии их платить, в деревни посылаются солдаты, которые выколачивают из крестьян подати, причем народ должен еще этих насильников содержать. Напрасно ссылаться на бедность, жалоб не выслушивают. Под страхом конфискации имущества и тюремного заключения бедные отдают королю свою последнюю копейку. Принцип королей и их первых министров известен: необходимо высосать из народа все соки, сделать его нищим, чтобы держать его в покорности. Тяжелые налоги, обогащая короля, выгодны правящим еще и в том отношении, что они вызывают среди народа бесконечные ссоры и тяжбы. Несчастные, не имеющие достаточно смелости, чтобы объединиться и общими усилиями свергнуть иго одного человека, дают выход своему гневу и своей злобе во взаимной грызне. Мелье отмечает, что французские короли постепенно освобождают себя от обязанности испрашивать разрешение на сбор налогов у Генераль-

ных штатов. Он вполне согласен с известным политическим писателем XV века де Комином, что вводить налоги без согласия тех, кто должен их платить, могут лишь тираны и насильники.

Абсолютизм разрушает благосостояние народа не только налогами. Войны в этом отношении, по мнению Мелье, не менее губительны. Когда у королей возникает желание расширить свои владения, эта прихоть удовлетворяется ими за счет жизни и имущества бедного люда. Солдат, деньги, провиант — все это берут у народа. Ни один король, — говорит Мелье, — не был таким абсолютным повелителем, ни один король не принес народу столько несчастья, как Людовик XIV. Ни один король не пролил столько крови, не разорил столько провинций и городов. Его прозвали великим! Конечно, не за великие и достойные похвалы деяния, — таких за ним нет, — а за великие несправедливости, великие опустошения, великие убийства, виновником которых он был.

Не народы созданы для правителей, утверждает Мелье, повторяя формулу тираноборцев XVI века, а правители для народов. Обязанность правителей состоит в обеспечении народам спокойствия и безопасности. Даже защитники абсолютизма (напр., Ришелье) признают, что цель всей деятельности короля — благо народа. Ясно, как мало соответствует действительность этому идеалу. Лстецы убеждают королей, что благосостоя-

ние располагает народ к мятежам, что только нищета делает его покорным. Но это — наглая ложь. Гордость и обиды сильных, множество тунеядцев, живущих на шее у народа, неспособность королей и их невнимание к нуждам народа — таковы причины революции. Революции всегда вызываются страданиями, а в страданиях народа всегда виноваты сами короли¹.

В своей критике феодальных отношений и абсолютизма Мелье идет гораздо дальше, чем другие представители оппозиционных политических течений во Франции начала XVIII века. Оппозиционные писатели его времени говорят обычно лишь о чрезмерной обременительности феодальных повинностей или об их необоснованности, о недостатках налоговой системы и злоупотреблениях администрации. Мелье осуждает феодализм и абсолютизм в их основных принципах. Его идеал — не улучшение феодально-абсолютистских порядков, а их полное искоренение. Среди публицистов XVIII века, вплоть до кануна революции, Мелье резко выделяется радикализмом своих критических суждений. Ему совершенно чужд характерный для большинства политических мыслителей XVIII века страх перед народными массами. Известна фраза Руссо: рабов надо сначала сделать достойными свободы и способными ее переносить, а затем уже их освобождать. Для

¹ Le testament, t. II, 238—281.

Мелье не подлежит сомнению, что народ способен не только переносить свободу, но и добыть ее для себя своими собственными усилиями. Он слишком близок к народу, чтобы считать его недостойным свободы. Во всей французской публицистике XVIII века нет более последовательного демократа, более последовательного защитника интересов крестьянской массы. Наконец, есть еще одна характерная особенность «Завещания», которая, пожалуй, с наибольшей силой сказывается в политических суждениях автора — это их эмоциональная окраска. В своей критике общественных отношений Мелье менее всего отвлеченный мыслитель, все его построение пропитано гневом и ненавистью к угнетателям, подлинно революционным пафосом. Не знающий компромисса демократизм и революционность — таковы отличительные черты критики феодально-абсолютистского порядка в «Завещании». Эти черты дают «Завещанию» совершенно особое место в политической литературе его времени.

Конечно, не в книгах, а в живой жизни источник революционного настроения Мелье. Жизнь нищей и угнетенной деревни сделала его демократом и революционером. Однако, как мы видели, Мелье отнюдь не был невеждой, и книжные знания послужили ему великолепным орудием в той борьбе, основное направление и цель которой были даны жизнью. Для подтверждения своих положений он часто прибегает к цитатам, умело

используя для дискредитации абсолютизма даже библию. Легко можно заметить влияние прочитанных им книг и в тех строках «Завещания», где Мелье излагает мысль от своего имени. Особенно бросается в глаза это влияние там, где идет речь о монархии вообще. Не может быть сомнения в том, что основные теоретические положения критики монархии в «Завещании» восходят к монархсмахам, хотя Мелье на них и не ссылается. Надо думать, что Мелье был знаком, в частности, с трактатом Ла Бэси «О добровольном рабстве»; многие фразы «Завещания» почти буквально повторяют соответственные положения Ла Бэси.

III

С критикой феодализма и абсолютизма тесно сплетается у Мелье критика частной собственности и семьи. Грань, отделяющая принципы, которым должна была нанести сокрушительный удар буржуазная революция 1789 года, от принципов, которые та же революция признала священными и неприкосновенными,— для Мелье совершенно нечувствительна.

Одно из самых распространенных зол общественной жизни, говорит Мелье, состоит в том, что все блага и богатства земли находятся в частном владении¹. При частном владении и пользовании богатствами каждый стремится иметь их как можно больше и

¹ Le testament, t. II, 210.

приобретать их какими угодно средствами, ибо жадность ненасытна и пробуждает в человеке все его порочные наклонности. Частная собственность — это как бы открытая дверь для их деятельности. Люди ведут ожесточенную борьбу за богатство. Самые сильные, хитрые, ловкие, а часто самые злые, недостойные побеждают в этой борьбе и захватывают в свои руки все жизненные блага. Возникает вопиющее неравенство: одни обжираются и опиваются, тогда как другие умирают от голода; одни ничего не делают, а другие изнемогают от труда, не имеют отдыха ни днем, ни ночью; на долю одних достается почет, другим остается унижение. Словом, одни живут в блаженстве и изобилии, как будто в раю, другие в страданиях и в нужде — в настоящем аду. И они совсем рядом — ад и рай. Но особенно отвратительно, что заслуживающие райского блаженства очень часто страдают в аду, а заслуживающие адских мук преспокойнейшим образом пользуются блаженством рая. В этом мире злые награждаются, а добрые несут наказание. Но и это еще не все: неравенство в распределении богатств порождает среди людей зависть и взаимную ненависть, ропот, смуты, восстания. Те, у кого нет даже самого необходимого, вынуждены для поддержания своего существования прибегать к воровству, грабежу, убийствам. Бедность отцов отражается и на детях. Отцы, необразованные, голодные, не имеют ни желания, ни возмож-

ности лучше воспитывать, обучать и кормить своих детей. Поэтому они и живут всю жизнь в невежестве, грубости, грязи, нищете.

Итак, частная собственность неизбежно порождает неравенство и служит источником неисчислимых зол и страданий. Доказывая это положение, Мелье не делает никаких попыток подкрепить его конкретными данными, взятыми из окружающей его жизни. Его рассуждение носит весьма общий характер. Мелье устанавливает некоторый общий закон, который он, подобно другим политическим мыслителям XVIII века, выводит из свойств человеческой природы. Речь идет у него о человеческом обществе вообще. Теоретические построения, осуждающие частную собственность как источник неравенства, Мелье мог найти во многих произведениях известных ему еще из семинарии античных и ранне-христианских авторов (Платон, Сенека, Лактанций и др.). Но, конечно, толчком к усвоению этой теории послужили впечатления от окружающей его действительности.

К середине XVII века капиталистические отношения начали уже проникать во французскую деревню. Современники отмечают появление в деревне слоя зажиточных фермеров-предпринимателей, с одной стороны, безземельных батраков — с другой. Капиталистическое развитие сельского хозяйства, несомненно, тормозилось общими условиями феодального порядка — господствовавшими в деревне феодальными производственными

отношениями и политикой абсолютной монархии. Как мы уже знаем, к концу царствования Людовика XIV деревня переживала тяжелый общий кризис, больно ударивший по всему крестьянству и особенно по его низшим слоям. Процесс пролетаризации, обезземеления крестьянской бедноты значительно ускорился. При этом, вследствие замедленного развития капитализма, рост спроса на рабочие руки значительно отставал от их предложения, пролетаризация была равносильна обнищанию. Эти факты были, конечно, хорошо известны Мелье. Непосредственные наблюдения над жизнью французской деревни придавали характер злободневности традиционным формулам античных авторов и в то же время подтверждали в сознании Мелье их правильность как общего закона.

«Природа достаточно плодородна,— сочувственно цитирует Мелье Фенелона,— чтобы дать все, что нужно, бесконечному числу умеренных и трудолюбивых людей»¹. Тунеядство одних повергает в нищету других. Только труд является источником богатства. Поэтому все имеют право пользоваться частью благ земных, но при условии выполнения какого-либо полезного труда. В нормальном обществе должен царить, по мнению Мелье, принцип равенства в труде и наслаждении. А для осуществления этого принципа необходимо, чтобы производство и потребле-

¹ Le testament. t. II, 210.

ние были построены на началах общности. «Люди должны владеть всеми благами и богатствами земли сообща и на равных правах и пользоваться ими также сообща и равномерно»¹.

Все жители одного города или одного прихода, говорит Мелье, должны составлять как бы одну семью. Они должны любить друг друга, как братья и сестры, должны жить вместе, пользоваться одинаковой или подобной пищей, иметь одинаково хорошие жилища, одинаково хорошую одежду. Но, с другой стороны, все обязаны принимать участие в труде, каждый сообразно своей специальности. Работы должны распределяться между членами общины по временам года, в зависимости от потребности в тех или иных продуктах и от удобства их производства. Таким образом, идеальное общество представляется Мелье совокупностью общин-приходов. Эти общины, в целях сохранения мира и взаимной помощи, заключают между собою союзы: без взаимной помощи, говорит Мелье, их благосостояние не прочно.

В характеристике основных ячеек «нормального» общества чувствуется некоторая тенденция к грубой уравнительности, к потребительскому коммунизму. Взаимоотношения между членами общины определяются моральным постулатом «братской любви». Все эти черты сближают представление Мелье об идеальном обществе с представлениями,

¹ Le testament, t. II, 310.

свойственными так называемому «еретическому коммунизму» средних веков. Однако Мелье чуждо отрицательное отношение средневековых коммунистических сект к политической власти. «Никакое человеческое общество,— говорит он,— даже будучи хорошо организовано, не может само собою сохранить порядок без некоторой зависимости между его членами, без подчиненности одних другим»¹. Эта необходимая иерархия не должна лишь нарушать закон справедливости, не должна одних чересчур возвышать, а других унижать, одним давать все, а другим ничего. Руководство общины должно принадлежать, по мнению Мелье, наиболее мудрым и опытным ее членам, иногда Мелье говорит — старцам. С другой стороны, он защищает идею выборности должностных лиц: повидимому, он предполагает, что выбор народа будет естественно останавливаться на наиболее опытных.

Как материальные, так и нравственные последствия замены частной собственности собственностью коллективной будут, по мнению Мелье, поразительны и неожиданны для бедняков. Никто ни в чем не будет нуждаться, всякий будет получать в общине необходимые для него и для его детей пищу, одежду и жилище. Не будет обманов и уловок, направленных к тому, чтобы выиграть что-то за счет ближнего, не будет судебных процессов, исчезнет зависть. Не будет краж, грабе-

¹ Le testament, t. II, 170.

жей и убийств, никто не будет стремиться к чужому кошельку, никому не придется надрываться на чрезмерной работе; все будут работать, никто не будет праздным, и поэтому каждый будет работать только за себя. «Вы удивляетесь, бедные люди. Вы спрашиваете, почему же вам приходится столько трудиться и столько страдать. Причина очень проста. Вы содержите своим трудом бесконечное количество тунеядцев... Вы доставляете им все необходимое для их существования и их удовольствий. Если же труд будет распределен между всеми людьми, то ваша доля труда неизбежно сократится. Вы будете жить счастливее, а трудиться меньше». Мелье предвидит, таким образом, при осуществлении строя общности резкое повышение уровня общего благосостояния. Мало того, что люди будут жить лучше; если захотят, они смогут жить роскошно¹. Аскетическое противопоставление изобилия и добродетели, которое мы встречаем у многих демократических писателей XVIII века (Мабли, Руссо), Мелье совершенно чуждо, как чужда ему и христианская мораль с ее проповедью самоотречения и смирения.

Брака в смысле юридической связи в «нормальном» обществе не должно быть. Женщины и мужчины должны быть, по мнению Мелье, в своих половых отношениях совершенно свободны. Когда они почувствуют, что им тяжело жить друг с другом, они будут

¹ Le testament, t. II, 236 и др.

свободно расходиться и заключать новые союзы. Тогда не будет несчастных браков; единственным мотивом брачного сожительства будет взаимное влечение и доброжелательство. Улучшится и положение детей. Они не будут, как это бывает теперь, с самого раннего детства страдать от нужды, голода и холода. Община будет содержать их за свой счет, будет заботиться об их воспитании и образовании. Целью общественного воспитания будут служить добродетели и честность, целью образования — приобретение полезных для общества знаний. Дети будут вырастать людьми сведущими и честными, людьми, способными служить с пользой своей родине.

В строении изображаемого им «нормального» общества Мелье явным образом исходит из круга деревенских отношений. Община-приход является у него самодовлеющей единицей, связанной с другими лишь узами добровольных союзов. Мы не находим в «Завещании» идеи народнохозяйственной организации, подчиненной в своей деятельности общему плану, так как самое представление о народном хозяйстве остается вне пределов его кругозора. Нет оснований утверждать, что Мелье был знаком с существовавшими в его время во Франции так называемыми крестьянскими «коммунами» и взял их за образец своей общины. В Шампани таких «коммун», повидимому, не было. Но Мелье упоминает с сочувствием об «остатках общего владения у приходов и светских

общин». Вероятно, наличие общинных традиций во французской деревне сыграло свою роль в формировании общинного идеала Мелье. Возможно, что он знал также об уравнительных лозунгах некоторых крестьянских восстаний его времени (например, восстания камизаров). Не надо забывать, однако, и о традиции литературной. При резко отрицательном отношении Мелье к неравенству и к частной собственности, он, конечно, должен был с особым интересом относиться к тем авторам, которые противопоставляли порядку, основанному на неравенстве, порядок, основанный на общности. В части «Завещания», посвященной социальным идеям, мы находим ссылки на Сенеку, на Овидия, на «Деяния апостолов». Стремясь подкрепить свои доводы в пользу общности, Мелье приводит широко распространенную в античной литературе легенду о «золотом веке», с которого начинается история человечества и при котором люди жили, не зная ни собственности, ни власти. Но с особенным вниманием он останавливается на рассказе «Деяний» о первых временах христианства, что опять-таки связывает его с «коммунистическими» ересями средних веков. Повидимому, говорит Мелье, христианская религия в начале своего существования стремилась к осуществлению идеала общности как лучшей формы общежития. Видно это не только из того, что она проповедовала принципы равенства и братства, но и из того, как жили первые христиа-

не: они отдавали все, что имели, в общее пользование, и среди них не было бедных... Но эта общность недолго среди них просуществовала; жадность вскоре проникла в их сердца и разделила их, вернув в прежнее состояние.

Более близких к нему по времени писателей, проповедовавших общность имуществ, Мелье, повидимому, не знает. Совершенно не заметно в «Завещании» влияние первых утопистов нового времени — Мора и Кампанеллы. Самой распространенной формой пропаганды социалистических идей были в начале XVIII века утопические романы. Мелье не упоминает ни одного из них, хотя лучший из этих романов — «История севарамбов» Вераса — дает описание коммунистических порядков, которое не могло бы не заинтересовать Мелье. Нет у Мелье и характерной для социально-политической литературы XVIII века идеализации «добрых дикарей», не знающих частной собственности и не понимающих слов «мое» и «твое». Мелье, конечно, известна теория естественного права, как права, вытекающего из природы человека. Термин «естественное право» не раз встречается в «Завещании». Так, нормой естественного права Мелье признает равенство людей. Но существенной, методологической роли в его рассуждениях теория естественного права не играет.

IV

Итак, весь общественный строй пропитан несправедливостью. Как будто две разные

расы людей живут в одном обществе, говорит Мелье. Одна ничего не делает, наслаждается и повелевает; другая трудится, страдает и повинуется. Первых несравненно меньше, чем вторых. Каким же образом держится столь явная несправедливость? Каким образом меньшинство ухитряется властвовать над большинством и эксплуатировать его? Почему угнетенные терпят и повинуются?

Сильные мира, конечно, пользуются для поддержания выгодного им порядка прямым насилием¹. Организацией такого насилия является, по мнению Мелье, государство. Всякий, кто осмелится сопротивляться государственной власти, кто осмелится противоречить ее повелениям, подвергается риску быть схваченным ее агентами и погибнуть. Но средства такого рода не имели бы решающего значения, если бы народы, одураченные хитрой ложью, не подставляли свои шеи добровольно под ярмо, налагаемое сильными и богатыми. Эта ложь — заблуждения и предвзятости, объединяемые в одно целое под названием религии. Истинный источник всех бедствий, всех недостатков человеческого общества Мелье видит в тесном союзе двух видов лжецов: духовенства и светских правителей. Служители религии под предлогом, что они ведут людей к небу и заботятся об их вечном спасении, мешают людям пользоваться счастьем здесь на земле. Спасая людей

¹ Le testament, t. I, 7—15.

от воображаемого, несуществующего ада, они обрекают их в этой жизни, единственно реальной, на муки действительного ада. Будущая жизнь, утверждает Мелье, это средство держать людей в страхе и вместе с тем не давать им приходиться в отчаяние.

Заклучив свой союз, светские и духовные властители великолепно уживаются друг с другом. Религия поддерживает правительство, хуже которого не может быть; правительство поддерживает религию, глупее которой не может быть. Духовные заставляют повиноваться властям, как поставленным от бога, под страхом вечного осуждения. Светские властители обеспечивают духовным хорошие доходы и поддерживают религиозные предрассудки. Вы, может быть, думаете, дорогие друзья, обращается Мелье к своим читателям, что я исключаю из числа ложных религий ту, которую мы исповедуем... Нет, надо разочароваться во всем, во что заставляют вас верить слепые невежды или своекорыстные обманщики. Вы не менее обмануты, чем другие. Ваша религия не менее пуста и суеверна, чем любая другая, не менее ложна в своих основах, не менее смешна в своих учениях и правилах. Ведь именно христианская религия оправдывает и санкционирует все злоупотребления существующего строя. Если бы она была истинной религией, она должна была бы порицать и проклинать его несправедливость. Бесконечно мудрый, добрый и справедливый бог не может поддерживать

такое вопиющее зло, как общественное неравенство или как тирания королей¹.

Представители бога на земле не только не защищают народ, но, наоборот, являются самыми наглыми льстецами тиранов. Они учат, что короли поставлены богом, что тот, кто им противится, противится божьему повелению. Они торжественно заявляют, что убийство тирана — грех. О, дорогие друзья! — восклицает Мелье, — если бы вы знали, какой лжи вас учат под видом религии, как недостойно и несправедливо пользуются властью под видом управления, вы почувствовали бы презрение ко всему, что вы почитаете, вы почувствовали бы ненависть и негодование к тем, кто вами управляет.

Первые религиозные представления людей имеют, по мнению Мелье, своим источником невежество. Вначале это были только суеверия, не имеющие серьезного значения. Но затем из общей массы выделились люди умные, честолюбивые, жадные к богатству. Заметив, что прочие люди легковерны, они задумали воспользоваться этим легковерием для своих корыстных целей. Выдавая себя за богов или за посланников богов, они заставляли людей повиноваться своим приказам, как велениям божества, и приобрели таким способом власть, а вместе с нею почет и богатство... Таким образом, в конечном счете происхождение общественного строя, как и его характер в настоящее время, объясняется невежеством

¹ Le testament, t. II, 181, 287.

масс; выделение группы правящих — их умственным превосходством. Наивный рационализм этих рассуждений Мелье очевиден. Мелье, как и буржуазные просветители XVIII века (не исключая их левого, материалистического крыла), не был в состоянии подняться до материалистического понимания законов развития человеческого общества. Самое понятие развития общества ему чуждо, критика общественных зол носит у него статический характер. Но все же в его представлениях о возможном будущем больше трезвого реализма, больше чувства действительности, чем у большинства его современников. Он верит во всепобеждающую силу истины. Однако он прекрасно понимает сложность того процесса, который должен привести к победе истины. Он прекрасно понимает, что поведение различных групп общества зависит от их интересов, что одни слои общества по самому своему положению являются защитниками существующего порядка, а другие — естественными его противниками.

Нет никого, говорит Мелье, кто бы решился выступить на борьбу со злом: одни не хотят, другие не могут. Не говоря уже о королях и знати, — они сами носители общественного зла, — разве захотят бороться с несправедливостью люди, занимающие какие-либо духовные или светские должности? На лжи и суеверии, на общественной несправедливости основывается почет, каким они пользуются, их власть, их крупные доходы. Не станут

бороться с несправедливостью и богатые купцы, ибо покровительство власти обеспечивает их благосостояние. Наконец, не станут бороться все те, кто любит сладкую жизнь, ее удобства и удовольствия, ибо борьба связана с мучениями и преследованиями. Тем же страхом преследований объясняется молчание умных и просвещенных людей, знающих всю ложность религии, всю несправедливость законов, но не решающихся идти на гибель во имя истины. Все эти люди сами вовсе не разделяют суеверий религии, к обрядам и таинствам относятся пренебрежительно. Они заботятся лишь о благах земной жизни, насколько не опасаясь адских мучений. Суеверия предназначены для других.

Естественными противниками существующего порядка являются люди, несущие его бремя на своих плечах. Они терпят это бремя прежде всего потому, что они невежественны. Они не могут распутать сеть заблуждений, в которой их умышленно держат. Живя в вечной нищете, в вечном тяжелом труде, не получая никакого образования, они не понимают, что их положение противоречит правам человека. К тому же они разрознены, между ними нет солидарности. А в деле такой важности, как борьба с угнетателями, необходимы взаимное доверие и сплоченность.

Если главную опору существующего строя составляет невежество масс, то все усилия должны быть направлены на их просвещение. В этом состоит долг всех просвещенных

людей. Мелье не рассчитывает на то, что таких людей найдется много. Образованные люди, говорит он, в большинстве своем являются прислужниками власти имущих. Мелье знает также, что книги, враждебные религии и государству, не доходят до народа. И все же он убежден в неизбежном торжестве справедливости¹.

Пора народу узнать правду. Необходимо освободить народ от власти религиозных суеверий, внушить ему ненависть и презрение к сильным мира, решимость сбросить ярмо тирании. Освобождение от заблуждений христианства будет, по мнению Мелье, не только умственным, но и нравственным освобождением человека. Христианская мораль, как и христианская догма, служит цели порабощения народа. Прославляя страдания и осуждая естественные влечения физической природы человека, она как бы советует людям терпеливо сносить голод и холод, угнетение и унижение. Стремиться к благам жизни, по учению христианства,—грех, покоряться своей несчастной участи—добродетель. Но хуже всего повеление любить своих врагов и делать им добро. Это правило, противоречащее здравому смыслу и справедливости, явно покровительствует злым и содействует угнетению добрых. Вполне естественно ненавидеть зло и защищаться от несправедливости. Лишь освободившись от христианской морали, угнетенные поймут, что они имеют право бороться

¹ Le testament, t. I, 27.

за свое земное счастье. А без борьбы с угнетателями народ не может восстановить справедливость.

Первое условие успешности этой борьбы — единодушие, солидарность. Объединяйтесь же, народы! — восклицает Мелье. — Помогите друг другу: дело идет о том, что одинаково важно для всех народов. Вас губит то, что вы сражаетесь друг против друга, вместо того, чтобы сражаться в одних рядах за общее дело... Все зависит от народа, все держится на нем; стоит вам захотеть, и тирания падет... У знатных не было бы больше богатства, чем у вас, если бы вы не давали им своего богатства; у них не было бы больше власти, чем у вас, если бы вы не хотели подчиняться их законам. Ваши дети, ваши родные, ваши друзья служат тиранам; без них и без вас они не могли бы обойтись. Они пользуются вашими силами против вас же самих... Чтобы иссушить корни тирании, говорит Мелье, достаточно лишить тиранов тех питательных соков, которые они извлекают из народного труда. Не давайте ничего гордым и бесполезным бездельникам, не давайте ничего монахам и духовенству, не давайте ничего дворянам, которые вас презирают, не давайте ничего тиранам, которые вас угнетают. Пусть ваши дети, ваши родные и друзья перестанут им служить. И вы увидите, как эти люди завянут, подобно траве, корни которой не получают соков из земли¹.

¹ Le testament, t. III, 391.

Мелье оправдывает все способы борьбы против тиранов, вплоть до тираноубийства. «Где благородные тираноубийцы минувших времен? — пишет он; — где Брут и Кассий? где убийцы Калигулы? Нет у нас более таких великих людей, как Жак Клеман и Равальяк, нет благородных душ, которые шли на смерть за счастье своей родины, которые доблестную гибель предпочитали позорной жизни». В этом восхвалении тираноубийства чувствуется несомненное влияние монархомахов — католиков, в частности известного проповедника Католической лиги Буше¹. Представление о Клемане и Равальяке, подсланных католическими организациями убийцах Генриха III и Генриха IV, как о мучениках, погибших за счастье родины, Мелье мог усвоить только из тираноборческой публицистики католического направления. С историей французского католического проповедничества, а следовательно, и с деятельностью Лиги Мелье мог ознакомиться еще в семинарии. Но возможно также, что основные положения монархомахов этого направления дошли до него через посредство часто им цитируемой публицистики XVII века (*Espion turc* и др.).

Конечно, представления Мелье о путях и способах борьбы против царящей в обществе

¹ Буше Жан — французский теолог и проповедник, один из активных участников и членов Совета Католической лиги. Написал в защиту убийцы Генриха III, Жака Клемана, тираноборческий памфлет «О справедливом отречении Генриха III».

неправды весьма примитивны, утопически наивны. Примитивны, утопически наивны также и его представления о «справедливом и разумном» порядке общности. Но в ряду утопистов XVI—XVIII веков фигура Мелье выделяется весьма резко. Этот деревенский священник начала XVIII века — несомненный предшественник коммунистов времени буржуазной революции, Бабефа и его соратников, поднявших в 1796 году знамя восстания во имя равенства.

В XVIII веке социально-политические суждения Мелье могли быть известны лишь немногим — тем, кто был знаком со списками «Завещания». Рукопись, оставленная Мелье, была напечатана полностью лишь в 1864 г. Для Вольтера, впервые издавшего часть «Завещания» в 1862 г., эти суждения должны были представляться опасными для общественного порядка; в его издание соответственные разделы «Завещания» не были включены. Не нашли они отражения и в посвященной Мелье книге Гольбаха «Здравый смысл» (1772). В эпоху буржуазной революции один из левых якобинцев — Анахарсис Клоотс — внес в Конвент предложение воздвигнуть статую Мелье. Но и сам Клоотс, и принявший его предложение Конвент ценили Мелье лишь как антирелигиозного писателя. Декрет Конвента был мотивирован тем, что Мелье был первый священник, отказавшийся от религиозных заблуждений. Мелье как революционер и коммунист был надолго забыт.

V

Зная, какую роль отводит Мелье религии в своей социальной философии, мы легко поймем, почему опровержение религии занимает центральное место в его «Завещании», почему этой задачей определяется самый план его труда.

Доводы Мелье против религии можно разделить на три группы. Первую группу мы уже рассмотрели, — это доводы, исходящие из несправедливости социального порядка. Вторую группу составляют доводы, направленные против специфических положений христианской доктрины: против учения о троичности божества, о грехопадении, об искуплении, о таинствах. Наконец, третья группа относится к общим основам религии, к учению о боге и о бессмертии души. Последний раздел представляет наибольший интерес для понимания миросозерцания Мелье, так как здесь он излагает основы своей собственной философии, предвосхищающей материализм более поздних французских философов XVIII века — Гельвеция, Гольбаха и их последователей. Основные идеи этой части «Завещания» получили во второй половине XVIII века широкую известность: их изложение было дано Гольбахом в упомянутой уже нами книге «Здравый смысл». Влияние Мелье на дальнейшее развитие материалистической мысли во Франции совершенно бесспорно.

Первый, не подлежащий никакому сомнению принцип, утверждает Мелье, состоит в

том, что мир существует реально. Быть последовательным скептиком — значит отказаться от света человеческого разума и становиться в противоречие с естественным чувством¹. Но таких скептиков нет: пирронизм² — скорее праздная игра ума, чем серьезное убеждение. Если бытие существует, то оно существовало вечно. Оно не могло начать существовать само по себе, так как то, что не существует, не может себе дать существование. Оно не могло получить начало от другого бытия, так как, когда бытие не существовало, то не существовало никакого бытия. Это вечное бытие, бытие вообще, есть сущность всех вещей.

Богопоклонники, продолжает Мелье, скажут, что это вечное бытие и есть их бог, что материальное и чувственное бытие не вечно, что оно создано их богом. Но это положение не имеет никаких разумных оснований. Во-первых, существование нематериальной субстанции, бога — не доказуемо. Во-вторых, вечное бытие скорее можно приписать чему-то реально существующему, а не воображаемому. В-третьих, гипотеза творения материального мира нематериальным существом страдает неустранимыми противоречиями.

¹ Le testament, t. II, 324.

² Пирронизм — одно из направлений античного скептицизма, названное так по имени древнегреческого философа Пиррона (365—275 до н. э.); пирронизм исходил из непознаваемости окружающих нас вещей.

Если трудно представить, что мир существует сам по себе, то еще труднее понять, как творец мог создать мир из ничего. Нематериальное существо, не имеющее ни тела, ни частей, не может двигаться, следовательно не может ничего делать, ничего создавать. Наконец бытие должно находиться во всех вещах как их сущность: из него они возникли и к нему возвращаются. Такой реальной сущностью вещей Мелье считает материю. Следовательно, умозаключает он, бытие есть материя. Материя вечна, ее существование не зависит ни от какого другого бытия, она первопричина всего существа. Материя делима, материя способна к движению. Все в природе происходит по естественным законам движения материи, все объясняется различным сочетанием, конфигурацией и модификацией ее частей. Материя движется сама по себе, никакой внешней причины, вызывающей ее движение, не существует.

Учение Мелье о материи и движении в своих основах восходит, несомненно, к античным материалистам; но в то же время оно носит на себе несомненные следы влияния картезианства. С другой стороны, Мелье, очевидно, совершенно не знаком с теорией Ньютона и с английской философской литературой, оказавшей такое большое влияние на более поздних французских просветителей XVIII века.

Если единственное реальное бытие — материя, то и человеческая душа, которая дает

движение и силу человеческому телу — тоже материя. Мы не можем себе представить, говорит Мелье, реальное существо, которое не имело бы тела и не занимало бы некоторого пространства; нельзя представить себе бытие, лишенное всех свойств бытия. Тем не менее философы провели между телом и духом какую-то грань. Ни мысль, ни желания, ни чувства, говорят они, не имеют протяженности; из этого они заключают, что и самая душа непротяженна. Так у них получаются две субстанции: одна протяженная — материя, другая только мыслящая — дух. Но аргументы философов в пользу особой субстанции души совершенно неубедительны. Вовсе не все модификации материи протяженны. А если так, то и непротяженная мысль может быть модификацией материи. Представление о нематериальности души ни на чем не основано и противоречиво. Предполагая нематериальность души, мы встречаем целый ряд затруднений, вытекающих из необходимости объяснить взаимодействие души и тела. Душа и тело образуют единое живое существо; тесная связь между ними несомненна для всех философов. Мы мыслим при помощи нашего мозга, видим при помощи глаз. Отнимите у нас все органы, говорит Мелье, и что останется от нашей жизни? где будут наши мысли, наши страдания и наслаждения? Конечно, их не будет вовсе. Как возможна такая зависимость

души от тела, если это две различные субстанции?

То, что мы называем душой, есть, по мнению Мелье, лишь некоторое количество очень тонкой, легкой и подвижной материи¹.

Мышление — внутреннее движение, модификация материи. Однако нельзя сказать, что мыслит и чувствует материя вообще. Мыслить и чувствовать может лишь существо одушевленное, т. е. одаренное дающей жизнь материи душой. Бессмертие души Мелье категорически отвергает. Невозможно себе представить, в чем будет состоять жизнь души без тела, куда она денется после смерти тела. Предположить, что душа переселяется из одного тела в другое, совершенно нелепо. Материальная душа разрушается вместе с разрушением тела, исчезая, подобно пару.

Учение Мелье о душе сложилось, несомненно, под влиянием Лукреция. Мелье посвящает даже отдельную главу выдержкам из философской поэмы великого материалиста древности. Основные положения теории души взяты Мелье у Лукреция в неизменном виде. Однако в рассуждениях Мелье чувствуется также знакомство с мыслителями XVI—XVII веков: с Монтенем (чувственное происхождение познания) и с Декартом (постановка вопроса о взаимодействии души и тела).

Мелье приписывает мышление и чувство-

¹ Le testament, t. III, 364.

вание тому же началу, которое дает и жизнь. Исходя из этого положения, он приходит к выводу об одушевленности животных и растений. Этому вопросу он уделяет большое внимание, резко полемизируя с картезианством. Картезианцы, говорит Мелье, не желая признавать за животными права обладать нематериальной душой и в то же время не допуская, чтобы сама материя могла чувствовать и мыслить, приходят к абсурду: животные, по их мнению, ничего не чувствуют, ничего не желают, ничего не боятся и т. д. На самом деле животные понимают друг друга, если принадлежат к одному виду, у них есть общественная жизнь. Предполагать, что животные бездушные машины — чистейшее безумие, и сторонники таких взглядов заслуживают не опровержения, а насмешки.

Вполне понятно, почему Мелье считает необходимым подвергнуть критике этот тезис картезианской философии. Мир животных — это позиция, добровольно уступленная Декартом материализму. Животные, по учению Декарта, не обладают нематериальной душой, они — целиком материя. Признавая это положение Декарта и доказывая, с другой стороны, что животные чувствуют и мыслят, Мелье тем самым обосновывает свое учение о материальной душе.

Для понимания того процесса, который превратил католического священника в воинствующего материалиста, необходимо остано-

виться на одном из аргументов, приводимых Мелье против бытия божия. Мелье последовательно опровергает все так называемые доказательства бытия божия, выдвигаемые церковью. Необходимость полемизировать со схоластиками заводит иногда и самого Мелье в дебри схоластики. Мы за ним туда не последуем. Но тот аргумент, о котором мы упомянули, имеет самостоятельное значение. Он составляет как бы связующее звено между философскими и социальными идеями Мелье.

В мире вообще и в человеческой жизни в частности, говорит Мелье, царит зло, как физическое, так и нравственное: пороки, страдания и болезни, мучительная смерть. Невозможно допустить, чтобы всеблагой и всемогущий бог, создавая мир, пожелал страданий для своего собственного творения. Как же примирить эти несомненно существующие страдания с предполагаемой благодатью бога? Богопоклонники оправдывают зло мира какими-то особыми целями бога. Бог будто бы творит зло, чтобы извлечь из него добро. Страдания посылаются грешникам в наказание за их грехи, а праведникам — для испытания их добродетели. За страдания земной жизни люди будут якобы вознаграждены в жизни небесной. Все эти рассуждения, по мнению Мелье, не имеют никакой цены. Всемогущий бог мог бы дать людям все блага, не прибегая к помощи зла. Вместо того чтобы наказывать грешников и приводить их таким образом к благу, бог мог бы уничто-

жить самый грех. Кроме того, страдания делают обычно людей не лучше, а хуже. Наконец, если даже допустить, что существуют какие-то блага будущей жизни, эти блага могли бы быть даны богом и без предшествующих страданий. Люди в глубине души никогда не могут примириться с этой теорией: они всегда молят бога об избавлении от страданий. Страдания невинных и добродетельных людей ничем не могут быть оправданы, тем более что блага будущей жизни — чистейшая фантазия. Но зло, царящее в мире, возражают богопоклонники, дает возможность проявиться во всей полноте справедливости и милосердию божью. Бог, таким образом, оказывается похож на врача, который, чтобы показать свое искусство, сам распространяет заразные болезни. Всемогущий и всеблагий бог не мог бы допустить в созданном им мире ни малейшего зла. Следовательно, если есть зло, то нет бога.

* * *

«Завещание» Мелье — произведение замечательное по своей цельности и последовательности. Социально-политические построения, критика христианского «откровения», материалистическая философия — все эти составные части «Завещания» тесно спаяны между собой и логически и эмоционально. Они пронизаны единым чувством — чувством ненависти к господствующему в мире злу, единой идеей — идеей борьбы против всех видов

угнетения, за торжество разума и справедливости. Частная собственность порождает неравенство и эксплуатацию бедных богатыми; монархия охраняет порядок, основанный на неравенстве, и сама принимает участие в эксплуатации; религия своими нелепыми сказками усыпляет угнетенных, освящает существующее зло; учение о боге, о бессмертии души, о будущей жизни служит средством держать бедных в покорности. Придя к этим выводам, Мелье с неуклонной последовательностью отвергает и частную собственность, и монархию, и христианскую религию, и идеалистическую философию. Разрушив, таким образом, до основания свое официальное мировоззрение, он естественно приходит к коммунизму и материализму — в тех их формах, какие соответствовали условиям его времени и его умственному кругозору.

Революционно-демократическая страстность, так резко выделяющая «Завещание» Мелье из всей социалистической и материалистической литературы XVIII века, порождена, несомненно, социальными отношениями французской деревни. Те же деревенские отношения определили характер основной ячейки идеального общества Мелье — приходской общины. Мелье интересен не только как отдаленный предшественник современного коммунизма. Его «Завещание» важно для историка, как симптом, как своеобразное отражение тех революционных настроений и социальных чаяний, которые в период кризиса феодально-

крепостнического строя зарождались в сознании находившейся на грани нищеты деревенской бедноты. Этот замечательный документ — свидетельство глубинных течений в обездоленной крестьянской массе, течений, которые полстолетия спустя, в 1789 году, бурно вырвавшись на поверхность, опрокинули и феодальный порядок, и абсолютную монархию.

LE
TESTAMENT

DE

JEAN MESLIER,

CURÉ D'ÉTREPIGNY ET DE BUI EN CHAMPAGNE, DÉCÉDÉ EN 1733.

OUVRAGE INÉDIT

PRÉCÉDÉ D'UNE PRÉFACE, D'UNE ÉTUDE BIOGRAPHIQUE ETC.

PAR

RUDOLF CHARLES.

TOME I.

AMSTERDAM.

A LA LIBRAIRIE ÉTRANGÈRE

RAISON R. C. MEIJER,

Kalverstraat, E. 246

1864.

Титульный лист «Завещание» Ж. Мелье
(издание Р. Шарля)

2

Ж. МЕЛЬЕ

ЗАВЕЩАНИЕ

2000

2

І. Предисловіе. Задача труда

Дорогіе друзья, мне нельзя было при жизни открыто высказать то, что я думал о порядке и способе управления людьми, об их религіях и нравах, это сопряжено было бы с очень опасными и прискорбными послѣдствіями; поэтому я решил сказать вам это после своей смерти. Я желал бы сказать вам это во всеуслышаніе перед смертью, когда я почувствую, что дни мои подходят къ концу, но буду еще свободно владѣть способностью речи и сужденія. Однако я не уверен в том, что в те послѣдніе дни или минуты в моем распоряженіи будет достаточно времени и я сохраню присутствіе духа, необходимое для того, чтобы открыть вам свои мысли. Это побудило меня изложить их вам теперь в письменном видѣ и вместе с тем дать вам ясныя и убѣдительныя доказательства всего того, что я намерен вам сказать. Цель моя — по мере сил моих открыть вам глаза, хоть и поздно, на те нелепыя заблужденія, среди которых мы все, сколько нас есть, имѣли несчастье родиться и жить, на заблужденія, которые я сам имѣл неприятную обязанность

поддерживать в вас. Говорю — неприятную, потому что эта обязанность поистине была мне тяжела. Поэтому я лишь с великим отвращением и довольно небрежно исполнял ее, как вы могли это заметить.

Вот, чистосердечно признаюсь, что побудило меня вначале обратиться к замыслу, к выполнению которого я теперь приступаю. Как я естественно чувствовал * это на себе самом, я не находил в людях ничего столь приятного, привлекательного, любезного и желательного, как спокойствие, доброта, нелицеприятие, справедливость и истина; мне казалось, что они должны являться для самих людей неисчерпаемыми источниками благ и счастья, если люди будут бережно сохранять в своих отношениях столь любезные добродетели. Как я естественно чувствовал это на себе самом, я не находил также ничего столь ненавистного, противного и пагубного, как смуты и раздоры, злостный обман, несправедливость, ложь, тирания, которые губят и убивают в людях все, что может быть в них лучшего, и являются поэтому роковым источником всех пороков, всего дурного и пагубными причинами всех зол и несчастий, обрушивающихся на людей в их жизни.

С самой ранней юности я видел заблуждения и злоупотребления, причиняющие столько зла на свете. С годами, обогащаясь опытом,

* Филипп¹, 2: 5. «В вас должны быть те же чувствования».

я все более убеждался в слепоте и злобе людей, в бессмысленности их суеверий, в несправедливости, с которой ими управляют. Таким образом, хотя я никогда не был тесно связан с миром, я мог сказать вместе с мудрым Соломоном, что видел — и видел, можно сказать, с удивлением и негодованием, — как по всей земле царит беззаконие, а в правосудии царит столь великая продажность, что даже те, которые поставлены творить правый суд, стали худшими преступниками и подменили правду кривдой*. Я видел столько злобы в мире, что даже самая совершенная добродетель и самая чистая невинность не были свободны от злословия клеветников. Я видел — и это можно еще и теперь наблюдать на каждом шагу, — как множество несчастных людей подвергается без всякой вины и основания преследованиям и несправедливому угнетению, видел, что их несчастье никого не трогает, что они нигде не находят милосердного покровителя, который пришел бы им на помощь. Слезы опечаленных праведников, бедствия столь многих людей, тиранически угнетаемых богатыми и сильными мира сего, внушили мне, как и Соломону, такое отвращение и презрение к жизни, что я вместе с ним считал удел мертвых более счастливым, чем участь живых, а неродившихся считал в

* «Еще видел я под солнцем: место суда, а там — беззаконие, место правды, а там — неправда» (Екклез. ², 3; 16).

тысячу раз счастливее родившихся и изнывающих под бременем стольких несчастий *.

Но особенно поразило меня при виде всех этих заблуждений, злоупотреблений, суеверий, обмана и тирании, царствующих в мире, следующее: хотя многие люди славились своей мудростью, ученостью и благочестием, ни один из них не решался ни говорить, ни открыто выступить против столь возмутительных порядков. Я не видел ни одного влиятельного человека, который осуждал бы их и порицал, тогда как в народе, не прекращаясь, раздавались жалобы и стоны по поводу его несчастий. Молчание стольких умных людей, в том числе даже лиц высокого звания и достоинства, людей, которые, казалось мне, должны были выступить против потока пороков и суеверий или по крайней мере пытаться хоть сколько-нибудь смягчить это великое зло, представлялось мне, к моему великому удивлению, своего рода одобрением, причем я не понимал еще ни смысла, ни причины этого. Но в дальнейшем я несколько ближе разглядел порядок управления людьми и несколько глубже проник в тайны хитрой и тонкой политики честолюбцев, стремящихся к высоким постам, к власти и управлению другими людьми, особенно же к почету и уважению. Тогда я легко разгадал не только источник

* «Восхвалил я более мертвых, чем живущих, а счастливее тех и других я считал тех, кто еще не родился и не видит злых дел, которые делаются под солнцем» (Екклез., 4 : 2).

и происхождение всех этих заблуждений, суеверий и дурного управления,— я понял также причину, почему люди, считающиеся умными и образованными, не возражают против этих возмутительных порядков, хотя им достаточно знакомо бедственное положение народа, совращенного и обманутого столькими заблуждениями и притесняемого столькими беззакониями.

II. Мысли и чувства автора по поводу религии мира

Итак, мои дорогие друзья, источник всех зол, обрушивающихся на вас, и всего обмана,— увы! — держащего вас в плену заблуждений и нелепых суеверий, а также во власти тиранических законов сильных мира сего, заключается не в чем ином, как в возмутительной политике людей, о которых я говорил выше. Одни стремятся несправедливо властвовать над себе подобными, другие желают приобрести некую суетную славу святости, а иногда даже божественности; те и другие не только искусно пользовались силой и насилием, но прибегали также ко всякого рода хитростям и уловкам, чтобы одурманить народ и тем легче добиться своих целей. Таким образом обе категории этих хитрых и лукавых политиков, злоупотребляя слабостью, легковерием и невежеством беспомощной и непросвещенной народной массы, без труда заставили ее поверить во все, что им надо было, а затем принять, с благоговением и покорно-

стью, волей или неволей, все навязанные ей законы. С помощью таких средств одни заставляли почитать и даже обоготворять себя, как божества или как лиц особой святости, специально посланных теми или другими богами, чтобы сообщить волю последних прочим людям, другие стали богатыми, могущественными и грозными в мире; а когда те и другие при помощи этих уловок стали достаточно богатыми, могущественными, влиятельными и грозными, чтобы заставить бояться себя и повиноваться себе, они открыто и тиранически подчинили своих ближних своим законам.

Большую помощь при этом им оказали раздоры, споры, распри и вражда, часто возникающие среди людей, потому что большинство людей весьма отличается друг от друга по своему характеру, уму и склонностям и не может долгое время уживаться друг с другом без ссор и распрей. Во время таких смут и раздоров те, которые оказываются самыми сильными и смелыми, — возможно также самыми злыми, — не упускают случая воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы легче подчинить окружающих своему безусловному господству.

Вот, дорогие друзья, подлинный источник и истинное происхождение всех тех зол, которые производят смятение в человеческом обществе и делают людей несчастными в их жизни. Вот источник и происхождение всех заблуждений, всего обмана, всех суеверий, мнимых божеств и идолопоклонства, к несча-

стью распространившихся по всей земле. Вот происхождение и источник всего того, что вам объявляют самым святым и священным и заставляют благоговейно называть религией. Вот источник и происхождение всех этих якобы святых и нерушимых законов, которые под предлогом благочестия и религии вас заставляют неукоснительно соблюдать, как якобы данные самим богом. Вот источник всех тех пышных, но пустых и смешных обрядов, которые с показной торжественностью проделывают ваши священники при своих мнимых священнодействиях и своим ложном служении богу. Одним словом, вот источник и происхождение всего того, что вас заставляют почитать и уважать, как божество или как безусловно божественное. Вот также источник и происхождение всех этих гордых титулов и названий: сеньор, государь, король, монарх, властелин; носители их, управляя вами, на деле угнетают вас, как тираны; под предлогом общественного блага они похищают у вас все самое прекрасное и самое лучшее; под предлогом божественного происхождения своей власти они заставляют почитать, бояться и слушаться их самих, как богов. И, наконец,— вот начало и происхождение всех прочих тщеславных названий: благородный, дворянин, граф и т. д., которыми кишит земля, по выражению одного автора; почти все эти люди — словно хищные волки, под предлогом своих прав и власти они угнетают вас, попирают вас, грабят, отнимают у вас самое

лучшее. Вот также начало и происхождение всех якобы святых и священных привилегий церковной и духовной власти, которую ваши священники и епископы захватили над вами; под предлогом приобщения вас к духовным благам благодати и милости божьей они хитроумно лишают вас благ, несравненно более реальных и существенных, чем те, которые они сулят вам; под предлогом открыть вам царствие небесное и сподобить вас вечного блаженства они препятствуют вам спокойно пользоваться всяким подлинным счастьем здесь на земле; наконец, под предлогом спасения вас на том свете от воображаемых мук ада, на самом деле не существующих, как и вечная потусторонняя жизнь, они внушают вам страхи и надежды, вредные для вас и [бесполезные?]* для них, и заставляют вас терпеть настоящие муки ада в этой жизни, единственной, на которую вы можете рассчитывать.

Эти тиранические правительства держатся только на тех же приемах и принципах, при помощи которых они были установлены, а так как бороться против основ какой-либо религии или нарушать основные законы какого-либо государства или республики является опасным делом, то неудивительно, что умные и просвещенные люди приноравлива-

* Слова, взятые в квадратные скобки и помещенные в тексте «Завещания», не принадлежат Мелье и вставлены редакцией как необходимые для понимания текста.

ются к общим законам государства, как бы те ни были несправедливы; приноравливаются также, хотя бы для видимости, к практике и политике установленной религии, несмотря на то, что в достаточной мере сознают ее заблуждения и призрачность. В самом деле, как ни трудно им превозмочь себя и подчиняться этим заблуждениям, им все же гораздо выгоднее и удобнее жить в спокойствии и сохранять свое достоинство, чем добровольно идти на гибель и выступать против течения, против всеобщих заблуждений и против государства, стремящегося подчинить все своей абсолютной власти. К тому же в больших государствах, королевствах и империях государи не имеют возможности сами справляться со всем и самолично поддерживать свою власть и господство на обширной территории страны; поэтому они всюду сажают своих чиновников, интендантов и губернаторов и множество других ставленников, щедро оплачиваемых ими из общественного кошелька, для того, чтобы они блюли их интересы и поддерживали их власть и чтобы никто не смел противиться ей и даже не смел открыто высказаться против такого самодержавия, не рискуя собственной гибелью. Вот почему самые умные и образованные люди вынуждены хранить молчание, хотя отлично видят все злоупотребления такого несправедливого и ненавистного правительства.

Прибавьте к этому частные цели и вожде-
ления всех крупных, средних и даже мелких

чиновников, гражданских и церковных, а также тех, кто домогается этих должностей. Несомненно, все они до единого гораздо более заняты мыслью о своих личных выгодах и интересах, чем искренней заботой об общественном благе. Все они руководятся своим честолюбием и сребролюбием или другими ласкающими плоть и волнующими кровь соображениями. И, конечно, не люди, добивающиеся государственных чинов и должностей, выступают против гордыни, тщеславия и тирании государя, стремящегося все подчинить своей воле. Напротив, они окружают его лестью, потакают его дурным склонностям и злым замыслам, надеясь выдвинуться и расширить свое влияние под сенью его власти. Не будут сопротивляться также те, кто домогается духовных санов и тепленьких местечек в церковной иерархии: ведь они стремятся получить и упрочить за собой эти выгоды именно путем покровительства и власти тех же государей. Далекие от мысли противиться дурным намерениям государей или в чем-либо противоречить им, они первыми будут пресмыкаться перед ними и славословить все их поступки. Они не выступают с осуждением ходячих заблуждений, не станут разоблачать обман, иллюзии и мистификации ложной религии, так как на этих заблуждениях и обмане покоятся все их положение и вся их власть вместе с большими доходами, связанными с их саном. Не будут противиться несправедливым действиям государей также бо-

гатые скупцы, не они выступают открыто с порицанием заблуждений и злоупотреблений ложной религии, ибо они сплошь да рядом получают именно по милости государей прибыльные государственные должности или тепленькие местечки в церковном ведомстве. Они предпочитают накапливать богатства и сокровища, нежели искоренять заблуждения и злоупотребления, от которых они получают такие большие выгоды. Не выступают против упомянутых злоупотреблений также те, кто любит спокойную жизнь, кто дорожит утехами и удобствами жизни; они предпочитают спокойно пользоваться наслаждениями и радостями жизни и не подвергать себя тягостным преследованиям за выступление против потока всеобщих заблуждений. Не выступают также ханжи-лицемеры, они рядятся в тогу добродетели и под личиной благочестия и религиозного рвения скрывают самые гнусные пороки; чтобы искуснее добиться своих целей, своих личных выгод, они обманывают других напускной святостью и добродетелью. Наконец, не выступают также слабые и невежды: без знаний и влияния они не в силах разобраться в заблуждениях и измышлениях, которыми их кормят, они не в силах также противостоять мощному потоку, который увлечет их в случае противодействия с их стороны. К тому же лица различного состояния и положения так тесно связаны между собой отношениями подчинения и зависимости, между ними почти всегда столько соперничества

и зависти, столько вероломства и коварства, даже среди самых близких родственников, что один не может положиться на другого; поэтому они не могли бы предпринять что-либо, не подвергаясь опасности быть открытыми и преданными кем-нибудь. В таком чреватом последствиями деле, как попытка добиться реформы от столь дурного правительства, небезопасно довериться даже другу, даже брату. Итак, если никто не может, не желает, не осмеливается воспротивиться всем этим заблуждениям, обману и тирании сильных мира сего, то не следует удивляться, что эти пороки имеют такую силу и так широко распространены на земле. Вот почему воцарились на земле обман, заблуждения, суеверия и тирания.

Казалось бы, по крайней мере в данном случае, что религия и политика не могут ужиться друг с другом, что они должны были бы составлять контраст и противоречить одна другой, так как религия с ее кротостью и благочестием должна осуждать суровый и несправедливый режим тирании. С другой стороны, казалось бы, рассудительная и мудрая политика должна осуждать и подавлять злоупотребления, заблуждения и обман ложной религии. Верно, что так должно быть; но то, что должно быть, не всегда происходит в действительности. Итак, хотя на первый взгляд религия и политика столь противоположны и противоречат одна другой по своим принципам, на самом деле они неплохо ужи-

ваются друг с другом, как только заключат между собой союз и дружбу; можно сказать, что с этого момента они уживаются между собой, как два вора-карманника, которые защищают и поддерживают друг друга. Религия поддерживает даже самое дурное правительство, а правительство в свою очередь поддерживает даже самую нелепую, самую глупую религию. Священники призывают свою паству под страхом проклятия и вечных мук повиноваться начальству, князьям и государям, как власти, поставленной от бога. В свою очередь государи заботятся о престиже священников, наделяют их жирными бенефициями и богатыми доходами, поддерживают их в пустых и шарлатанских функциях их богослужения и заставляют народ считать святым и священным все, что они делают и чему они учат,— все это прикрывается благовидным предлогом религии и служения богу. Вот вам еще один способ, при помощи которого воцарились в мире обман, заблуждения, суеверия, иллюзии, мистификации, продолжающие существовать к великому несчастью бедных народов, изнывающих под их тяжким бременем.

Быть может, вы подумаете, дорогие друзья, что из множества существующих в мире ложных религий я намерен сделать исключение по крайней мере для католической религии, которую мы все исповедуем и о которой говорим, что только она учит истине, признает и почитает как следует истинного бога, ведет

человека по истинному пути спасения и вечного блаженства. Однако не обольщайтесь, дорогие друзья, не обольщайтесь ни этим, ни вообще всем тем, что внушают вам ваши набожные и невежественные или циничные и корыстные священники и богословы, всем тем, что они преподносят вам под видом их якобы непогрешимой, святой и божественной религии. Вы тоже совращены и обмануты не в меньшей мере, чем другие, наиболее обманутые. Вы заблуждаетесь не меньше тех, которые глубже всего погрязли в суевериях. Ваша религия не менее призрачна, не менее суеверна, чем все другие; она не менее ложна в своих основаниях, не менее смешна и нелепа в своих догмах и правилах; вы не менее идолопоклонники, чем те, которых вы сами порицаете и осуждаете за идолопоклонство. Ваши представления отличаются от представлений язычников только по виду. Короче говоря, все, что ваши богословы и священники с таким пылом и красноречием проповедуют вам о величии, превосходстве и святости таинств, которым они заставляют вас поклоняться, все, что они с такой серьезностью рассказывают вам об их мнимых чудесах, все, что они с таким рвением и уверенностью расписывают вам о небесных наградах и о страшных адских муках,— все это в сущности не что иное, как иллюзии, заблуждения, обман, измышление и надувательство: их выдумали вначале хитрые и тонкие политики, повторяли за ними обманщики и шарлатаны, потом

этому слепо поверили невежественные и темные люди из народа и, наконец, это поддержано было властью государей и сильных мира, которые потворствовали обману и заблуждениям, суевериям и шарлатанству и закрепили их своими законами для того, чтобы таким путем держать в узде массы и заставлять их плясать под свою дудку.

Вот каким образом, дорогие друзья, правители поступали и поступают с народом, самонадеянно и безнаказанно злоупотребляя именем и авторитетом божьим для того, чтобы заставить почитать и бояться себя вместо того, чтобы поклоняться и служить воображаемому богу, могуществом которого они вас запугивают. Вот как они злоупотребляют показным именем благочестия и религии, чтобы внушать слабым и темным людям все, что им вздумается. Вот как они, наконец, опутывают весь мир ненавистными мистериями обмана и несправедливости, тогда как и те и другие [гражданская и церковная власть] должны были бы отдать свои силы исключительно на установление повсеместно царства мира, справедливости и истины, которое сделало бы все народы мира счастливыми и довольными.

Я сказал, что они повсюду простирают сеть несправедливости. Все эти скрытые пружины тонкой политики, а также благочестивые религиозные правила и обряды на самом деле являются не чем иным, как мистериями обмана и несправедливости. При этом я имею в виду весь тот бедный люд, который,

к несчастью, оказываеся одураченным подобными мистериями и является игрушкой и несчастной жертвой сильных мира сего. Но для правителей и их сообщников, а также для священников, которые управляют совестью людей и обеспечены тепленькими местечками, это — золотое дно, рог изобилия, доставляющий им как по мановению жезла все блага. Это позволяет этим господам развлекаться и жить в свое удовольствие, тогда как нищий народ, который находится в сети религиозного кошмара и суеверий, тяжело и горько вздыхает и все же смиренно несет иго сильных мира сего; он терпеливо переносит свои невзгоды и утешает себя тщетными молитвами, возносимыми к неслушающим его богам и святым; предается пустым религиозным обрядам, исполняет все покаяния, налагаемые на него после мнимого и суеверного исповедания грехов, и денно и нощно работает не покладая рук, чтобы кровью и потом добыть себе свое нищенское пропитание и обеспечить привольное и радостное житье виновникам всех его несчастий.

Ах, дорогие друзья, если бы вы знали всю бессмысленность и вздорность тех сказок, которыми вас кормят под предлогом религии, если бы вы знали, как несправедливо и возмутительно злоупотребляют властью, захваченной над вами под предлогом управления вами, вы, несомненно, лишь презирали бы все то, перед чем вас заставляют преклоняться, и воспылали бы ненавистью и негодованием

ко всем тем, кто эксплуатирует вас, так дурно управляет вами, так гнусно обращается с вами. По этому случаю мне вспоминается пожелание одного человека: он не отличался образованием и ученостью, но, повидимому, не лишен был здравого смысла, чтобы трезво судить о всех тех возмутительных злоупотреблениях и обрядах, которые я здесь порицаю. Судя по его манере высказывания, он, повидимому, был достаточно прозорлив и достаточно проник в ту тайну несправедливости, о которой я вам говорил, так как он хорошо понял, кто ее зачинщики и вдохновители. Он высказал пожелание, чтобы «все сильные мира и знатные господа были перевешаны и удушены петлями из кишков священников». Это суждение не может не произвести несколько грубого и резкого впечатления, но ему нельзя отказать в наивной прямоте. Оно коротко, но красноречиво, так как в нескольких словах высказывает все, чего заслуживают подобные люди. Что касается меня, дорогие друзья, то если бы мне пришлось высказать свое пожелание по этому поводу (а я не преминул бы высказать его, если бы оно могло иметь свое действие), то я желал бы иметь мышцы и силу Геркулеса, чтобы очистить мир от всех пороков и несправедливости, и с удовольствием убил бы всех этих гидр заблуждений и несправедливости, причиняющих столько страданий всем народам мира. Не подумайте, дорогие друзья, что я движим здесь каким-нибудь чувством личной мести и

вражды, каким-либо личным интересом; нет, друзья, я пишу и говорю это отнюдь не под влиянием страсти, не она внушает мне эти чувства; мною руководит только стремление к справедливости и истине, которые я вижу столь возмутительно поправными, и отвращение к пороку и несправедливости, которые дерзко царят повсюду. Никакая ненависть, никакое отвращение не будут чрезмерны по отношению к людям, которые являются виновниками стольких зол и повсеместно эксплуатируют других. В самом деле, разве мы не имеем полного права прогнать с позором из города или провинции шарлатанов, которые под видом милосердия снабжают публику якобы лекарствами, а на самом деле лишь злоупотребляют простодушием и темнотою народа, продавая ему по дорогой цене вредные и опасные мази и снадобья? Разумеется, мы имеем полное право прогнать их с позором, как гнусных обманщиков. Другой пример: разве мы не осудим публично и не подвергнем суровому наказанию разбойников и бандитов с большой дороги, которые грабят и бесчеловечно убивают всех, имевших несчастье попасться им в руки? Конечно, их надо сурово карать, они вполне заслуживают ненависть и проклятия; позволить им безнаказанно продолжать свои бесчинства было бы даже очень дурно. Но еще гораздо больше оснований, дорогие друзья, мы имеем осуждать, ненавидеть и проклипать, как я это делаю здесь, всех слуг суеверий и беззаконий,

господствующих над нами таким тираническим образом, одни над нашей совестью, другие над нашим телом и имуществом, причем служители религии, властвующие над нашей совестью, являются самыми наглыми обманщиками народа, а государи и прочие сильные мира сего, властвующие над нашим телом и имуществом,—самыми крупными ворами и убийцами из всех существующих в мире. «Все они, сколько их ни приходило,—сказал Иисус Христос,—воры и разбойники» (Иоанна³, 10 : 8).

Вы скажете, быть может, дорогие друзья, что я отчасти говорю против самого себя, так как я принадлежу к тому же званию и профессии, как те, которых я называю здесь самыми наглыми обманщиками народа. Действительно, я говорю против своей профессии, но никак не против своего убеждения и своих собственных чувств; я никогда не был легковерен и склонен к суеверию, я никогда не был столь глуп, чтобы придавать значение таинствам и сумасбродствам религии, я никогда не испытывал влечения участвовать в них или даже говорить о них с почтительностью и одобрением; напротив, я всегда скорее рад был бы открыто показать свое презрение к ним, если бы мне позволено было говорить сообразно моим убеждениям и взглядам. В молодости меня уговорили принять духовное звание, я пошел на это, чтобы не огорчить своих родителей, которым очень хотелось видеть меня в этом звании, как

более спокойном, мирном и почетном, чем положение среднего человека из народа. Однако я могу сказать, не кривя душой, что никогда соображения материальной выгоды не внушали мне любви к этой профессии, в которой процветают заблуждения и обман. Я никогда не разделял вкуса большинства моих собратьев по профессии, чревоугодников, с жадностью принимающих щедрую мзду за исполнение своих нелепых обязанностей. Еще большее отвращение я питал к священникам-циникам, которые желают только жить в свое удовольствие на получаемые ими жирные доходы, насмехаются в своем кругу над таинствами и обрядами своей религии и в довершение всего еще издеваются над душевной простотой своих прихожан, верующих в эти сказки и благочестиво отдающих свои крохи священникам, чтобы они могли жить припеваючи и в свое удовольствие. Свидетелем может служить папа, издевавшийся над своим саном (Юлий III)⁴, и другой папа, весело заявлявший своим друзьям: «смотрите, какие богатства мы нажили на этой сказке про Иисуса Христа!» (Бонифаций VIII)⁵. Я говорю это не потому, что порицаю их насмешки над баснями и маскарадом религии, которые действительно заслуживают осмеяния и презрения, и очень уж наивны и невежественны те, кто не замечает их вздорности. Я осуждаю ненасытную жадность, с которой эти господа эксплуатируют темную массу, осуждаю возмутительную манеру глумиться над наивно-

стью темных людей, которых они сами поддерживают в их заблуждении. Если их мнимый сан и их доходы дают им возможность жить припеваючи за счет народа, то пусть они по крайней мере проявят некоторую отзывчивость к бедствиям этого народа, не отягчают его бремени, не придумывают якобы из пущей богобоязненности каждый раз новые суеверия, как это делают иные из них; пусть не глумятся над наивностью тех, которые из похвального благочестия делают им столько добра и изводят себя для них. Ибо это и чудовищная неблагодарность и позорное вероломство по отношению к своему благодетелю — народу, который трудится в поте лица своего для того, чтобы священники могли жить в полном изобилии трудами его рук.

Не думаю, дорогие друзья, что я когда-либо дал вам повод приписывать мне чувства и взгляды, которые я осуждаю здесь; напротив, вы неоднократно могли заметить, что я питаю чувства совсем другого рода и был очень восприимчив к вашим страданиям. Вы могли также заметить, что я не дорожил мздой за свою духовную службу, часто исполнял ее, не требуя вознаграждения, хотя мог бы требовать его, и никогда не гнался за жирными приходами, за заказными обеднями и приношениями. Я всегда предпочитал бы давать, чем принимать, если бы мог следовать в этом влечению своего сердца. В даяниях своих я всегда предпочел бы больше бедных, чем богатых, следуя правилу Христа, что

«блаженнее давать, нежели принимать» *, а также совету, который сьер де Монтань (Монтень) ⁷ давал своему сыну: обращать взоры свои к тому, кто протягивает тебе руку, а не к тому, кто поворачивается к тебе спиной **. Я хотел бы подражать доброму Иову, который в пору своего благополучия «был глазами слепому и ногами хромоту, был отцом для бедных» ***. Я хотел бы подобно ему «сокрушать беззаконному челюсти и из зубов его исторгать похищенное» ****. Только великие сердца,— говорит мудрый Ментор Телемаху ⁹,— стремятся к славе человеколюбца *****.

А что касается ложных и выдуманных таинств вашей религии и прочих ее благочестивых, но вздорных и суеверных предписаний и обрядов, то вы знаете, и во всяком случае легко могли заметить, что я не предавался ханжеству и нисколько не старался внушать его вам. Однако я вынужден был настаивать вас в вашей религии и хоть изредка беседовать с вами о ней, чтобы выполнить взятые мною на себя обязанности священника вашего прихода. При этом я оказывался в печальной необходимости поступать и говорить совершенно вразрез со своими собственными взглядами и поддерживать вас в тех

* Деяния ⁶, 20 : 35.

** Essais de Montaigne, livre III, ch. 13.

*** Иова ⁸, 29 : 15.

**** Там же, 29 : 17.

***** Телемах, т. 2, стр. 84.

глупейших заблуждениях и вздорных суевериях, которые я в душе своей ненавидел, осуждал и проклинал. Но, уверяю вас, я делал это всегда с усилием над собой и с крайним отвращением; я всей душой ненавидел нелепые обязанности своей профессии и особенно эти идолопоклоннические и суеверные мессы и вздорные и смешные причащения св. таинств, которые я вынужден был проделывать. Я тысячу и тысячу раз проклинал их в душе, когда мне приходилось исполнять их, в особенности же когда я должен был делать это несколько внимательнее и торжественнее, чем обычно. Когда я видел, что вы направляетесь в церковь в приподнятом религиозном настроении, чтобы присутствовать при вздорном богослужении и с особым благоговением слушать то, что вам выдают за слова самого бога, мне казалось, что я еще возмутительнее злоупотребляю вашей верой и, следовательно, еще более заслуживаю порицания и упрека. Это в такой мере усиливало мое отвращение к этим пустым церемониям, что сотни и сотни раз я был на волосок от того, чтобы публично и со скандалом высказать свое негодование, не будучи в силах скрывать свое возмущение, затаить его в себе. Тем не менее я так или иначе сдерживал себя и буду пытаться сдерживать себя до конца своих дней, не желая подвергаться при жизни гневу священников и жестокости тиранов,— в их глазах никакая кара не была бы достаточно суровой для такой якобы дерзости

с моей стороны. Я желаю, дорогие друзья, умереть так же спокойно, как жил, и так как я ни разу не давал вам повода желать мне зла и радоваться приключившейся со мной беде, то не думаю, что вам было бы по душе, если бы я подвергся преследованиям и гонениям по этому поводу,— вот почему я решил хранить молчание.

Так как эти соображения заставляют меня теперь молчать, то я постараюсь, чтобы вы услышали меня по крайней мере после моей смерти. С этой целью я берусь теперь за перо, чтобы по мере сил своих открыть вам глаза на все те заблуждения и суеверия, в которых вы были воспитаны и вскормлены и которые вы, так сказать, всосали с молоком матери. Уже достаточно времени бедный народ жалким образом обманывают всякого рода идолопоклонством и суевериями; достаточно времени богатые и сильные мира сего грабят и угнетают бедный народ; пора открыть ему глаза и показать ему всю правду. Если, как нам говорят, в прежние времена необходимо было внушать людям религиозные измышления и суеверия для того, чтобы смягчить грубый и дикий нрав человека и легче держать людей в узде, то в настоящее время, несомненно, еще более необходимо разоблачать все эти побасенки, так как лекарство стало со временем хуже самой болезни. Вот задача для всех умных людей; самые умные и просвещенные должны серьезно поразмыслить над ней и приложить все усилия

к этому важному делу, всюду освобождая народ от его заблуждений, насаждая ненависть и презрение к насилиям сильных мира сего и побуждая народ сбросить невыносимое иго тиранов. Они (умные и просвещенные люди) должны также убедить всех в следующих двух важных истинах: для совершенствования в тех отраслях, которые полезны для общества и которым главным образом желательно посвящать себя, люди должны следовать только голосу разума; для установления хороших законов необходимо следовать только правилам человеческого благоразумия и мудрости, т. е. честности, правде и естественной справедливости, не останавливаясь попусту на баснях обманщиков и на идолопоклоннической практике богопоклонников: это даст всем людям в тысячу и тысячу раз больше благ, больше удовлетворения и спокойствия телесного и душевного, чем все ложные правила и вздорные обряды их суеверных религий.

Однако никто не догадывается взяться за эту просветительную работу среди народа, вернее не решается на это, а если кто решился, то его книги и писания не получают широкой гласности, их никто не видит, их умышленно устраниают и скрывают от народа для того, чтобы они не открыли ему, как его обманывают и держат в заблуждении; зато народ кормят, напротив, писаниями множества невежд и лицемеров-обманщиков, которые под личиной благочестия поддерживают и умножают обман, суеверия и заблуждения.

Повторяю, те, кто по своему уму и образованию больше всего годились бы для великой, благородной и похвальной задачи просвещения и раскрепощения народа, лишь потворствуют в своих произведениях заблуждениям и умножают их, лишь усугубляют иго суеверий, вместо того, чтобы вести борьбу с ними и предавать их общему осмеянию; они льстят сильным мира сего и позорно восхваляют их, вместо того, чтобы открыто бичевать их пороки и смело говорить им правду. В этом своем постыдном поведении они руководствуются только соображениями низкого угодничества и личными интересами, стремясь войти в милость и устроить свои дела и дела своих близких и сообщников и т. д. Поэтому, дорогие друзья, я при всем своем слабом и ограниченном даровании попытаюсь со всей прямотой открыть вам здесь всю правду, показать вам воочию вздорность и ложность всех этих тайн, перед которыми вас заставляют преклоняться, как перед чем-то возвышенным, здравым, божественным, всех тех мнимых истин, которые ваши священники, проповедники и ученые навязывают вам под страхом воображаемых вечных мук. Я попытаюсь показать их вздорность и ложность. Пусть священники, проповедники и богословы, а также все покровители этого обмана и шарлатанства выходят из себя и возмущаются после моей смерти сколько им угодно, пусть называют меня нечестивцем, вероотступником, богохульником и атеистом, пусть сколько угодно поносят и

проклинают меня,— это меня нисколько не трогает и не смущает. Пусть они сделают с моим телом, что хотят: пусть изрубят его на части, изжарят или сварят и съедят под каким угодно соусом — это мне совершенно безразлично. Я буду уже всецело вне пределов их досягаемости; ничто уже не будет в состоянии устрашить меня. Я предвижу только, что после моей смерти мои родные и друзья, возможно, будут огорчены оскорбительными речами и надругательствами по моему адресу. Я охотно избавил бы их от этого огорчения; но как ни сильно во мне это желание, оно не остановит меня — ревность к истине, справедливости и общему благу, ненависть к религиозным заблуждениям и выдумкам, а также к беззакониям и гордыне сильных мира сего, к их властолюбию и тирании возьмут во мне верх над этим соображением, как бы сильно оно ни было. К тому же я не думаю, дорогие друзья, что мой замысел должен сделать меня столь ненавистным и создать мне так много врагов, как может казаться. Я даже льщу себя надеждой, что если это мое писание, как оно ни нескладно по форме (оно составлено наспех и написано второпях), как оно ни несовершенно, найдет путь не только к вам, если ему суждено быть обнародованным и если рассмотрят мои мысли и все основания, на которых они покоятся, то у меня, быть может, будет столько же сторонников, по крайней мере среди разумных и честных людей, сколько хулителей среди других, и уже теперь я могу

сказать, что многие из тех, кто по своему положению или должности судей, чиновников и т. п. или по иным человеческим соображениям вынуждены будут осуждать меня вслух перед другими, в душе будут на моей стороне.

*III. Все религии являются лишь
заблуждениями, иллюзиями и обманом*

Итак, знайте, друзья мои, что всякий культ и поклонение богам есть заблуждение, злоупотребление, иллюзия, обман и шарлатанство; что все законы и повеления, издаваемые именем и властью бога и богов,— не что иное, как измышление человека, точно так же, как все великолепные празднества и жертвоприношения и прочие действия религиозного и культового характера, совершаемые в честь богов. Все это выдуманно, как я уже говорил, хитрыми и тонкими политиками, потом обработано и умножено лжепророками, обманщиками и шарлатанами, затем слепо принято на веру невеждами и, наконец, поддержано и закреплено законами государей и сильных мира сего, которые воспользовались этими выдумками для того, чтобы с их помощью легче держать в узде народ и творить свою волю, ибо в сущности все эти выдумки не что иное, как узда для коров, как говорил сьер де Монтень *, они служат лишь для обуздания

* Essais de Montaigne, livre II, ch. VI, p. 543.

умов невежд и простофилей. На мудрых не наденешь эту узду, они не поддаются ей, только невежды и простофили могут верить этим рассказням и позволить водить себя таким образом за нос. Когда я говорю здесь вообще о вздорности и ложности религий мира, я имею в виду не только языческие и различные другие религии, которые и вы сами тоже считаете ложными,— я имею в равной мере в виду также вашу христианскую религию, которую вы называете католической, апостольской и римской; в самом деле, она не менее вздорна и ложна, чем всякая другая религия и, пожалуй, нет религии, столь смехотворной и нелепой в своих основных положениях и главных пунктах, как эта, столь противоречащей самой природе и здравому смыслу. Я говорю вам это для того, чтобы вы более не поддавались на удочку ее щедрых обещаний: тот рай с его вечным блаженством, который она сулит вам, существует только в воображении; вы не должны также поддаваться пустым страхам, внушаемым вам этой религией относительно ужасных мук несуществующего ада, — я говорю вам это для того, чтобы вы успокоились умом и сердцем и избавились от этих страхов. Все, что вам толкуют о прелестьях рая и ужасах ада,— пустые сказки. После смерти мы не можем ни надеяться на хорошее, ни опасаться плохого. Поэтому благо-разумно пользуйтесь временем и живите хорошо и, если имеете возможность, наслаждайтесь умеренно, мирно и радостно благами

жизни и плодами своих трудов; это — лучшее, что вы можете сделать, так как смерть, прекращая жизнь, полагает также предел всякому сознанию и всякому чувству добра и зла.

Но так как я пришел к подобным взглядам не по распушенности, как можно было бы подумать, и не прошу и даже не хотел бы, чтобы кто-либо из вас или кто другой верил мне на слово в столь важном деле; так как, напротив, я желаю дать вам возможность самим убедиться в истинности всего выше сказанного на основании ясных и вразумительных доводов и доказательств, — я приведу их вам с такой ясностью и убедительностью, какие только возможны в любой области знания. Я постараюсь сделать их вам столь очевидными и понятными, что, обладая хоть каплей здравого смысла, вы легко поймете следующее: вы в плену заблуждений, вас в области религии морочат всяким вздором; та якобы божественная вера, которую навязывают вам, не заслуживает с вашей стороны даже просто человеческой веры. Итак, перехожу к первому из моих доводов и доказательств.

IV. Первое доказательство тщетности и ложности религий: они лишь измышления человека

Ясно и очевидно, что выдавать чисто человеческие законы за сверхъестественные и божественные законы и установления является

злоупотреблением, заблуждением, иллюзией, обманом и шарлатанством; а между тем несомненно, что все существующие в мире религии являются, как я уже сказал, чисто человеческим измышлением и установлением. Несомненно, те, кто первые выдумали их, пользовались именем и авторитетом бога только для того, чтобы легче добиться принятия желательных им законов и установлений. Необходимо либо признать, что это так, по крайней мере в отношении большинства религий, либо допустить, что большинство религий действительно установлено богом. Но считать, что большинство религий действительно божественного происхождения, невозможно потому, что все эти различные религии противоречат одна другой и сами друг друга осуждают. Ясно, что поскольку они противоположны в своих началах и положениях, они не могут вместе с тем быть истинными и истекать от одного и того же якобы божественного начала. Вот почему наши римско-католические христопоклонники признают, вынуждены признавать, что возможна — самое большее — только одна истинная религия, и этой единственной, истинной религией является, как они утверждают, их религия. Поэтому они считают основным положением своего учения и своей веры, что существуют только один господь, одна вера, одно крещение, один бог, одна церковь, а именно апостольская римско-католическая церковь, вне которой, как они утверждают, нет спасения.

Отсюда я вывожу с очевидностью следующее заключение: несомненно, что по крайней мере большая часть религий мира является, как я уже сказал, чисто человеческим измышлением, и что те, кто выдумали их, пользовались именем и авторитетом божьим только для того, чтобы лучше проводить свои законы и установления и вместе с тем внушить к себе больше уважения, благоговения и страха народам, которыми им приходилось управлять и которых они хотели обмануть при помощи такой хитрости.

Послушаем, как рассуждает на эту тему один здравомыслящий автор *:

«При виде того,— говорит он,— что род человеческий поделен между столь многими религиями, противоречащими одна другой и осуждающими друг друга, при виде того, как каждый всячески старается распространить свою религию путем ухищрений или насилия, но так мало людей,— чтобы не сказать никто,— следует в своих поступках тому, во что они верят и что они исповедуют с таким жаром, я,— говорит он,— пожалуй, склонен думать, что все эти различные культы были первоначально выдуманы политиками, причем каждый приспособлял свою модель к склонностям того народа, который он собирался водить за нос. Но когда я,— прибавляет он,— принимаю, с другой стороны, во внимание, что в бешеном рвении и необоримом упорстве

* *Esp. turc*¹⁰, t. III, lettre 78, édit. 1715.

большинства людей есть повидимому нечто весьма естественное и неподдельное, я готов думать вместе с Кардано¹¹, что все это разнообразие религий зависит от различного влияния светил... При этом,—говорит он,—в каждой религии оказывается столь равная видимость истинного и ложного, что, следуя человеческому разуму, он не может определить, на сторону которой из этих религий ему стать».

Известно, что с помощью именно такого рода хитрости римский царь Нума Помпилий¹² смягчил суровые и дикие нравы своего народа, постепенно,—как говорит один автор,—устраняя их грубость и жестокосердие мирными и благочестивыми религиозными упражнениями и приучая к последним с помощью празднеств, священных плясок, песнопений, процессий и т. п. религиозных обрядов; он сам совершал эти обряды и заставлял участвовать в них и других под предлогом почитания своих богов. Он научил народ приносить жертвы богам, ввел с этой целью особый ритуал, объявленный им священным, поставил жрецов для прославления богов и служения им, объявив жрецам, что все его действия и приказы исходят от богов и открываются ему его нимфой или богиней Эгерией. Точно так же известно, что Серторий¹³, самозванный предводитель испанских войск, прибегал к подобной же хитрости, чтобы держать войска полностью в своей власти. Он легко добился этого, уверив воинов, что белая лань, которую

он постоянно держит при себе, служит ему вестником богов, по совету которых он принимает все свои решения. Зороастр¹⁴, царь Бактрии, поступил точно так же со своим народом, убедив его, что издаваемые им законы исходят от бога Ормузда. Трисмегист¹⁵, царь египтян, тоже дал им свои законы именем и властью бога Меркурия. Замолксис, царь скифов, дал своему народу законы от имени богини Весты¹⁶. Царь Кандии Минос¹⁷ обнародовал свои законы от имени бога Юпитера¹⁸. Законодатель Халкиды, Харонт¹⁹, обнародовал свои законы от имени бога Сатурна. Ликург²⁰ законодатель лакедемонян, обнародовал свои законы от имени бога Аполлона²¹. Дракон и Солон²², законодатели афинян, обнародовали свои законы от имени богини Минервы и т. д., ибо не было народа в то время, который бы не имел богов. Моисей, законодатель евреев, тоже обнародовал свои законы от имени какого-то бога, который, по его словам, явился ему в горящей неопалимой купине. Иисус, сын Марии, прозванный Христом, глава христианской секты и исповедуемой нами религии, тоже уверял своих приближенных, сиречь учеников, что он явился не по своей воле, а послан богом, его отцом («я от бога исшел и пришел, ибо я не сам от себя пришел, но он послал меня», Иоанна, 8 : 42) и что он говорит и поступает только так, как ему приказывает его отец. «Итак, что я говорю, я говорю, как сказал мне отец» (Иоанна, 12 : 50), «как

заповедал мне отец, так и творю» (Иоанна, 14 : 31). Симон, по прозвищу Маг, долгое время водил за нос жителей Самарии и своими речами, фокусами и волшебством убедил их, что он некто великий, и все, слышавшие его, называли его в один голос великой силой бога: «Здесь есть сила бога, именуемая великой». (Деяния, 8 : 8—10). Его ученик Менандр выдавал себя за спасителя, посланного небом для спасения людей. Наконец, чтобы не говорить о целом ряде других, упомянем еще только Магомета; этот знаменитый лжепророк установил на всем востоке свои законы и свою религию при помощи того же искусного обмана и надувательства. Он внушал своим приверженцам, что его религия ниспослана с неба через посредство архангела Гавриила и т. д. Все эти примеры, как и ряд других, которые можно было бы привести еще, с достаточной ясностью показывают, что различные виды религий, существующие и существовавшие в мире, являются в действительности только выдумкой людей и полны заблуждений, обмана, иллюзий и надувательства. Это вызвало следующее суждение здравомыслящего Монтеня*:

«К этому средству прибегали все законодатели — управление не обходится без известной примеси выдумки и фантастики в церемониале, служащих для того, чтобы держать народ в повиновении. Поэтому происхождение

* Essais de Montaigne, livre II, ch. 16. p. 601.

их большей частью связано с баснями и сверхъестественными чудесами; по этой же причине рассудительные люди согласились с ними».

V. Почему политики используют религиозные заблуждения и обман

Согласно с этим великий кардинал Ришелье²³ замечает в своих политических размышлениях, что государи ни в чем не проявляют такого усердия, как в изыскании благовидных предложений для своих требований, а так как,— говорит он,— ссылка на религию производит самое сильное впечатление на умы, то они считают большим успехом, если могут прикрывать свои планы религией. Под этой маской,— говорит Ришелье,— они часто скрывают самые честолюбивые свои притязания (он мог бы также прибавить: самые возмутительные свои поступки). А относительно того, как Нума Помпилий поступал с римлянами, Ришелье замечает: чтобы заставить римский народ принять его законы, этот царь не мог придумать ничего лучшего, как объявить, что он все делает по совету нимфы Эгерии, сообщающей ему волю богов. Как отмечено в «Римской истории»²⁴, главари города всеми хитростями старались сначала воспрепятствовать доступу народа к государственным должностям, но, не добившись успеха, в конце концов прибегли к отговоркам религиозного характера и уверили народ, что они запросили совета богов по этому поводу

и получили от них следующий ответ: допустить чернь к почетным должностям в республике, значит унижать честь республики. На этом основании главари настойчиво упраскивали народ отказаться от своих требований и притворялись, что добиваются этого для удовлетворения воли богов, а не в своих частных интересах. Причина, почему опытные политики поступают с народом таким образом, заключается, по их словам, например по отзыву верховного жреца Сцеволы²⁵ и видного ученого того времени Варрона²⁶, в том, что народ не должен знать многого истинного и должен верить во многое ложное *. Сам божественный Платон²⁷, как это отмечено Монтенем **, касаясь этого вопроса, совершенно открыто признает в своей «Республике», что для блага людей часто бывает необходимо обманывать их. Однако по всей видимости первые сочинители этих святых и благочестивых обманов сохранили по крайней мере некоторые следы стыда и скромности или не умели еще доводить свое честолубие до возможного предела: они ограничивались еще только тем, что присваивали себе честь быть хранителями и толкователями воли богов, но не присваивали себе более обширных прерогатив. Однако впоследствии многие пошли гораздо дальше в своем честолубии; они уже не довольствовались утверждением, что по-

* Essais de Montaigne, p. 503.

** Там же.

сланы самими богами или действуют по наитию от богов. Они дошли до предела безумия и наглости и требовали, чтобы их самих считали богами и поклонялись им как богам.

Римские императоры сплошь и рядом поступали таким образом. В «Римской истории» между прочим отмечено, что император Гелиогабал²⁸, самый распущенный и развратный, самый отвратительный и гнусный из всех когда-либо существовавших, дерзнул объявить себя еще при жизни богом и приказал, чтобы чиновники при своих жертвоприношениях богам провозглашали в числе имен прочих богов также имя Гелиогабала, нового бога, которого Рим не знал до сих пор. Император Домициан²⁹ возымел то же безумное честолюбие; он выразил желание, чтобы сенат воздвиг ему статую из чистого золота; он издал также официальные декреты, в которых предписывалось называть его во всех обращениях и указах господом богом. Император Калигула³⁰, тоже один из худших, мерзких и отвратительных тиранов, которые когда-либо существовали, также пожелал, чтобы ему воздавались божеские почести; он приказал поставить свои статуи впереди статуй Юпитера, отрубить у некоторых из них голову и заменить ее головой Калигулы; он даже послал свою статую для водворения ее в иерусалимском храме. Император Коммод³¹ требовал, чтобы его называли Геркулесом, сыном Юпитера, величайшего из богов; подражая Геркулесу, он часто показы-

вался в львиной шкуре и с палицей в руке, в таком виде он расхаживал днем и ночью, и иногда убивал прохожих.

Впрочем, не только императоры, но порой также лица менее высокого положения и даже люди низкого происхождения и состояния проявляли безумное и дерзновенное желание выдавать себя за богов и требовали для себя божеских почестей. Рассказывают о некоем ливийце Псафоне, человеке неизвестного и низкого происхождения, что он, желая прослыть богом, прибегнул к следующей хитрости: он раздобыл из разных стран птиц и с немалым трудом научил их произносить: «Псафон — великий бог, Псафон — великий бог», затем он выпустил их на волю, и птицы разлетелись по всем провинциям и окрестным местностям; жители, слыша, как птицы говорят в листве деревьев: «Псафон — великий бог, Псафон — великий бог», и, не подозревая обмана, стали поклоняться этому новому богу и приносить ему жертвы, пока, наконец, не открыли обмана и не перестали тогда поклоняться этому богу. Рассказывают также, что некий Аннон, карфагенянин, вздумал прибегнуть с той же целью к такой же хитрости, но она не удалась ему, как Псафону, так как птицы, наученные им повторять: «Аннон — великий бог», забыли эти слова, как только он выпустил их на волю. Если не ошибаюсь, кардинал дю Перрон³² рассказывает о двух докторах богословия, из которых один считал себя предвечным отцом, а дру-

гой сыном предвечного отца. Можно привести еще ряд других лиц, охваченных подобным дерзновенным безумием, и, повидимому, вера в богов пошла первоначально от того, что тщеславные и дерзостные люди выдавали себя за богов; это совпадает также с рассказом книги Премудрости о воцарении идолопоклонства*.

VI. У древних было в обычае причислять императоров и знатных людей к сонму богов. Гордыня знатных, лесть одних и невежество других породили и узаконили это злоупотребление

Но если нашлись люди, достаточно тщеславные и дерзновенные, чтобы выдавать себя за бога, то, несомненно, нашлось еще больше людей, достаточно глупых, чтобы соглашаться с этим, будь то из лести или из политических соображений и трусости; ибо обычно только лесть, политические соображения и подлость доводят людей до столь низкого угодничества. Лъстецы уверяли Александра Великого³⁴, что он происходит от богов и даже является сыном Юпитера. Когда первый римский царь Ромул³⁵ исчез и неизвестно было, что с ним случилось (впрочем, думали, что его умертвили и разорвали на части сенаторы, так как он возбудил к себе сильную ненависть), римляне возвели его в сонм богов под именем Квирина, причем основанием

* 14-я гл. книги Премудрости³³.

для этого послужил рассказ некоего Прокула, что Ромул явился ему окруженный сиянием и в блестящем вооружении. Равным образом сенат причислил к сонму богов императора Клавдия II³⁶ и поставил ему золотую статую подле статуи Юпитера*.

Марк Аврелий³⁷ был одним из лучших когда-либо царствовавших императоров, однако и он повелел причислить своего соправителя Люция Антонина Вера к сонму богов. Он построил также храм своей супруге Фаустине, несмотря на ее развратное поведение. Когда сенат постановил воздать божеские почести самому Марку Аврелию, тот ответил на это благодарностью. Император Траян³⁸, добрый и прекрасный государь, был после своей смерти причислен сенатом к богам. Меза — предок императора Александра Севера³⁹ — был после своей смерти причислен к богам. Антонин Благочестивый⁴⁰, самый справедливый и умеренный из римских императоров, оплакивался после своей смерти всем населением; сенат постановил воздать ему божеские почести, и все считали, — говорит автор «Римской истории» (т. III, стр. 143), — что никакой другой государь на земле не заслужил этого в такой мере своей добротой, благочестием, милосердием, незапятнанностью и умеренностью своего правления. Император Адриан⁴¹ был так опечален смертью нежно любимого им Анти-

* Hist. Rom., t. 3.

ноя, что велел построить (в память его) город и назвал его по имени своего любимца Антинополисом, посвятил умершему алтари и статуи, словно богу, и заставил всех писателей Греции славословить его; в своем угодничестве греки зашли так далеко, что причислили Антиноя к сонму богов и объявили, что он совершает прорицания в своем храме. В довершение они осмелились утверждать, что душа его превратилась в звезду, которая показалась на небе немедленно после его смерти. Адриану пришлось весьма по сердцу такое возвеличение его страсти, и он назвал эту звезду звездой Антиноя и проявил особое расположение к тем, кто дал ему жалкое утешение в его скорби *.

Симон Маг, явившийся в Рим в царствование императора Клавдия, в такой мере завоевал доверие римлян своим чародейством и обманом, что ему воздвигли статую с надписью: «Симону, богу святому». Императору Августу ⁴², говорит Монтень **, воздвигнуто было больше храмов, чем Юпитеру, ему поклонялись и верили в совершаемые им чудеса. Когда царь Ирод ⁴³ однажды облачился в свои царские одежды и, восседая на троне, обратился с речью к своему народу, народ был так очарован его красноречием и блеском его величия, что счел его богом и восклидал: это речь бога, а не человека ***.

* Hist. Romaine, t. 3, p. 108.

** Essais de Montaigne, livre II, ch. 12, p. 298.

*** Деяния, 12 : 21, 22.

Наконец, у римских императоров вообще было в обычае заставлять [сенат] возводить их в божеское достоинство; даже самые злые и гнусные из них поступали таким образом, как об этом сообщается в III томе «Римской истории».

VII. Они верили, что люди могут становиться после своей смерти богами

Исстари было народным обычаем обоготворять или причислять к сонму богов также людей, отличавшихся какой-либо редкой добродетелью, оказавших своей стране большую услугу или сделавших ей много добра. Это дало повод Монтеню весьма справедливо заметить: человек крайне неразумен, он не в состоянии создать клеща, а между тем он дюжинами создает богов, да и не только дюжинами, он создает их сразу тысячами, причем указывает, до какого предела простирается их мощь. Одни из этих богов и святых, столь забавно придуманных древностью, ветхи и дряхлы, одни женаты, другие нет; одни юны и сильны *, один исцеляет лошадей, другой — людей; один исцеляет от чумы, коросты, кашля, другой — от желчных колик одного рода, третий от колик другого рода; один заставляет произрастать виноград, другой — чеснок; один ведает развратом, другой — торговлей; у каждой категории ремесленников свой бог... Есть среди богов столе

* Essais de Montaigne, p. 498.

захудалые (число богов было некогда очень велико и доходило по меньшей мере до 36 000), что для произрастания одного колоса пшеницы требовалось их не менее 5—6 тыс.; у каждой двери было три бога, один у половицы, один у петель, один у косяка; четыре бога были при колыбели ребенка: один ведал его пеленками, другой — его питьем, третий — его пищей, четвертый — его сосанием, всем им поклонялись различным образом. Жалко видеть, говорит Монтень, как люди сами себя дурачат собственными выдумками и обезьянничанием, словно дети, вымазавшие сажей лицо одного из своей ватаги и потом сами пугающиеся его.

Ни в чем, говорит Плиний * ⁴⁴, не проявляется в такой мере безрассудство человека, как в попытках приписать божеству какой-либо образ или лицо. Великое безумие, — говорит он, — верить, что они (боги) существуют, но еще безумнее сочинять богов в виде человеческих добродетелей и пороков, как то: целомудрия, согласия, надежды, чести, милосердия, веры и т. д. Все эти божества, прибавляет он, возникли от того, что бременные и удрученные трудами люди, имея перед глазами свою бедность и немощь, поклонялись предметам, в которых они больше всего нуждались. Поэтому, продолжает он, боги начали менять свои имена, смотря по

* Pline, lib. 2 : 7. [Мелье цитирует по французскому изданию].

тому характеру, какой получало поклонение им в различных местностях; в одной и той же местности оказывалось бесконечное множество богов, в том числе даже боги преисподней, болезней и всякого рода заразы. Это делалось из страха быть пораженными ими. От этих суеверий, говорит тот же автор, возник храм лихорадки, заложенный и посвященный на Палатинском холме, и храм Орбоны, морившей малых детей. Рядом с храмом гениев и домашних духов, продолжает он, находится на Эсквилинском холме храм Злосчастия. Не удивительно поэтому, что мы находим больше богов на небе, чем людей на земле, так как каждый сочиняет столько богов, сколько подсказывает ему его фантазия, и люди выбирают себе в патроны нескольких богов, которым дают имена Юпитера, Сатурна, Марса и множество других. Ибо в древности,— говорит этот автор,— обычно делали богами тех мужчин или женщин, которые вводили какие-либо улучшения в жизнь людей, в благодарность за их благодеяния. Отсюда все эти имена богов и богинь, которых почитали римляне: Сатурна, Юпитера, Марса, Меркурия, Аполлона и т. д. или Юноны⁴⁵, Дианы, Паллады, Минервы, Цереры; несомненно, что все эти прекрасные божества лишь плод безрассудства и неразумия людей. Некоторые народы даже были столь ослеплены суеверием, что придавали божественные свойства низким и грязным животным, как то: собакам, кошкам, овцам, быкам,

змеям и т. д., и даже неодушевленным предметам: огню, солнцу, луне, звездам, камням и деревьям. Из всех этих нелепых верований Монтень * считает самым безумным и смешным обоготворение человека: как можно, говорит он, делать из нас богов, как это делала древность, это превосходит всякое разумение. Я,—говорит он,—уже скорее последовал бы за теми, которые почитали змей, собак, быков; природа и существо этих животных нам менее знакомы, и мы имеем более оснований воображать себе о них все, что вздумается, и приписывать им необыкновенные свойства. Но выводить богов из нашего бренного существования, все несовершенство которого должно быть нам хорошо известно, и приписывать им наши желания, гнев, месть, браки, деторождение, родство, любовь и ревность, наши члены и наши кости, наши лихорадки и наши удовольствия, смерть и погребение, обоготворять не только веру, добродетель, согласие, свободу и т. п., но также сладострастие, обман, смерть, зависть, старость, нищету, страх, лихорадку, злосчастье и прочие бедствия нашей хрупкой и бренной жизни — это возможно только при удивительном помрачении человеческого ума.

Агесилай ⁴⁶, царь Фессалии, прозванный Великим, весело потешался над тем, когда фессалийцы пришли однажды объявить ему, что в благодарность за оказанные им благодеяния они канонизировали его и возвели в сонм

* Essais de Montaigne, p. 484.

богов *. Разве,—сказал он им,—во власти вашего народа делать богом того, кого ему заблагорассудится? Если это так, то сделайте это для примера с одним из вас, а потом, когда я увижу, как ему поведется при этом, я воздам вам большую благодарность за ваше предложение **. У египтян запрещалось под страхом 'повешения говорить о том, что их боги Серапис и Изиды были некогда людьми, но все знали, что они были людьми. Этих богов изображали с перстом на устах, что означало, по Варрону, таинственный запрет жрецам упоминать о смертном происхождении богов, запрет, необходимый для того, чтобы не свести на нет их почитание ***.

VIII. Происхождение идолопоклонства

Говорят, что первый выдумал этих мнимых богов некий Нин, сын Бела, первого царя ассириян — примерно ко времени рождения Исаака, или, по летосчислению евреев, в 2101 г. от сотворения мира. Говорят, что после смерти своего отца Нин поставил ему кумир, получивший вскоре после этого имя Юпитера, и требовал, чтобы все поклонялись этому идолу, как богу. Отсюда, говорят,

* Essais de Montaigne, p. 4498.

** Там же, стр. 485.

*** Христиане исходят из противоположных чувств: они считают для себя честью и славой говорить о рождении и смерти своего бога Христа.

произошли все виды идолопоклонства, распространившиеся потом на земле. Впоследствии Кекропс ⁴⁷, первый царь афинян, стал призывать этого Юпитера, приказал приносить ему жертвы в своем государстве и положил таким образом начало всему прочему идолопоклонству в этой стране. Согласно Макробию ⁴⁸, Янус, бывший царем в Италии в самой седой древности, первый посвятил здесь храмы богам и начал приносить им жертвы; а так как он первый познакомил свой народ с богами, его самого после смерти провозгласили богом и чтили как бога; при жертвоприношениях другим богам всегда прежде всего призывали Януса. Те самые авторы, которых наши хриstopоклонники называют святыми и священными, высказываются примерно в том же роде о создании и происхождении всех этих мнимых богов; они не только приписывают изобретение их человеку, но считают это изобретение причиной, началом и источником всего зла в мире. В их книге Бытия говорится, что некий Енос, сын Сифа * и внук первого человека Адама, первый стал призывать имя божье. А в их книге Премудрости определенно сказано, что культ идолов и ложных богов есть корень, источник, начало и завершение всего зла на земле **.

Вот что сами эти якобы святые и священные книги повествуют о призывании ложных

* Бытие ⁴⁹, 4 : 26.

** Прем. Сол., 14 : 27.

богов и о начале их культа. Один отец, говорит автор книги Премудрости*, будучи чрезвычайно удручен преждевременной смертью своего сына, велел сделать его изображение, чтобы в созерцании его искать утешения в своей потере: вначале он видел в этом изображении только образ своего возлюбленного сына, похищенного у него смертью, но вскоре чрезмерная любовь к сыну и его образу ослепила его до того, что он стал боготворить этот образ, в котором он видел прежде только изображение мертвого человека; он приказал своей челяди поклоняться ему, приносить ему жертвы, а также воздавать ему божеские почести**. Впоследствии этот дурной пример был перенят и распространился почти повсюду, вошел в обычай, и личное заблуждение скоро стало общественным заблуждением, а в конце концов этот обычай получил силу закона, утвержденного и закрепленного постановлениями государей и тиранов, которые под страхом суровой кары заставляли своих подданных поклоняться статуям лиц, возведенных ими в ранг богов. Это идолопоклонство, рассказывается в упомянутых книгах***, доходило до того, что подданные, жившие вдали от своего государя, заказывали себе его изображение и утешались в отсутствие государя его изваянием, воздавали последнему те же почести и поклонения,

* Прем. Сол., 14 : 16.

** Там же, 14 : 27.

*** Там же, 14 : 17.

которые воздавали бы своему государю, если бы он был с ними. Тщеславие и искусство художников и ваятелей, читаем мы далее *, немало способствовали распространению этого отвратительного идолопоклонства: они соперничали между собой в создании прекрасных творений, красота их возбуждала восхищение и преклонение слабых и темных людей; в результате народ, простоту которого легко использовать во зло, поддавался соблазну красоты этих творений и стал воображать, что подобного рода статуя не может не представлять собой бога и что тот, кого до сих пор почитали как человека, заслуживает обоготворения и божеских почестей. Таким образом, говорят эти святые и священные книги наших же хриstopоклонников, идолопоклонство,— стыд и позор для разума человеческого,— существует в мире вследствие заинтересованности мастеров, производящих предметы культа, вследствие низкопоклонства подданных и тщеславия государей и царей. Последние, не умея удержать свою власть в справедливых границах, дали имена идолам из камня и дерева, золота или серебра, устраивали в честь их безумные оргии и празднества, приносили кровавые жертвы, бесчеловечно подвергали закланию собственных детей и называли эту свою темноту миром, хотя она делала их более несчастными, чем жестокая война. «Такое великое зло называют миром»

* Прем. Сол., 14 : 18.

(Прем. Сол., 14 : 22). Итак,— говорят те же книги Премудрости,— почитание этих отвратительных идолов и служение им являются причиной, началом, развитием и верхом всех пороков и зол *.

Все эти свидетельства наглядно показывают, что не только все религии, существующие и существовавшие в мире, являются лишь выдумкой человека, но и почитаемые ими божества тоже выдумка и дело рук человека, и что из поклонения этим ложным божествам вытекает все великое зло в мире, оно — «причина, начало и конец всего зла». Эта истина особенно подтверждается тем, что никакое божество не показывалось открыто и всенародно людям, не давало самолично, открыто и всенародно никаких законов и правил.

«Взгляните,— говорит Монтень,— ** на летопись небесных дел, которую философия ведет более 2000 лет: боги всегда выступали и говорили только через посредство человека или даже нескольких особых лиц, притом всегда келейно и как бы тайком, «а чаще всего только ночью, в фантазии и сновидениях», как это ясно указывается в самих книгах Моисея, принятых и одобренных нашими христопоклонниками ***. Послушайте, какие слова они вкладывают в уста своих богов: если есть среди вас пророк,— говорит бог, я

* Прем. Сол., 14 : 27.

** Essais de Montaigne, ch. 12, p. 501.

*** Кн. Чисел, 12 : 6.

явлюсь ему в видении и буду беседовать с ним в сновидении. Рассказывается, что именно таким образом бог призвал Самуила * и говорил с ним; таким же образом он явился разным другим людям и беседовал с ними, если верить нашим богопоклонникам и христопоклонникам, распевающим в одном из своих торжественных песнопений следующие слова из своей книги Премудрости: «Ибо, когда все окружало тихое безмолвие и ночь в своем течении достигла середины, грянуло и сошло с небес от царственных престолов всемогущее слово твое» **.

Но, если, как уверяют, боги беседовали действительно таким образом с людьми, почему боги всегда прятались при этом, а не проявляли, напротив, повсюду и воочию свою славу, мощь, мудрость и верховную власть? Если боги говорят, то, конечно, единственно с целью быть услышанными, по крайней мере так должно было бы быть, и если они желают дать людям свои законы, правила и предписания, то только для того, чтобы люди следовали им и соблюдали их; неужели же боги нуждаются для этого в голосе человека и его посредничестве, не могут обойтись без этого? Разве боги не в состоянии сами говорить во всеуслышание всем людям? Разве они не могут сами объявить свои законы и

* III Царств⁵⁰, 3 : 10.

** Прем. Сол., 18 : 14, 15; поется в воскресенье под рождество Христово.

сами без чьего-либо посредничества заставить людей соблюдать их? А если не могут, то это уже явный признак их слабости и бессилия, они, значит, не в состоянии обойтись без человеческой помощи в деле, их касающемся; а если они не желают или не удастаивают явиться людям и говорить с ними открыто и всенародно, то это значит давать людям все основания для подозрений и сомнений в истине их слов; ибо все рассказы о видениях и ночных откровениях, которыми похваляются богопоклонники, несомненно весьма подозрительны, носят слишком иллюзорный характер, чтобы можно было придавать им много веры, и притом никак неправдоподобно и невероятно, чтобы боги, якобы совершенство мудрости и благодати, прибегали к такому подозрительному способу объявления своей воли людям. Это значило бы давать основание сомневаться не только в истине глагола божьего, но и в самом существовании богов, это значило бы давать людям все основания полагать, что боги не существуют. Ибо совершенно невероятно, чтобы боги, если они действительно существуют, терпели злоупотребления их именем и авторитетом для безнаказанного надувательства людей шарлатанами. К тому же раз достаточно несколькими простым смертным заявить, что бог явился им во сне или беседовал с ними наедине и открыл им те или другие тайны и точно тем же келейным образом дал им те или другие законы и

предписания, если, повторяю, достаточно какому-нибудь отдельному человеку заявить это, да еще необходимы мнимые чудеса для того, чтобы поверили этим посредникам, то ясно и очевидно, что точно так же могли бы поступать в свою пользу все шарлатаны, все они могли бы с той же уверенностью заявлять, что им были видения и откровения свыше, что с ними говорил бог и открыл им все то, что им желательно внушить людям. Итак, людям, заявляющим, что им были келейные откровения от бога или, если угодно, от богов, сообщивших им свои тайны, законы, веления и волю, никоим образом не следует верить, они не заслуживают даже, чтобы их выслушивали, так как, повторяю, невероятно, чтобы боги, считающиеся совершенством мудрости и благости, прибегали к столь обманчивому и подозрительному пути для сообщения своей воли людям.

Однако скажут, каким же образом такое множество заблуждений и обманов могло так широко распространиться во всем мире, каким образом они могли так долго и упорно держаться в умах людей? Этому действительно могут удивляться те, которые судят о человеческих делах по одной внешности и не видят всех скрытых пружин их; но это не представляет предмета удивления для тех, которые умеют судить иначе, подходят к вещам ближе и видят тонкую игру политики; для тех, кто знает, к каким ухищрениям и уловкам способны прибегать обманщики и шарлатаны,

чтобы лучше прийти к своей цели. Они проследили все тонкости и хитрости этих обманщиков. Они знают, с одной стороны, на что способен человек в своем честолюбии и тщеславии; с другой стороны, они знают также, что к услугам сильных мира сего всегда найдется достаточно льстецов, которые в своем низком угодничестве будут одобрять все их поступки и намерения; они знают, что обманщики и лицемеры пользуются всеми хитростями и уловками, чтобы достигнуть своей цели, и что народ, будучи слаб и невежествен, не в состоянии сам разобраться и разоблачить эти хитрости и уловки, с помощью которых его обманывают, не в силах противостоять мощи сильных мира сего, которые сгибают его в бараний рог. Вот именно эта власть сильных мира сего, низкопоклонство льстецов, хитрости и уловки обманщиков, слабость и невежество народа являются причинами распространения на земле всех заблуждений, идолопоклонства и суеверий, а также их сохранения и роста вплоть до наших дней.

Ничто не способствует в такой мере обману и успехам его во всем мире, как то жадное любопытство, с которым народ прислушивается к рассказам о необычайных и чудесных происшествиях, то поразительное легкоеверие, которое он проявляет к ним. Ибо при виде того, как народ любит слушать подобные рассказы, как они вызывают в нем изумление и восхищение, как он принимает их за незыблемую истину, лицемеры, с одной

стороны, и обманщики, с другой, тоже входят во вкус и сочиняют ему сказки, сколько душе угодно. Вот что говорит об этом Монтень *: «Истинным раздольем и поприщем для обмана является область неизвестного: уже сама необычайность рассказываемого внушает веру в него, и, кроме того, не будучи подвержены обычным законам нашей логики, эти рассказы лишают нас средств бороться с ними. По этой причине,— говорит Платон,— гораздо легче удовлетворить слушателя рассказами о природе богов, нежели о природе человека. Невежество слушателей дает полный простор для размалевывания таинственного. Поэтому люди ничему не верят так твердо, как тому, о чем они меньше всего знают, и никто не выступает с таким апломбом, как сочинители легенд. И хотя постоянная смена и разнообразий событий бросают их из стороны в сторону, с востока на запад, эти люди идут по своей дорожке, расписывают все одной кистью, черное и белое». «Существует ли,— говорит он,— столь причудливое верование ** (оставляю в стороне грубый обман религий, ослепляющий столько великих наций и надменных личностей), которое не было бы введено обычаем и обманом с помощью произвольных законов ***? Я считаю,— продолжает он,— что в человеческом воображении не зарождается ни одной даже самой чудовищной

* Essais de Montaigne, livre I, ch. 31, p. 182.

** Там же, стр. 78.

*** Там же, стр. 79.

фантазии, которая не соответствовала бы чему-нибудь, что наблюдается в действительности, и которую, следовательно, наш разум не основывал бы на некоторой видимости разума, или на мнимых чудесах, так как чудеса,— говорит он,— являются таковыми благодаря нашему неведению природы, а во все не в отношении самой природы». Действительно, нет такого воззрения, как бы ложно и ошибочно оно ни было, которое не имело бы своих сторонников, и точно так же нет таких обычаев, даже самых невероятных, которые не были бы разрешены, сюда относится пример авгуров⁵¹. Происходит это потому, что истина и обман имеют сходное лицо, одинаковую повадку, вкус и стиль, мы смотрим на них теми же глазами *... Оттого большинство людей любит лгать и люди не довольствуются тем, что рассказывают сами небылицы, а рады также выслушивать их от других и восхищаются, когда им мелют вздор или когда они сами плетут явную чепуху. Дело в том, что они находят в этом свою выгоду.

«Есть люди, в том числе очень видные люди, которые не только обманывают других, а любят также обманывать самих себя; это,— говорит Лукиан,— удивляет меня и вместе с тем несколько возмущает, ибо, не говоря уже о поэтах, которые почти исключительно пробавляются баснями, разве наши историки, вроде Ктезия, Геродота и др.,

* Essais de Montaigne, p. 1036.

помимо того, что обманывают своих современников, не желают сохранить свои сказки также для потомства? И разве можно,— говорит он,— терпеть даже у поэтов нелепицы вроде того, что Сатурн оскোпляет своего отца, что Венера рождается из пены морской, Прометей распят на кресте на горе Кавказе и орел неустанно клюет его печень, гиганты воюют с богами? Не говорим уже о трагедиях поэтов, о подземном царстве, о различных превращениях Юпитера и бесчисленных прочих глупостях, затем об их химерах, горгонах, циклопах и прочем вздоре, которым можно пугать малых детей. Можно еще,— говорит он,— смотреть сквозь пальцы на бредни поэтов и старых историков, которые не могли поведать нам в то время ничего лучшего. Но что сказать или подумать о целых народах, как, например, о кандиотах (критянах), которые показывают могилу Юпитера, или об афинянах, которые рассказывают, что Эрехтей и их предки родились из земли, словно капуста,— да ведь и капусту надо сначала посадить! Фивяне,— продолжает он,— мелют еще бóльшую чепуху: они рассказывают, что произошли от зубов дракона, причем кто из них не верит в эти или тому подобные нелепицы, тот слывет за нечестивца, словно нападает на богов и сомневается в их могуществе; такую веру нашла себе среди людей ложь. Что касается меня,— говорит тот же Лукиан,— я не осуждаю города, прибегающего к таким басням для возвели-

чения своего происхождения; но если философы, ищущие истины, рассказывают подобные басни или выслушивают их словно непогрешимые истины, то я никак не могу понять этого и считаю это до конца нелепым и нетерпимым. Я,— говорит он,— только что вернулся из Фив, где наслушался столько вздору, что вынужден был покинуть город, не будучи в состоянии переносить как тех, кто плел этот вздор, так и тех, кто находил удовольствие в выслушивании его».

В первое время существования христианской церкви чародеи и еретики вносили в нее большую смуту своим обманом,— говорит автор Хроник; слишком долго было бы приводить здесь другие подобные свидетельства. Сказанного выше достаточно, чтобы ясно показать вам, что все религии являются лишь измышлением человека и, следовательно, все, что они выдают за сверхъестественное и божественное, на самом деле лишь заблуждение, обман, иллюзии и надувательство. Заблуждение со стороны тех, кто слишком легко принимает на веру всякие небылицы и искажения действительности; иллюзии со стороны тех, кто воображает, что видит и слышит несуществующее в действительности; обман со стороны тех, кто говорит о такого рода вещах против собственного убеждения и опыта; и, наконец, надувательство со стороны тех, которые сочиняют и распространяют эти сказки, чтобы заставить других уверовать в них. Все это настолько верно и очевидно, что даже

наши идолопоклонники, богопоклонники и хриstopоклонники сами должны сознаться в этом; поэтому каждый из них по общему соглашению признает, что всякая другая религия, кроме его собственной, содержит только заблуждения, обман, иллюзии и надувательство; а раз так, то большинство религий, как вы видите, уже совершенно несомненно признаны ложными. Итак, остается теперь только выяснить, нет ли среди великого множества существующих в мире ложных сект и ложных религий по крайней мере нескольких истинных и нельзя ли считать их более истинными, чем другие, и действительно божественным установлением?

*IX. Ни одна из существующих в мире
религий не является божественным
установлением*

Каждая религиозная секта заявляет, что она покоится на авторитете божьем и совершенно свободна от всяких заблуждений, иллюзий, обмана и надувательства, имеющих место в других сектах; поэтому дело тех, кто желает доказать истинность (вероучения) своей секты,— показать, что она действительно божественного происхождения. Каждый должен доказать это для своей секты с помощью столь ясных, надежных и убедительных доводов и свидетельств, чтобы не оставалось разумных оснований для сомнения; ибо доказательства и свидетельства,

которые не будут носить этого характера, всегда можно будет заподозрить в ошибках, иллюзиях и обмане, стало быть, они не будут достаточными доказательствами истины и никто не будет обязан придавать им веры.

Итак, если никто из утверждающих божественное происхождение своей религии не в состоянии доказать это ясными, верными и убедительными доводами и свидетельствами, то это является ясным, верным и убедительным доказательством, что нет ни одной религии действительно божественного происхождения и, стало быть, надо считать несомненным, что все религии — не больше чем измышления человека, и полны заблуждений, иллюзий и обмана. Ибо никак нельзя предположить или поверить, что всемогущий бог, которому приписываются бесконечная благость и мудрость, пожелал бы дать людям свои законы и установления без более надежных и подлинных признаков их достоверности, чем те, которые выдумываются бесчисленными обманщиками. Между тем никто из наших богопоклонников и хриstopоклонников, к какому бы толку или секте он ни принадлежал, не может доказать с помощью ясных, надежных и убедительных доводов, что его религия действительно установлена богом. Это видно из того, что уже столько веков они спорят между собой по этому вопросу, даже преследуют друг друга огнем и мечом, защищая каждый свои верования, а между тем ни один лагерь не мог до сих пор убедить и уверить

другой подобными доводами и свидетельствами. Этого, конечно, не было бы, если бы у той или другой стороны были ясные, надежные и убедительные основания, то есть доказательства и свидетельства божественного происхождения своей религии. В самом деле, ведь никто, ни в какой секте (я говорю: никто из людей умных, просвещенных и искренних) не желает поддерживать заблуждения и обман, напротив — каждый из них заявляет, что стоит за истину; а в таком случае действительным средством устранить все заблуждения и мирно объединить всех людей на одних и тех же чувствах и на одной и той же форме религии — было бы привести эти ясные, надежные и убедительные доказательства и свидетельства истины и показать, таким образом, людям, что данная религия, а не какая-либо другая, действительно установлена богом. Тогда каждый человек или по крайней мере все рассудительные люди подчинились бы этим ясным и убедительным свидетельствам истины, и никто не осмелился бы выступать против них и держать сторону заблуждений и обмана, если ему не докажут противного ясными, надежными и убедительными доводами. Но так как ни у одной религии нет этих ясных, надежных и убедительных свидетельств истины, так как их нет ни в том, ни в другом лагере, это позволяет обманщикам выдумывать и нагло отстаивать всякого рода ложь; по той же причине люди, слепо верящие им, так упорно и ожесточенно

защищают каждый свою религию. Вот это и является ясным и убедительным доказательством, что все религии ложны и что ни одна из них не установлена богом.

Итак, я прав был, дорогие друзья, говоря вам, что все религии мира лишь измышления человека и что вся мировая практика поклонения богам покоится только на заблуждении, обмане, иллюзиях, злоупотреблениях, лжи и надувательстве. Вот первое доказательство, которое я должен был представить вам; оно несомненно столь ясно, сильно и убедительно в своем роде, как только возможно.

Но вот вам также другие доказательства, не уступающие этому и не менее ясно выявляющие ложность религии, и в частности нашей христианской религии. С помощью этой последней, дорогие друзья, вас держат в плену у тысячи всякого рода заблуждений и суеверий; я хотел бы иметь силу освободить вас от них и дать вам возможность успокоить свой ум и совесть от ложных упований и ложных страхов в отношении так называемой загробной жизни. Поэтому я постараюсь главным образом убедительно показать вам вздорность и ложность вашей религии. Этого будет достаточно, чтобы в то же время разоблачить перед вами все прочие религии, так как, убедившись в ложности вашей религии, которую вам выставляли столь чистой, святой и божественной, вы легко сможете судить о вздорности и ложности всех прочих религий.

Х. [Второе доказательство тщетности и ложности религий: слепая вера, лежащая в основе всех религий,— источник заблуждений, иллюзий и обмана]

Вера, на которой построены все религии, есть не что иное, как принцип заблуждений, иллюзий и обмана. Я доказываю это следующим образом. Всякая религия, которая в своих тайнах, вероучении и морали строится на принципе заблуждений, иллюзий, обмана и вечных расколов среди людей, не может быть истинной религией и истинным божественным установлением; а между тем все религии, и в первую очередь христианская религия, строятся в своих тайнах, в своем вероучении и морали на принципе заблуждений, иллюзий и обмана. Я не вижу возможности отрицать первую предпосылку этого умозаключения, она слишком ясна и очевидна, чтобы можно было сомневаться в ней. Перехожу к доказательству второй предпосылки, а именно, что все религии, и в особенности христианская, строятся в своих тайнах, вероучениях и морали на принципе заблуждения, иллюзий и обмана. Доказать это представляется мне довольно легким делом: в самом деле, ясно и несомненно, что все религии, и главным образом христианская, строятся в своих тайнах, вероучениях и морали на том, что они называют верой, т. е. слепой и вместе с тем твердой и непоколебимой уверенности в существовании того или иного божества, а

также тех или других законов или откровений божества. По необходимости все религии должны исходить из этого; ибо эта вера в божество и божественное откровение придает им вес и авторитет, без нее никто нисколько не считался бы с их учениями и практически предписаниями. Вот почему все религии в первую очередь требуют от своих приверженцев быть твердыми в вере, т. е. быть твердыми и непоколебимыми в своих верованиях. Поэтому все наши богопоклонники, и главным образом наши хриstopоклонники, исходят из того правила, что вера есть начало и основа спасения, корень всякой праведности и освящения, как это подчеркивает Тридентский собор * ⁵². Без веры, — говорят они, — нельзя угодить богу; желающий приблизиться к богу, должен прежде всего верить, что бог существует и что он воздает ищущим его **.

Итак, явно и несомненно, как я сказал, что все религии, и главным образом христианская религия, строятся в своих тайнах, вероучении и морали на вере, которая является уверенностью в существовании божества и даже слепой верой в те или иные законы или откровения божества. Религии требуют, чтобы эта уверенность была твердой и непоколебимой, дабы верующие не легко склонялись к переменам.

Однако эта вера всегда слепа, потому что

* Заседание 6, гл. 8.

** Евр. ⁵³, 11 : 6.

религии не дают и не могут дать никаких ясных, надежных и убедительных доказательств своих якобы святых тайн и мнимых божественных откровений. Они требуют слепой и наивной веры во все свои утверждения на этот счет, требуют, чтобы верующий, не только не питал никаких сомнений, но и не доискивался и даже не желал знать, на чем основаны эти утверждения; они считают дерзновенной самонадеянностью и оскорблением божественного величества, если кто-нибудь из любознательности станет доискиваться оснований и доказательств того, чему они учат и во что они заставляют верить как в исходящее от бога. Вместо всякого основания они ссылаются на правило, заимствованное из одной своей якобы священной книги, и считают его грозным приговором. Там сказано, что кто слишком доискивается и допытывается тайн божественного величия, тот будет уничтожен блеском его славы *. «Вера,— говорят наши благочестивые христопоклонники,— есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» **. Согласно их словам, их вера не была бы заслугой, если бы опиралась на свидетельства наших чувств и на человеческие рассуждения. Если послушать их, самое мощное основание для веры в самые непостижимые и невероятные вещи заключается в том, что полагаешься исключительно на веру, т. е. на слепую уверенность

* Притчи ⁵⁴, 25, 27.

** Евр., 11: 1.

во всем том, во что религия предписывает верить. Поэтому они считают также необходимым всецело отказаться здесь от голоса разума и от всякого свидетельства наших чувств и отдаться полностью во власть своей веры. Одним словом, они считают, что твердая вера заключается в слепой вере без рассуждений и без попыток искать доказательств.

Однако ясно, что слепая вера во все, что нам преподносят именем и авторитетом бога, есть принцип заблуждений, иллюзий и обмана, ибо, как мы видим в действительности, в области религии нет ни одного заблуждения, иллюзии и обмана, которые не пытались бы прикрыться именем и авторитетом бога, и нет также ни одного обманщика, который, выдумывая эти заблуждения, иллюзии и т. д. или распространяя их, не заявлял бы, что получил особое вдохновение от бога и послан богом. Итак, все религии строятся в своих тайнах, вероучении и морали на слепой вере во все, что они провозглашают от имени бога, а следовательно, они строятся в своих тайнах, вероучении и морали на принципе заблуждений, иллюзий и обмана. Итак, и так далее.

XI. Она (вера) является также лишь источником и роковой причиной смуты и вечных расколов среди людей

Эта вера, эта слепая уверенность, которую верующие ставят во главу угла своего вероучения и своей морали, является не

только принципом заблуждений, иллюзий и обмана, но также пагубным источником смут и вечных расколов среди людей. Каждый стоит за свою религию и за ее мнимосвященные тайны не по соображениям разума, а из упорства, и слепо верит в воображаемую истинность своей религии. Они могут не считать все другие религии ложными, их слепая вера обязывает их защищать свою религию даже с опасностью для жизни и своего благосостояния и ценою всего, что есть у них самого дорогого. Поэтому они не могут столкнуться и никогда не столкнутся между собой по вопросу о своей религии; по той же причине среди них постоянно возникают не только споры и словопрения, но также смуты и пагубный раскол. Поэтому также они все время преследуют друг друга огнем и мечом, защищая свою безумную веру и свои религии, и нет такого зверства и жестокости, к которым они не прибегали бы друг против друга под прекрасным и благовидным предлогом защиты воображаемой истины своей религии,— безумцы все до единого! Вот что говорит Монтень по этому поводу: «Никакая вражда не может сравниться с христианской. Наше рвение творит чудеса, когда оно сочетается с нашей склонностью к ненависти, жестокости, тщеславию, жадности, злословию и восстанию. Напротив, на путь благости, доброты и умеренности оно не пойдет ни мытьем, ни катаньем, если не произойдет словно чудом какое-нибудь редкое

исключение. Наша религия,— прибавляет он,— создана для искоренения пороков, но она сама их покрывает, питает и возбуждает» *. Действительно, никакие войны не могут сравниться по своему кровавому и жестокому характеру с войнами, которые ведутся из-за религии или под предлогом религии, так как каждый бросается в эти войны со слепым пылом и бешенством и, согласно словам поэта, ставит себе задачей принести неприятеля в жертву богу. «Ярость народа происходит от того, что каждая местность ненавидит богов соседей, убежденная в том, что богами надо считать только тех, кому поклоняются в этой местности **. До чего только не доходят люди,— говорит Лабрюйер ⁵⁶,— ради религии, в учении которой они так мало убеждены и которое они так плохо применяют в своих поступках ***.

Это доказательство представляется мне до сих пор вполне очевидным. Нельзя поверить, чтобы всемогущий бог, предполагаемый всеблагим и всемогущим, пожелал когда-либо прибегнуть к такому обманчивому пути для осуществления своих законов и предписаний или для выявления своей воли людям. Ведь это значило бы явно вводить людей в заблуждение или расставлять им западню, так, чтобы они одинаково могли стать на сторону лжи или истины. Этого, конечно,

* Essais de Montaigne, p. 408.

** Ювенал, Сатиры ⁵⁵, 15 : 36.

*** Caractères, p. 573.

никак нельзя ожидать от бога, предполагаемого всемогущим, всеблагим и премудрым. Равным образом нельзя поверить, что бог, любящий мир и согласие, желающий блага людям и спасения их, бог, бесконечно совершенный, всеблагий и премудрый, которого наши хриstopоклонники сами называют богом любви, мира, благодати, милосердия, утешения и пр.,— нельзя поверить, чтобы такой бог пожелал бы основать религию на столь роковом и пагубном источнике смут и вечных распрей среди людей, как упомянутая слепая вера; эта вера в тысячу и тысячу раз более пагубна для людей, чем то золотое яблоко, которое богиня раздора коварно бросила в собрание богов на свадьбе Пелея и Фетиды и которое было причиной гибели города и царства Трои, согласно словам поэтов.

Итак, религии, которые кладут в основу своих тайн и полагают правилом своего вероучения и морали слепую веру, то есть принцип заблуждения, иллюзий, обмана и надувательства и роковой источник смут и вечных расколов среди людей, не могут быть истинными и действительно установленными самим богом. А так как все религии, как я показал, строятся в своих тайнах, вероучении и морали на слепой вере, то из этого с очевидностью следует, что нет ни одной истинной религии и нет также ни одной религии действительно божественного происхождения и что я, стало быть, был прав, говоря, что все они — измыш-

ление человека, и что всё, что они выдают за богов, их законы и предписания, их тайны и мнимые откровения, на самом деле является лишь заблуждением, иллюзиями, обманом и надувательством. Все это вытекает с очевидностью.

Но я знаю, что наши хриstopоклонники не преминут сослаться здесь на свои мнимые основания веры и скажут, что хотя их вера в некотором смысле слепа, тем не менее она находит себе опору и подтверждение во множестве ясных, надежных и убедительных свидетельств; поэтому не соглашаться с ними было бы не только неразумием, но также дерзновенным упорством и даже величайшим безумием. Обычно все эти мнимые доводы они сводят к трем или четырем главным положениям или основаниям.

Первое основание они выводят из чистоты и мнимой святости их религии, осуждающей, по их словам, все пороки и вознаграждающей все добродетели. Вероучение этой религии, — уверяют они, — так чисто и свято, что может проистекать только от чистоты и святости всеблагого и премудрого бога.

Второе основание они заимствуют из безукоризненности и святости тех людей, которые с такой любовью первые восприняли эту религию, и тех, которые с таким рвением распространяли ее, так твердо держались ее и беззаветно защищали ее с опасностью для жизни, проливали за нее свою кровь и даже терпели смерть и жесточайшие пытки, не

желая отступить от своей религии. Невероятно,— говорят наши хриstopоклонники,— чтобы столько великих, святых, мудрых и просвещенных людей являлись в своей вере жертвою обмана; невероятно, чтобы они отказывались от всех радостей, выгод и удобств жизни и добровольно подвергали себя стольким мукам и жестоким преследованиям только ради заблуждения и обмана.

Третье основание они заимствуют у пророков и оракулов; они ссылаются на предсказания, сделанные в различные времена и с давних пор толкуемые в их пользу. Все эти прорицания оракулов и предсказания пророков,— говорят они,— так явно и бесспорно осуществлены в их религии, что невозможно сомневаться здесь в божественном наитии и вдохновении: только единый бог в состоянии так ясно и верно предвидеть и предсказывать будущее.

Наконец, четвертое и самое главное основание заключается в многочисленных и великих чудесах, чрезвычайных и сверхъестественных чудесах, совершенных в пользу их религии во все времена и во всех местах, как, например: возвращение зрения слепым, слуха — глухим, дара речи — немым, исцеление хромым, расслабленных и бесноватых, исцеление в один миг от всяких болезней и недугов без помощи какого-либо естественного лекарства и даже воскрешение мертвых и, наконец, все прочие чудесные и сверхъестественные деяния, возможные только для

божьего всемогущества. Эти чудеса,— говорят наши хриstopоклонники,— являются столь ясными, верными и убедительными свидетельствами в пользу правильности их верований, что нет надобности искать еще других, чтобы полностью убедиться в истинности их религии. А поэтому они считают самое помышление о том, чтобы возражать против столь ясных и убедительных свидетельств истины, не только неразумием, но дерзновенным упрямством и безмерным безумием. Великое безумие,— говорил один из знаменитых людей из их среды, Пико делла Мирандола⁵⁷,— не верить евангелию, учение которого столь чисто и свято, возведено столь многими великими, учеными и святыми людьми, запечатлено кровью стольких славных мучеников, принято столькими благочестивыми и учеными наставниками и, наконец, подтверждено столь великими и поразительными чудесами, возможными только для божьего всемогущества. По этому поводу другая знаменитость из их среды, Ришар де Сен-Виктор, дерзновенно обратился к своему богу со следующими словами: господи, если моя вера в тебя — заблуждение, то ты сам ввел меня в заблуждение, так как все, во что я верю, было подтверждено столь великими и поразительными чудесами, что невозможно приписать их кому-либо другому, кроме тебя.

*ХII. [Слабость и ложность мнимых
доказательств достоверности, на которых
покоится истинность любой религии]*

Однако нетрудно опровергнуть все эти пустые рассуждения и воочию показать всю вздорность этих оснований веры и этих мнимых великих и поразительных чудес, которые наши хриstopоклонники называют наглядными и верными свидетельствами истины их религии. Во-первых, ясно, что нельзя считать надежными свидетельствами истины доводы и доказательства, которые одинаково легко могут служить как для подтверждения обмана и надувательства, так и для подтверждения истины. А между тем доводы и доказательства, которые наши хриstopоклонники черпают из своих мнимых оснований веры, могут одинаково легко служить как для подтверждения обмана и надувательства, так и для подтверждения истины. Для доказательства вспомним, что нет ни одной даже самой ложной религии, которая не ссыалась бы на подобные мнимые основания в пользу своей достоверности; нет ни одной религии, которая не утверждала бы, что обладает святым и истинным учением, и которая не осуждала бы, по крайней мере по-своему, все пороки и не предписывала бы соблюдение всех добродетелей. У каждой религии свои ученые и ревностные защитники, претерпевшие жестокие гонения и даже смерть за исповедание и защиту своей религии. И, наконец, нет ни

одной религии, которая не ссыалась бы на чудеса и знамения, совершенные во славу ее. Так, магометане, совершенно так же, как и христиане, ссылаются на чудеса в пользу своей ложной религии. Индусы и все язычники ссылаются на множество чудес в пользу своих религий. Свидетельством служат удивительные и чудесные превращения, сиречь знамения, совершенные в пользу языческих религий. Если наши хриstopоклонники ссылаются на прорицания оракулов и пророчества, якобы сделанные в их пользу и во славу их религии, то у языческих религий имеется не меньше таких же предсказаний. Таким образом, преимущество, которое можно было бы извлечь из этих мнимых оснований веры, имеется почти в равной мере во всех религиях. Это дало повод рассудительному Монтеню сказать*: «Все внешние признаки одинаковы у всех религий: чаяния, упования, события, обряды, покаяния, мученики и проч. Бог,—говорит он**,—милостию принимает почести и поклонение, оказываемые ему людьми под тем или другим именем, тем или иным способом. Небо всегда взирало благосклонно на такое благочестивое усердие. Все власти,—прибавляет он,—извлекали из него пользу».

Исторические повествования язычников,—пишет Монтень,—признают достоинства, по-

* Essais de Montaigne, p. 406.

** Там же, стр. 48.

рядок, правоту за чудесами и прорицаниями оракулов, сделанными в их пользу и для наставления их в их легендарных религиях *. Как я уже упоминал и как пишет тот же автор, у Августа было больше храмов, чем у Юпитера, ему воздавали такое же религиозное поклонение и так же верили в совершаемые им чудеса. В Дельфах, городе Беотии, существовал знаменитый храм, посвященный Аполлону, где этот бог говорил через своего оракула. Это привлекало сюда посетителей со всех частей света, обогащавших и украшавших храм множеством ценных даров и приношений. Точно так же был знаменит некогда храм в Эпидавре, городе в Пелопонесе или в Далмации, посвященный Эскулапу, богу врачевания, говорившему здесь тоже через своего оракула. Римляне, когда их постигла моровая язва, обратились к Эскулапу и перевезли его в образе дракона в свой город Рим. В эпидаврском храме было много картин, изображавших сцены совершаемого Эскулапом лечения и исцеления. Существует множество подобных примеров; приводить их здесь было бы слишком долго. Из вышесказанного, подтверждаемого историей и практикой всех религий, явствует с полной очевидностью, что все те мнимые основания веры, которыми так похваляются наши хриstopоклонники, имеются одинаково во всех религиях и, следовательно, не могут служить доказательствами

* Essais de Montaigne, p. 498.

или надежными свидетельствами истинности их религии, как и всякой другой. Вывод ясен и очевиден.

XIII. [Недостоверность и ложность мнимых чудес, как основы для утверждения какой бы то ни было религии]

Ясно, что будет ошибкой принимать за надежные свидетельства истинности и святости какой-либо религии знамения или их результаты, которые одинаково могут истекать от порока, как и от добродетели, от заблуждения, как и от истины, от действий обманщиков и лжецов, как и от благочестивых и честных людей. Это можно легко и наглядно доказать на примерах из ложных религий, а также на том, что наши христопоклонники называют словом божьим, и даже на свидетельстве того, кого они обожают как своего бога и спасителя. Эти примеры убедительно показывают нам, что знамения и мнимые чудеса совершались и теперь еще могут совершаться лжепророками и шарлатанами в целях заблуждения и обмана. Что касается этих мнимых чудес, то, если верить в них, мы находим почти бесконечное множество их в ложных религиях язычников; их, можно сказать, миллион в «Метаморфозах» Овидия⁵⁸ и во всех прочих баснях язычников. Много их приводит Филострат⁵⁹ в жизнеописании Аполлония Тианского из Каппадокии. В Деяниях апостольских рассказывается, будто

Симон, прозванный Магом, совершал в городе Самарии такие чудеса, что каждый приписывал ему великую силу бога. Как я уже говорил, он и в Риме сотворил столько чудес, что ему воздвигли (здесь) статую с надписью: «Симону, богу святому». Как сообщает Тит Ливий⁶⁰, весталка Тусция, обвиненная в нарушении обета девственности, доказала свое целомудрие, донеся от Тибра до храма богини Весты решето с водой. Овидий* рассказывает подобную же историю о другой весталке Клавдии, которая доказала свою девственность тем, что с помощью только своего пояса заставила отплыть корабль с изображением богини Кибелы,— корабль так крепко стоял на якоре, что несколько тысяч человек не могли ранее заставить его отплыть. Тацит**⁶¹ передает, что император Веспасиан⁶² в бытность свою в Александрии в один миг исцелил слепого, прикоснувшись к его глазам, а также исцелил калеку, дотронувшись до его ступней. Элий Спартиан⁶³ говорит, что император Адриан точно так же исцелил слепорожденного одним своим прикосновением к его глазам. Об императоре Аврелиане тоже рассказывают подобные случаи чудесного исцеления одним прикосновением. Царь эпиротов, Пирр, исцелял, по словам Плутарха⁶⁴, всех больных селезенкой одним прикосновением большого пальца своей правой ноги к больному месту. Плутарх присовокупляет,

* 4-я книга «Фаст» Овидия.

** Hist., lib. 4, 18.

что, когда Пирр умер и тело его было сожжено, этот большой палец его правой ноги был найден совершенно невредимым и не пострадавшим от огня. Страбон⁶⁵ рассказывает, что жрецы, приносившие жертвы богине Феронии, ходили босиком по раскаленным углям и не обжигались; то же самое он рассказывает о посвятивших себя богине Диане. Целий рассказывает, что бог Вакх наделил детей Ания, великого жреца Аполлона, властью превращать все, что угодно, в хлеб, вино, оливковое масло и т. д. одним своим прикосновением. Овидий в «Фастах»^{*}, Диодор Сицилийский^{** 66} и Страбон^{***} сообщают, что Юпитер подарил кормившим его нимфам рог козы, вспоившей его своим молоком; этот рог имел ту особенность, что доставлял нимфам в изобилии все, чего они только ни пожелают, и поэтому он был назван рогом изобилия.

Если воды Черного моря сами расступились и разделились, чтобы дать проход евреям, бежавшим от преследовавших их египтян, как рассказывается в истории евреев, то то же самое, по сообщению еврейского историка Иосифа⁶⁷, спустя много времени случилось также с македонянами, когда они таким образом проходили через Памфилийское море под предводительством Александра, отправившегося на завоевание Персидского царства.

* 5-я книга.

** Diod., lib. 4, c. 2.

*** Strabo, lib. 10.

Наконец, волхвы фараона, о которых говорится в книгах Моисея, творили перед фараоном те же самые чудеса, что Моисей. Если Моисей превратил свой жезл в змея, то и волхвы проделали то же самое со своими жезлами. Если Моисей превращал воду в кровь, то волхвы делали то же самое. Если Моисей навел на страну множество жаб, то и маги делали то же самое. Если Моисей навел гадов и вредных мух, то волхвы делали то же самое: «то же сделали и волхвы египетские чарами своими и вывели жаб на землю египетскую» *. Если в конце концов нам рассказывают, что маги фараона были превзойдены Моисеем в чудесах этого рода, то, будь это так, не следует этому удивляться и утверждать на этом основании, что Моисей действовал какой-то сверхъестественной и божественной силой. Ведь мы на каждом шагу видим, что во всех науках и искусствах одни работники и ученые более искусны, более осведомлены и проворны, чем другие. Когда дело идет только о пляске, о хождении по канату и всякого рода фокусах, одни люди оказываются искуснее и изворотливее других. Так и тут: если предположить, что Моисей действительно проделал то, чего не умели сделать другие маги, то отсюда вовсе не следует, что он действовал по наитию какой-то сверхъестественной силы, а следует лишь, что он просто был более искусным, более ловким и лучше

* Исход, 8 : 7.

знающим свое искусство, более опытным в нем, чем другие. Можно было бы привести множество подобных примеров в доказательство сказанного, но это излишне.

Наши хриstopоклонники не станут утверждать, что все эти мнимые чудеса магов фараона были ясными и убедительными доказательствами истинности религии и исходили от святых людей. Хриstopоклонники должны, стало быть, волей-неволей признать, что такого рода знамения и действия могут исходить одинаково как от порока, так и от добродетели, от лжи и истины и что их могут и могли одинаково совершать шарлатаны и честные люди, что они, следовательно, вовсе не являются несомненными доказательствами данной религии и надежным свидетельством ее истинности. Наши хриstopоклонники возразят, что все эти мнимые чудеса магов, фараонов и язычников, свершенные во славу заблуждения или ложной религии, являются лишь лжечудесами и баснями и что не следует верить тем, кто передает их. Но на это следует ответить: во-первых, то же самое нетрудно сказать об их собственных чудесах; нет оснований верить одним больше, чем другим, и во всяком случае нет верного способа установить, что одним чудесам можно верить более, чем другим. При сомнениях этого рода, пожалуй, даже можно сказать, что имеется меньше оснований верить чудесам, которые относят к первым временам христианства. Дело в том, что о языческих

чудесах нам сообщают большей частью серьезные историки, известные и уважаемые в свое время, тогда как о чудесах, связываемых с началом христианства, нам сообщают только люди невежественные, принадлежавшие к подонкам общества,— они не пользовались ни известностью, ни уважением в свое время, и мы знаем теперь только их имена, причем нет уверенности даже в том, что они действительно носили в то время те имена, которые им приписывают.

XIV. [Недостоверность историй о них]

Имеется, пожалуй, больше видимых оснований верить сообщениям Филострата в восьми книгах его жизнеописания Аполлония Тианского, чем рассказам всех евангелистов, вместе взятых, о чудесах Иисуса Христа, так как известно, по крайней мере, что Филострат * был человеком умным, красноречивым и тактичным, фаворитом и секретарем императрицы Юлии, супруги императора Севера, и что по настоянию этой императрицы он написал свои 8 книг о жизни и чудесных деяниях Аполлония,— это верный признак, что Аполлоний прославился какими-то великими делами, раз императрица так интересовалась записью его жизни и дел. Этого никак нельзя сказать об Иисусе Христе и о тех людях, которые записали его жизнь; это, как

* Dict. hist.

я уже сказал, были люди невежественные, из подонков общества, бедные поденщики и рыбаки, которые не умели даже передать последовательно и связно сообщаемые ими факты и часто противоречат сами себе в своих рассказах. А что касается того человека, чью жизнь и деяния они описывают, то, если бы он действительно совершил все те чудеса, которые они ему приписывают, он несомненно прославился бы такими замечательными деяниями и не преминул бы привлечь восхищение народа, как все великие люди, и, в частности, как вышеупомянутые Аполлоний и Симон, которых современники считали наделенными божественной силой и которым они воздвигали статуи, как богам. Однако вместо этого Христос христиан считался при жизни ничтожным, жалким человеком, безумным фанатиком и даже презренным висельником; где же здесь видимое основание верить, что он действительно совершил столь великие чудеса? Напротив, видимость гораздо больше говорит за то, что он действительно был безумным фанатиком, и христианство, стало быть, на первых порах являлось лишь чистым фанатизмом; в дальнейшем я намерен показать это более подробно.

Во-вторых, нашим хриstopоклонникам можно ответить, что те же книги, которые говорят, например, о чудесах Моисея, говорят также о чудесах магов фараона и определенно сообщают, что маги творили те же чудеса, т. е. те же вещи, что и Моисей. Раз так,—

наши хриstopоклонники не могут отрицать, что эти мнимые чудеса одинаково совершаются и добрыми, и злыми людьми в пользу порока и добродетели, обмана и истины, а отсюда ясно и очевидно, что эти мнимые основания достоверности никак не являются доказательствами и надежными свидетельствами истины. Обычный прием хриstopоклонников — ссылка на то, что маги фараона в конце концов были превзойдены Моисеем и оказались не в силах тягаться с ним, ничего не доказывает. Могло быть и так, но отсюда, как я уже сказал, не следует, что Моисей в большей мере обладал сверхъестественной и божественной силой, чем эти маги, так как во всех искусствах и науках одни мастера просто искуснее других. Наконец, если в данном случае Моисей победил магов, то возможно, что в другом случае он был бы побежден ими или же другими магами, более искусными, чем он, если бы таковые оказались налицо. Итак, ссылка на эти мнимые чудеса является слабым доказательством истины, тем более слабым, что весь рассказ о них не заслуживает доверия. Поэтому Иосиф, который сам оказывается лжеисториком евреев, рассказав о важнейших чудесах, совершенных по преданию во славу его народа и его религии, тотчас же оговаривается и оставляет под подозрением достоверность этих чудес, заявляя, что предоставляет каждому думать о них, как ему угодно, — верный признак, что сам он не придавал

большой веры своим сообщениям. Это тоже повод для рассудительных людей считать подобные рассказы побасенками, не заслуживающими никакой веры. Вот как отзывается о них автор «Апологии великих людей» *⁶⁸: «Было бы напрасной тратой времени подрубать сучья вместо корней; надо начать с опровержения всех баснословных рассказов и показать, что все рассказы о магии и демонах не могут быть доказаны ни разумом, ни опытом. А что касается состояния исступления, заклинаний и прочих чудес некоторых личностей, о которых много говорят, то не стоит труда опровергать их, так как они сами себя опровергают теми нелепицами, с которыми их связывают, и, кроме того, Евнапий ⁶⁹, рассказывая о них, сам боится быть принятым за обманщика. О ложных чудесах, состояниях мнимой одержимости и мнимых воскрешениях у греческих схизматиков можно прочесть в сводке миссионеров на острове Сантерин; целых три главы подряд трактуют об этом интересном предмете».

«Поразительно,—говорит Монтень **, от каких пустых поводов и произвольных случайностей обычно возникают столь пресловутые впечатления, как вера в чудеса... Наше зрение,—говорит он,—часто показывает нам причудливые образы, которые исчезают при приближении к ним. Потом эти чудеса и

* Apologie des grands hommes, t. I, p. 244.

** Essais de Montaigne, p. 1038.

странные события скрываются. На моих глазах родилось несколько чудес в мое время. Хотя они исчезают при самом своем зарождении, мы тем не менее видим направление, которое они приняли бы, если бы развились полностью. Ведь надо только найти концы нити, и тогда можно все распутать. От небытия до самой малой вещи в мире большее расстояние, чем от самой малой вещи до самой великой. И вот, люди, пораженные этим странным началом, рассказывая про него, чувствуют по делаемым им возражениям, в чем заключается трудность убедить другого, и штопают эти дыры какими-нибудь ложными выдумками. Потом мы и сами можем заметить, что, передавая слышанное нами, мы прикрашиваем и дополняем его от себя. То, что вначале было заблуждением отдельного лица, становится со временем общественным заблуждением; в свою очередь общественное заблуждение порождает заблуждения отдельных лиц. Таким образом создается цепь этих небылиц, переходящая от одного к другому, то затухая, то разгораясь, причем самый далекий свидетель оказывается более осведомленным, чем самый близкий, а узнавший их последним верит в них более, чем тот, кто узнал их первым». Это,— говорит Монтень,— естественный ход вещей *. Люди обычно ничего не добиваются с таким рвением, как распространения своих взглядов. Если нехвата-

* Essais de Montaigne, p. 1037.

ет обычных средств, мы прибегаем к власти и силе, действуем огнем и мечом. К несчастью, высшим показателем истины считается большое число верующих, толпа, в которой глупцы имеют значительное численное превосходство над умными. Что касается меня,— продолжает он,— то в чем я не поверю одному из них, я не поверю также целой сотне. Я не сужу также о воззрениях по их давности *.

Шарлатаны любят прятаться под маской благочестия. Очень много злоупотреблений, можно сказать, даже все злоупотребления в мире, происходят от того, что нам внушают страх, заставляют признаться в своем неведении и принять все то, что мы не можем опровергнуть.

Все выше приведенные примеры и соображения показывают нам, что лжечудеса могут одинаково совершаться дурными и добрыми людьми, во славу заблуждений и истины, обмана и справедливости и что, стало быть, не приходится считать эти чудеса доказательствами или верными и надежными свидетельствами истины.

Я докажу это теперь с очевидностью на свидетельстве слова божьего, как его называют наши христопоклонники, и на словах того, кому они поклоняются как своему богу и спасителю.

Книги, в которых по их уверениям содержится слово божье, да и сам Христос, которого они почитают как очеловечившегося

* Essais de Montaigne, p. 1038, 1039.

бога, определенно упоминают о лжепророках, то есть обманщиках, которые ложно называют себя посланниками бога и ложно говорят от его имени; они определенно упоминают также, что эти обманщики творят и будут творить знамения и столь поразительные чудеса, что легко смогут совратить, пожалуй, также и праведных. «Берегись, чтобы кто не прельстил вас,— сказал Иисус Христос,— ибо многие придут под именем моим и будут говорить: я Христос, и многих прельстят» *. «И дадут многие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных». Пресловутый Павел говорит в одном из своих посланий, что сам бог пошлет духа прельщения, который могущественными чарами уверит во лжи тех, кто не восхотел принять истины данной богом религии; Павел говорит **, что придут нечестивые обольстители и будут делать всякого рода ложные чудеса, чародейства и знамения, чтобы всякими соблазнами ввергнуть детей погибели в беззаконие. Вот ясные и очевидные свидетельства; наши христопоклонники не могут отвергнуть их, так как они в точности взяты со слов самого их Христа и одного из его главных апостолов. Они, стало быть, не могут не признать, что эти мнимые чудеса могут совершаться в целях заблуждения и обмана, как и во славу справедливости и истины. Они должны, следова-

* Матф., 24 : 5, 11, 24.

** Посл. к Фессал., 2 : 2, 9, 10.

тельно, признать также, что эти чудеса не являются верными свидетельствами истины.

В частности, надо заметить еще по этому поводу: все эти ложные чудотворцы требуют, чтобы люди верили их чудесам и не верили чудесам их противников. Равным образом все лжепророки требуют, чтобы верили их слову, а всех их противников считали лжепророками и обманщиками. Отсюда совершенно ясно, что они сами осуждают и разбивают друг друга; поэтому является безумием верить тем или другим из них. Однажды один из этих мнимых пророков, некий Седекия, ударил по щеке другого мнимого пророка, называвшегося Михеем и высказывавшего противоположные ему взгляды, и при этом разразился следующей забавной фразой: «По какой это дороге отошел от меня дух господень, чтобы говорить тебе?»*. Пророки Самарии, т. е. пророки бога Ваала, враждовали с пророками Иудеи и Иерусалима, которые тоже объявляли себя пророками господа бога. И, если Иезавель** предавала смерти пророков господа, то Илия в отместку за них умертвил 450 пророков Ваала. Христос христиан хотел, чтобы каждый верил его словам и его мнимым чудесам; но он не хотел, чтобы верили другим кроме него и чудесам его противников. Моисей тоже требовал от своего народа веры в его

* Парал.⁷⁰, 18 : 23.

** Цар., 22 : 24.

слова и чудеса, но не желал, чтобы его народ верил другим и шел на удочку их чудес. Он приказывал смотреть на этих других как на лжепророков и соблазнительей. Однако Аарон и его сестра Мариам не согласились с этим и доказали, что бог говорил с ними точно так же, как с Моисеем. «Разве через одного Моисея говорил господь? Разве он не говорил подобным образом и с нами?». Так наши лжепророки и наши мнимые чудотворцы противоречат друг другу и открыто осуждают, сбивают и разоблачают друг друга,— явный и верный признак, что их мнимые чудеса не являются доказательствами и надежными свидетельствами истины и что, стало быть, не по таким основаниям достоверности следует судить об истинности какой-либо религии.

И как могут эти мнимые чудеса быть надежными доказательствами и свидетельствами истинности какой-либо религии, если нет уверенности, что эти чудеса действительно были совершены и если рассказы о них ненадежны? Ибо для того, чтобы иметь некоторую уверенность в достоверности этих рассказов, необходимо:

1. Знать, что те, которых называют первоначальными авторами этих рассказов, действительно являются ими. На самом деле часто приписывают людям то, чего они не говорили и не делали, и нередко плохие авторы прикрываются именем какого-нибудь знаменитого человека, чтобы внушить доверие к своей лжи и обману.

2. Знать, были ли подлинные, первоначальные авторы этих рассказов людьми честными и заслуживающими доверия, мудрыми и просвещенными, нелицеприятными по отношению к тем, которых они славословят; ведь ясно, что если они не были честными людьми, то не следует придавать никакой веры их словам. Точно так же не заслуживают они доверия, если это не были люди мудрые и просвещенные, ибо, не имея всех знаний и благоразумия, необходимых для здравого суждения о вещах, они легко могут впасть в ошибку. Точно так же, если они пристрастны в пользу тех, о ком они говорят, то их словам тоже не следует придавать большой веры, так как это мешает им здраво судить о вещах и часто заставляет их извращать вещи под влиянием лести и угодничества. Опыт убеждает нас в этом на каждом шагу; это можно подтвердить бесчисленными примерами, если бы была надобность в них.

3. Знать, взвесили ли рассказчики этих мнимых чудес все обстоятельства дела, были ли эти обстоятельства хорошо известны им и переданы ли они в точности, ибо несомненно, что достаточно немного изменить обстоятельства дела, умышленно или по ошибке, достаточно исказить одно обстоятельство и прибавить другое несуществующее, и все дело представляется совершенно в другом виде. Поэтому мы часто удивляемся тому или другому, хотя ни минуты не удивлялись бы, если бы доподлинно знали подоплеку дела

Чудеса,— весьма трезво замечает Монтень *,— являются таковыми по нашему незнанию природы, а не в отношении самой природы. Удивительно,— говорит он,— от каких пустых поводов и произвольных случайностей обычно возникают такие пресловутые впечатления, как вера в чудеса. Наше зрение часто показывает нам вдали причудливые образы, которые исчезают при приближении к ним.

4. Знать, не были ли книги и древние хроники, сообщающие обо всех этих великих и удивительных чудесах, впоследствии подделаны и искажены, как это несомненно случилось со многими другими книгами и историческими рассказами,— фальсификации совершаются на каждом шагу и в наше время.

Итак, не подлежит сомнению, что нет никакого ручательства в том, что эти мнимые чудеса действительно произошли; нет никакого ручательства в честности и искренности людей, сообщающих о них или заявляющих, что они были очевидцами их; нет никакого ручательства, что они хорошо знали и заметили все обстоятельства; нет никакого ручательства, что записи об этих чудесах действительно принадлежат тем, кому они приписываются, и, наконец, нет никакого ручательства, что эти записи не были искажены и фальсифицированы, как и многие другие,— нет, повторяю, уверенности во всех этих пунктах. Так, из того, что знали имя Моисея,

* Essais de Montaigne, p. 79.

конечно, не следовало, что это был честный человек и что он не желал писать басни вместо правды: Симон пророк * называл божественного Платона великим сочинителем чудес, так как он был весьма горазд сочинять божественное вмешательство и откровение всюду, где ему мало было силы человека. Где уверенность, что мнимый Моисей не поступал точно таким же образом и что он не был таким же искусным сочинителем чудес, каким мог быть божественный Платон? У нас нет ровно никакой уверенности в этом. Как раз наоборот; по всей видимости имеется гораздо больше оснований считать его выдающимся разбойником и низким шарлатаном, чем действительным пророком. Вот что говорит о нем и о всем его народе, т. е. об еврейском народе, здравомыслящий автор **::

«Если мы пойдем далее вглубь времен вплоть до происхождения евреев и до их знаменитого исхода из Египта, вокруг которого их историки делают столько шума и который они окружают столькими баснословными чудесами, то мы,— говорит он,— найдем, что египетские авторы и писатели других народов, не менее авторитетные, чем Иосиф и всякий другой еврейский историк, говорят о них с большим презрением и рисуют их в мало привлекательном свете. Египетский жрец Манетон называет их сбродом грязных и прокаженных людей и сообщает, что они

* Essais de Montaigne, p. 601.

** Esp. Turc, t. 4, lettre 83.

были изгнаны из страны царствовавшим в то время Аменофисом и ушли в Сирию под предводительством египетского жреца Моисея. Херемон ⁷¹, известный греческий автор, передает примерно то же самое. Он говорит, что в царствование Аменофиса из Египта были изгнаны двести пятьдесят тысяч прокаженных и что они ушли под предводительством Тизифена и Петесефа, т. е. Моисея и Аарона». Хотя у других авторов имеется разноречивость относительно имени фараона, при котором это произошло, все они в один голос сообщают, что израильтяне были жалким народом, были все покрыты струпьями и нарывами и считались отбросами и грязной накипью египетского народа.

Римский историк Тацит, пользующийся неоспоримым авторитетом, прибавляет, что Моисей, один из этих прокаженных изгнанников, человек умный и влиятельный среди своих, видя тяжелое положение своих собратьев и их растерянность, обратился к ним с увещанием не падать духом и не полагаться ни на богов египетских, ни на самих египтян, а довериться исключительно ему одному и повиноваться его советам; он объявил им, что послан небом быть их вождем, избавить их от их бедственного положения, под бременем которого они изнывают, и защищать их от всех врагов; тогда народ, не зная, что ему делать, полностью отдался под его руководство, и Моисей стал его вождем и законодателем, провел евреев через пустыни Аравии, где

они совершали большие грабежи и разбои, вырезывали мужчин, женщин и детей, сжигали города и опустошали все места, куда только ступала их нога. Можно ли сказать худшее о банде воров и разбойников? В то время единственными популярными науками были магия и астрология, а так как Моисей был глубоко посвящен во все секреты и тайны египетской премудрости, ему нетрудно было внушить благоговение и приверженность к себе невежественным и наивным сынам Иакова и подчинить их в их тяжелом положении желательной ему дисциплине.

Все это уже совсем не похоже на то, в чем хотят нас уверить евреи и наши хриstopоклонники. Где надежный критерий, чтобы узнать, следует ли верить одним скорее, чем другим? Разумеется, здесь нет никакого правдоподобного критерия.

XV. [*Недостоверность мнимого священного писания: оно сильно фальсифицировано и испорчено*]

Чудеса нового завета отличаются столь же малой достоверностью и малым правдоподобием, как и мнимые чудеса ветхого завета. Например, где ручательство и уверенность в том, что четыре евангелия, сообщающие о мнимых чудесах Иисуса Христа, действительно составлены теми, кому они приписываются? А если они действительно составлены ими, то где уверенность в том, что это были

люди честные и заслуживающие доверия? Из того, что мы знаем их имена, что один назывался Матфеем, другой Марком, третий Лукой и четвертый Иоанном, еще не следует, что они были людьми честными и заслуживающими доверия. Это еще ничего не говорит нам о том, были ли это умные и образованные люди, не были ли они сами введены в заблуждение и не желали ли они обманывать других. Имеются основания относиться к их рассказам с крайним недоверием, так как все согласны, что эти были люди невежественные и грубые, которым, следовательно, легко было внушить все, что угодно. И, наконец, какая уверенность, что эти четыре евангелия, известные под их именами, не были подделаны и фальсифицированы, как это делалось и еще по сию пору делается со многими другими историческими рассказами? Нам приходится чуть ли не отказываться верить передаче тех фактов, которые происходили даже в наши дни и почти на наших глазах: из 20 человек, рассказывающих о них, вряд ли двое передадут их в точности. Какая же гарантия возможна в отношении столь древних событий, которые отделены от нас рядом веков и тысячелетий и рассказаны нам только чужестранцами, неизвестными людьми, без положения и авторитета, а между тем рассказывающими столь необычайные и маловероятные, лучше сказать — невероятные вещи? Несомненно, их рассказы лишены всякой достоверности и даже всякого правдоподобия

и поэтому не заслуживают никакой веры. Ссылаются на то, что эти повествованія всегда признавались святыми и священными и поэтому всегда хранились нерушимо и в точности, без малейшаго измененія содержащейся в них истины. Но этот аргумент в их пользу не имеет смысла, так как, напротив, он, наряду с другими аргументами, делает, пожалуй, еще более подозрительными эти повествованія. В самом деле, послѣдніе, возможно, тем больше искажались и фальсифицировались лицами, рассчитывавшими извлечь для себя из них выгоду и опасавшимися, что они недостаточно говорят в их пользу. Обыкновенно переписчики и типографы [издатели] вставляли от себя добавленія, изменяли текст и даже урезывали его, смотря по тому, что отвечало их целям. Вот какіе мысли и взгляды высказывает по этому поводу один рассудительный автор послѣдняго столѣтія. Человек,—говорит он, по своей природѣ лгун, он любит только свое собственное произведеніе, вымысел и басни. Взгляните,—говорит он,—на народ, он выдумывает, преувеличивает, шаржирует по грубости или глупости; спросите даже самаго честнаго человека, всегда ли он правдив в своих речах, не ловит ли он себя порой на рисовкѣ, къ которой необходимо приводят тщеславіе и легкомысліе, не случается ли ему не раз прибавить от себя для краснаго словца къ передаваемому факту какое-нибудь вымышленное обстоятельство? Событіе

произошло в настоящее время и почти на наших глазах, а сто очевидцев расскажут его на сто различных ладов, а другой, если послушаете его, расскажет вам его на совершенно новый лад. Как же я могу верить,— продолжает тот же рассудительный автор *,— столь древним фактам, отделенным от нас несколькими столетиями? Как могу я полагаться на самых солидных историков? Во что превращается история? Был ли Цезарь ⁷² убит в сенате? Существовал ли какой-то Цезарь? Вы скажете: какая здесь логика, что за сомнения, что за вопрос? Вы смеетесь,— говорит наш автор,— вы считаете, что я не заслуживаю никакого ответа, и мне самому думается, что вы правы. Но предположим,— продолжает он,— что книга, в которой упоминается о Цезаре, не мирская книга, написанная людьми — лгунами и найденная случайно в библиотеках среди других рукописей, содержащих подлинные и апокрифические повествования; предположим, напротив, что она — результат святого и божественного вдохновения и носит на себе его отпечаток, что она около двух тысяч лет известна многочисленному обществу, которое за все это время не позволяло сделать в ней ни малейшего изменения и считало своим долгом перед богом сохранять ее в первоначальном виде; предположим даже, что религия предписывает обязательную веру во все факты, сообщаемые

* [La Bruyère]. Caractères.

в том томе, где говорится о Цезаре и его диктатуре; признайтесь, Люцилий,— заключает этот рассудительный автор,— признайтесь, что вы в таком случае усомнитесь, существовал ли какой-то Цезарь. Вот вам верный образец ненадежности исторических повествований, причем не только повествований мирского характера, но в еще большей мере тех, которые выдаются за самые святые и священные. Относясь к области религии, эти последние представляют более интереса, чем другие, и поэтому каждый старается извлечь из них для себя выгоду и по мере возможности использовать их в интересах своего лагеря. Поэтому каждый старается приводить такие рассказы, верные или ложные, а чтобы сделать их еще более благоприятными для своих целей, вносит по своему усмотрению добавления и изменения в интересах своего лагеря.

XVI. [Недостоверность евангелий]

Этого не могут отрицать и сами наши христопоклонники: не говоря уже о ряде других авторитетов, признавших, что в их так называемом священном писании были произведены в разное время различные добавления, сокращения и подделки; их знаменитый наставник, святой Иероним⁷³, определенно говорит в нескольких местах своих прологов, что это мнимосвященное писание подверглось искажениям и фальсификациям, так как уже

в его время оно находилось в руках всякого рода лиц, производивших в нем вставки и выкидки по своему усмотрению,— в результате существовало столько же различных версий этого писания, сколько списков его.

Мастера,— говорит святой наставник и учитель Иероним в своем письме к Паулину,— земледельцы, каменотесы, плотники, шерстобиты, валяльщики и все вообще занятые в разных ремеслах не приступают к своему делу без предварительного обучения ему. Но искусство читать, объяснять и толковать священное писание — единственное, в которое каждый сует свой нос; невежды наравне с учеными, старые болтуны, выжившие из ума старухи и пустомели-софисты ежедневно терзают его и берутся обучать ему, не обучившись ему сами, а что еще позорнее — женщины берутся поучать мужчин, причем те и другие имеют наглость учить тому, чего они сами не понимают. Третьи, на том основании, что изучали светские науки и умеют услаждать слух своих слушателей приятными речами, воображают, что всё, что они скажут, является законом самого бога. А между тем они не считают нужным познакомиться с писаниями пророков и апостолов, а умеют лишь приспособлять к своей фантазии тексты, не соответствующие теме, словно это великая заслуга, а не, напротив, великий порок искажать таким образом тексты писания, принаравливать их к своей фантазии и насильственно вкладывать в них другой смысл.

Учить тому, чего сам не знаешь, при этом даже не догадываться о своем незнании, это — пустое ребячество и маскарад наподобие тех, что разыгрываются скоморохами и комедиантами.

В своем предисловии к книге Иисуса Навина⁷⁴ Иероним говорит: у латинян было столько же версий, сколько списков; каждый делал вставки и выкидки по своему усмотрению, уверенный в том, что противоречащее ему не может быть правильным. Какое безумие,— говорит он,— прибавлять ложь после того, как сказана правда.

В своем предисловии к посланию к галатам Иероним говорит: Если бы перевод 70 толковников сохранился еще в чистом и нетронутом виде, как он был сделан ими с еврейского на греческий, его святейшество папа напрасно заставлял бы меня сделать новый латинский перевод с еврейского, и правильно было бы одобрить своим молчанием то, что уже было узаконено обычаем в первое время существования церкви. Но в настоящее время существует столько различных текстов, сколько народов, а раз эта первая и старая версия искажена и фальсифицирована, то как вы думаете,— говорит он,— неужели от меня зависит произвести выбор и различать по своему благоусмотрению ложное от истинного и создать новое произведение из старого, из двух сделать одно и предать себя таким образом на осмеяние евреям; они подняли бы меня на смех и сказали бы, что это ворон выклеывает глаза у ворона, согласно

пословице... Несомненно,— говорит он,— апостолы и евангелисты знают перевод семидесяти толковников; каким же образом они приводят то, чего нет у последних? Откуда это берется?

В своем предисловии к той же книге, обращенном к Домниону и Рогациону, он говорит, что эта книга так искажена в греческих и латинских переводах, что в ней встречаешь не столько еврейские, сколько варварские и вообще неведомые имена. Приписывать это семидесяти толковникам,— говорит он,— нельзя, так как они были преисполнены святого духа; это вина писцов и переписчиков, которые писали неточно, часто из двух или трех слов делали одно, опуская несколько средних слогов, или же, наоборот, из одного слова делали два или три, так как оно было слишком длинно для произношения.

В своем предисловии к книге Иова он говорит о своих врагах: Пусть псы, лающие на меня, знают, что я работал над этой книгой не ради порицания старого перевода, а для того, чтобы выяснить с помощью нашего толкования темные места в ней, а также то, что опущено и даже искажено и фальсифицировано переписчиками.

В своем предисловии к евангелиям, обращенном к папе Дамазию⁷⁵, он говорит: Несомненно, в наши книги вкралась большая порча. Если в какой-нибудь рукописи один из евангелистов говорит нечто, чего нет у других, толкователи и переводчики считали своим

долгом добавлять недостающее у других и исправлять таким образом всех евангелистов по образцу того, кто первый был прочитан ими. Поэтому у нас все смешалось; вот почему у святого Марка встречаются места от св. Луки, у св. Матфея места от св. Марка и св. Иоанна, у прочих тоже места, принадлежащие другим.

Наконец, в своем предисловии к псалмам ⁷⁶, обращенном к Павле и Евстахию, он говорит: Будучи в Риме, я взялся за исправление этой книги по версии семидесяти толковников и успел уже исправить значительную часть ее, хотя наспех; но вы, Павла и Евстахий, видя, что эта книга остается еще искаженной по вине переписчиков и что старые ошибки встречаются больше веры, чем новые поправки, понуждаете меня как бы заново вспахать уже возделанный участок и заново выпалывать снова выросшие сорные травы; необходимо,— говорите вы,— тем чаще удалять плевелы, чем скорее они произрастают.

Что касается, в частности, книг ветхого завета, то Ездра *, служитель закона, сам свидетельствует, что он исправил и привел в первоначальный вид священные книги своего закона, которые, как он сообщает, были отчасти утеряны, отчасти искажены; он разделил их на 22 книги по числу букв еврейской азбуки и составил несколько других книг, содержание которых должно было

* Ездра ⁷⁷, 4 : 14.

стать известным только мудрым людям. Если эти книги были частью утеряны, частью искажены, как об этом свидетельствует Ездра и как об этом неоднократно упоминает также св. Иероним, то, значит, нет никакой уверенности в их содержании. И если тот же Ездра говорит, что исправил их и привел в целостный вид по вдохновению от самого бога, то это не означает никакой достоверности, каждый обманщик мог бы сказать то же самое. Все книги Моисея и пророков, которые удалось найти, были сожжены во время Антиоха ⁷⁸. Талмуд считается у евреев святой и священной книгой и содержит все божественные законы и повеления, а также мнения и изречения раввинов и их толкования божеских и человеческих законов и множество других тайн еврейской литературы*; но христиане видят в нем сплошные бредни, басни, обман и нечестие. В 1559 году они по приказу инквизиции сожгли в Риме 12 таких талмудов, найденных в библиотеке города Кремоны. Фарисеи ⁷⁹, известная секта у евреев, признавали только 5 книг Моисея и отвергали книги пророков. У христиан Маркион ⁸⁰ и его последователи отвергали книги Моисея и пророков и вводили другие книги, по своему вкусу. Карпократ ⁸¹ и его последователи поступали таким же образом, отвергали весь ветхий завет и утверждали, что Иисус Христос был простым смертным.

* Dict. hist.

Маркиониты и североане⁸² тоже отвергали весь ветхий завет, а также наибольшую часть четырех евангелий и посланий св. Павла. Эбиониты⁸³ признавали только евангелие от св. Матфея и отвергали три прочие евангелия и послания св. Павла. Маркиониты в подтверждение своего учения обнародовали евангелие под именем св. Матфея. Равным образом апостолики для поддержания своего заблуждения ввели новые книги и использовали с этой целью некоторые Деяния, которые они приписывали св. Андрею и св. Фоме. Манихеи⁸⁴ написали евангелие в своем духе и отвергали книги пророков⁸⁵ и писания апостолов. У элкеситов⁸⁶ была своя книга, которая, по их словам, явилась с неба; они отвергали почти все книги ветхого и нового завета или же толковали их по своему произволу. Сам Ориген⁸⁷, при всем своем большом уме, постоянно подправлял писание и, как говорят, не стесняясь, сочинял невпопад аллегории и таким образом на каждом шагу отклонялся от подлинного смысла пророков и апостолов; он исказил даже некоторые основные пункты [христианского] вероучения. Его книги в настоящее время изуродованы и фальсифицированы; до нас дошли только отрывки, сшитые и собранные впоследствии другими, причем в них также находят заблуждения и явные ошибки. Алогисты⁸⁸ приписывали евангелие и апокалипсис⁸⁹ св. Иоанна еретика Керинфу и на этом основании отвергали их. Еретики последних веков

нашей эры отвергают, как апокрифические, некоторые книги, которые наши католики считают святыми и священными, как то: книги Товит, Юдифь, Есфирь, Варуха, песнь трех отроков в печи огненной, историю Сусанны и историю идола Бела, книгу Премудрости Соломона, Иисуса Сирахова, 1-ю и 2-ю книги Маккавеев. Между тем у римских католиков все эти книги считаются святыми и священными. Ко всем этим спорным и сомнительным книгам можно прибавить еще несколько других, столь же малоценных книг, которые приписывались другим апостолам, как то: Деяния св. Фомы, его хождение, евангелие, его апокалипсис. Римские католики, в том числе даже папа Гелазий⁹⁰ и св. отцы римской церкви, отвергают, как апокрифы, евангелия св. Варфоломея, св. Матфея, св. Иакова, св. Петра и других апостолов, а также Деяния св. Петра, его книгу проповедей, его апокалипсис, его книгу суда и детства спасителя и ряд других такого же характера.

Раз так, сами наши хриstopоклонники не могут отрицать это. Несомненно, ясно и очевидно, что эти книги лишены всякого основания, всякой видимости достоверности как в отношении приписываемого им авторитета, так и в отношении сообщаемых в них фактов; а раз нет никакого основания и никакой видимости достоверности в этом отношении, то несомненно, ясно и очевидно, что сообщаемые в них мнимые чудеса не могут слу-

жить надежными и верными свидетельствами и доказательствами истины данной религии. Тем более, что даже те, кто упорнее всего стоит за божественный авторитет этих якобы святых и священных книг и за подлинность сообщаемых в них лжечудес, даже эти люди вынуждены признать, что у них не было бы никакой достоверности ни в отношении божественного авторитета их книг, ни в отношении подлинности сообщаемых в этих книгах чудес, если бы, как они говорят, их вера не поддерживала их в этом и не обязывала их безусловно верить в это. Но эта вера, как я сказал, является слепой верой в вещи, которых не видишь и не знаешь; это принцип заблуждений, иллюзий и обмана. Итак, вышесказанные мнимые чудеса и якобы святые и священные книги не обладают, по признанию самих же их защитников, никакой другой достоверностью, кроме той, которую находят в слепой вере; отсюда несомненно ясно и очевидно, что они не могут служить верными свидетельствами истины данной религии.

XVII. [Мнимые священные писания не обнаруживают никаких признаков мудрости или сверхчеловеческих знаний]

Но посмотрим, не заключают ли эти книги, считающиеся святыми и божественными, в себе самих некоторый отпечаток божества, например ученость, мудрость, святость или

другое совершенство, присущее только богу. Посмотрим также, согласуются ли сообщаемые в них мнимые чудеса полностью с тем, как мы должны себе представлять величие, благость, справедливость и премудрость всемогущего бога. Ибо нельзя поверить, чтобы книги, составленные действительно по божественному указанию или вдохновению, не содержали в себе самое совершенное знание, мудрость и ученость; во всяком случае нельзя поверить, что в них встречаются те же ошибки, заблуждения и обман, которые обычно находят в других книгах, будь то по небрежности, невежественности или неспособности их авторов.

Равным образом нельзя поверить, чтобы чудеса, о которых говорится в этих книгах, не согласовывались полностью с представлением о величии, благости, справедливости и премудрости бога, сотворившего их. Ибо ясно и очевидно, что нельзя приписывать бесконечно совершенному существу нечто, не согласующееся с высшим совершенством его природы и воли. А между тем ясно и очевидно, что эти якобы святые и священные книги не заключают в себе никаких признаков учености, науки, мудрости, святости, ни другого совершенства, о которых можно было бы сказать, что они исходят только от бога. Напротив, мы сами явным образом находим в них те же недостатки, ошибки, заблуждения и несовершенства, которые встречаются в других книгах в результате небрежности,

невежества или неспособности их авторов. Следовательно, нет никаких признаков, что книги этого рода — действительно божественное откровение, действительно написаны по особому наитию от духа божия. Равным образом сообщаемые в них мнимые чудеса нисколько не согласуются с представлением о величии, благодати, справедливости и бесконечной премудрости сотворившего их бога, поэтому нельзя приписывать их всемогуществу божьему и верить, что бог сотворил их.

Что касается упомянутых святых и божественных книг, о которых я сказал, что они не включают в себе никаких признаков и черт божественного авторитета и божественного вдохновения, то в этом легко убедиться каждому самолично, как бы он ни был мало образован. Достаточно прочитать эти книги, и вы увидите, что в них, как я сказал, нет никакой учености, никакого кладезя знаний, никакой возвышенной мысли, никакого другого творчества духа, превосходящего силы человеческие. Напротив, вы найдете в них, с одной стороны, только басни и мифы, вроде рассказа о сотворении мира, о сотворении и размножении человека, о мнимом рае на земле, о змие, который говорил и рассуждал и даже оказался хитрее и коварнее человека, о говорящей ослице, которая упрекала своего хозяина за дурное и незаслуженное обращение с ней, о всемирном потопе и ковчеге, в который были заключены животные всех

видов, о смешении языков и раздорах между народами, не говоря уже о множестве других пустых и пошлых рассказов, которые серьезные авторы не стали бы приводить. Эти рассказы несомненно не в меньшей мере носят сказочный характер, чем мифы о деятельности Прометея⁹¹, о ящике Пандоры⁹², о борьбе гигантов против богов и многие подобные басни, сочиненные поэтами древности для развлечения своих современников. С другой стороны, вы найдете в этих книгах только кучу законов, предписаний и вздорных и суеверных правил о жертвоприношениях и очищениях, предписываемых старым законом и касающихся разделения животных на чистых и нечистых. Эти законы и предписания не заслуживают большего уважения и не менее вздорны и суеверны, чем законы и предписания народов, предающихся самому дикому идолопоклонству. Затем вы найдете в них только простые рассказы, верные или ложные, о ряде царей, правителей и других лиц, живших хорошо или дурно, совершивших то или иное хорошее или дурное в числе прочих своих деяний низких, безразличных или распутных, о которых тоже сообщается в этих книгах. Ясно, что для того, чтобы сочинить эти рассказы, как они приводятся в этих якобы святых и священных книгах ветхого и нового завета, не требовалось особой гениальности и, стало быть, не было надобности в божественном откровении. Приписывание богу столь вздорных и глупых сказок не делает

ему чести: немного ему нужно было, если ему доставляли удовольствие такие пошлые откровения. Наконец, мы находим в этих книгах речи и деяния прославленных и пресловутых пророков, объявляющих себя совершенно особыми посланниками бога и обладателями божественного вдохновения. Вы увидите здесь их манеру действовать и говорить, ознакомьтесь с их сновидениями, грезами и мечтами и по их речам и образу действий вам нетрудно будет заключить, что они [пророки] гораздо более походят на визионеров, на людей, страдающих галлюцинациями, на фанатиков, чем на людей умных и просвещенных. Правда, в некоторых из этих книг имеются дельные указания и прекрасные правила морали, как, например, в книге Притчей Соломоновых, в книге Премудрости и Екклесиасте; однако нигде нет ничего, что превосходит кругозор и меру человеческого ума и человеческой мудрости. Напротив, вы обычно найдете гораздо больше ума, знаний, красноречия, порядка, ясности, отделанности, последовательности, точности и даже больше мудрых и солидных поучений в книгах светских философов, историков и ораторов, чем в каких-либо из этих якобы святых и священных книг, будь то ветхого или нового завета, главная мудрость которых заключается в том, чтобы заставить вас верить в благочестивый вздор и исполнять суеверные религиозные обряды. Итак, не говоря уже об отдельных солидных авторах, написавших немало книг

по гуманитарным наукам и по упорядочению наших нравов, книг, полных прекрасных примеров и здравых мыслей, я считаю возможным утверждать, что если бы у нас были хотя бы только басни Эзопа⁹³, то и они, несомненно, гораздо более остроумны и назидательны, чем все те грубые и нелепые притчи, которые сообщаются в так называемых святых евангелиях.

XVIII. [Противоречия в евангелиях]

Но помимо грубого и вульгарного стиля этих евангелий, помимо отсутствия в них порядка и последовательности в изложении отдельных, бегло передаваемых фактов, не видно также, чтобы изложение это совпадало у различных авторов; одни рассказывают свои сказки на один лад, другие — на другой. Это еще нагляднее показывает, что книги такого рода не являются результатом божественного вдохновения. Местами авторы даже явно противоречат друг другу — это ясно показывает, что они не были вдохновлены от бога и не обладали достаточным умом и природным талантом, чтобы хорошо изложить свой рассказ.

Вот несколько примеров, встречающихся у них разногласий и противоречий. У евангелиста св. Матфея Иисус Христос происходит от царя Давида⁹⁴ через сына его Соломона и всех потомков этого Соломона вплоть до Иосифа, отца — во всяком случае предпола-

гаемого отца — Иисуса Христа. У евангелиста св. Луки Иисус происходит от того же Давида через его сына Натана и всех его потомков до Иосифа. Здесь явное противоречие и несуразность; ибо ясно, как день, что если этот Иосиф и Иисус Христос произошли от Давида через его сына Соломона и через всех потомков этого Соломона, то они не могут происходить в то же время от того же Давида через его другого сына Натана и через всех потомков этого Натана, так как эти последние, конечно, совершенно другие люди. К тому же, какой смысл этим обоим евангелистам вести родословную этого Иосифа, производить его от Давида и доказывать, что их Христос был сыном Давида, раз Христос на самом деле вовсе не сын Иосифа, возможного потомка Давида. Конечно, оба эти евангелиста могут доказать, что Христос был сыном Давида, только доказав, что он был сыном Иосифа, происхождение которого они, хотя различными путями, ведут от Давида. Но наши хриstopоклонники не желают видеть в своем Христе сына этого Иосифа, для них вовсе не кстати, если упомянутые евангелисты докажут с помощью родословной Иосифа, что Христос был якобы сыном Давида. Если же они докажут, что Христос действительно был сыном Давида, то надо признать, что он был сыном Иосифа; это опять явная несуразность с той или другой стороны. Но, как бы то ни было, несомненно св. Павел имеет в виду именно вздорность таких родословных, когда

поучает своего ученика Тимофея * ⁹⁵, что «не следует заниматься баснями и родословиями бесконечными, которые производят больше споры, нежели божие назидание в вере», или же, когда он говорит другому своему ученику, Титу ** ⁹⁶, что надо избегать дерзостных вопросов и нелепых родословных и споров и распрей о божественном законе, ибо они бесполезны и тщетны.

2. Разнобой и противоречия имеются также в рассказах евангелистов о том, что произошло вскоре после рождения Христа. Согласно евангелисту св. Матфея, немедленно после рождения Христа распространился в Иерусалиме слух, что родился новый царь иудейский и что пришли волхвы поклониться ему; тогда царь Ирод, опасаясь, что новый царь когда-нибудь лишит его престола, велел передушить и перерезать всех младенцев, родившихся в последние два года в окрестностях Вифлеема, где, как ему сказали, должен был родиться этот новый царь. Иосиф и мать Иисуса узнали во сне от ангела о злодейском намерении Ирода перебить младенцев и немедленно бежали в Египет, где оставались, по словам этого евангелиста, до смерти Ирода, наступившей лишь через несколько лет. В противоречие с этим евангелистом св. Лука сообщает: Иосиф и мать Иисуса мирно пребывали шесть лет в местности, где

* Тимофею, 1 : 4

** Титу, 3 : 9.

родилось у них чадо Иисус, над ребенком было совершено обрезание, согласно иудейскому закону, на восьмой день после его рождения, и когда прошло предписанное законом время для очищения матери, она и супруг ее Иосиф понесли младенца в Иерусалим, чтобы представить его в храме богу и одновременно принести предписанную законом жертву богу; после чего, согласно тому же евангелисту, Иосиф и Мария, мать Иисуса, вернулись в Галилею, в свой город Назарет, где дитя возрастало изо дня в день в премудрости и благодати, причем отец и мать его каждый год отправлялись в Иерусалим к торжественному дню их праздника пасхи. Таким образом мы не встречаем у евангелиста никаких упоминаний об их бегстве в Египет и о жестоком приказании Ирода относительно младенцев в Вифлеемской области. Отсюда ясно и очевидно, что в рассказе обоих евангелистов имеются разнобой и противоречия, и не только потому, что один говорит о жестокости Ирода и о бегстве Иосифа и Марии с их младенцем Иисусом, а у другого нет никакого упоминания об этом: разнобой не только в этом — одна из обеих этих версий необходимо должна быть ложной, так как невозможно, чтобы Иосиф и Мария возвратились так мирно в свой город Назарет и ежегодно ходили оттуда в Иерусалим на праздник пасхи, как сообщает один евангелист, и что в то же время они вынуждены были бежать в Египет и пробыть там так долго, как

говорит другой евангелист. Что касается жестокого повеления Ирода об избииении младенцев в Вифлееме и окрестностях, то современные историки ничего не говорят об этом, и даже еврейский историк Иосиф в своем описании жизни и злодеяний Ирода ни словом не упоминает об этом, не говорят об этом также другие евангелисты в своих евангелиях. Итак, по всей видимости рассказ об этом в евангелии св. Матфея является просто вымыслом и обманом, точно так же, как сообщение о бегстве в Египет. В самом деле, невероятно, чтобы еврейский историк Иосиф, строго осуждающий Ирода за его пороки и злодеяния и оставивший описание их, обошел молчанием такое чудовищное злодеяние, как бесчеловечное избиеение стольких невинных младенцев, если бы то, что сообщает евангелист св. Матфей, соответствовало истине.

3. Имеются разногласие и противоречие в том, как упомянутые евангелисты определяют продолжительность общественной жизни Иисуса Христа. Судя по рассказам первых трех евангелистов, от его крещения до смерти по видимому прошло не более трех месяцев, если предположить, что ему было 30 лет или около того, когда его крестил св. Иоанн, как об этом сказано в евангелии от св. Луки *, и что он родился 25 декабря, как это принято считать у наших поклонников бога-Христа. Ибо между этим крещением, происшедшим

* Луки, 3 : 21.

на 15-м году царствования цезаря Тиберия и в год первосвященничества Анны и Каиафы, и мартом месяцем прошло только около трех месяцев; согласно первым трем евангелистам, он был распят в канун первого дня пасхи года его крещения, когда он в первый раз пришел в Иерусалим со своими учениками. Все, что они [эти евангелисты] рассказывают о его крещении, путешествиях, проповедях, чудесах, страстях и смерти, должно относиться к тому же году, что и его крещение, так как эти евангелисты не говорят ни о каком другом из следующих годов и из самого их рассказа о его деяниях явствует, что он совершил их одно за другим немедленно вслед за своим крещением и в весьма короткий период времени; за все это время можно заметить только промежуток в шесть дней перед его преображением, причем не видно, что он делал и вообще делал ли он что-нибудь в эти дни *. Отсюда ясно, что после своего крещения Христос прожил всего около трех месяцев; если вычесть из них шесть недель, т. е. сорок дней и сорок ночей, проведенных им в пустыне вслед за своим крещением, то окажется, что общественная жизнь его от первых его проповедей до его смерти продолжалась всего около шести недель. Между тем по рассказу евангелиста Иоанна продолжительность ее принимают по меньшей мере в три года и три месяца, так как по

* Матф., 17 : 1; Марка, 9 : 2; Луки, 9 : 28.

евангелию Иоанна выходит, что за время своей общественной жизни Иисус по меньшей мере три или даже четыре раза был в Иерусалиме на торжестве праздника пасхи, которая праздновалась только раз в году. Итак, явное и несомненное противоречие и разнобой. Ибо, если принять за истину, что Иисус был распят накануне первого дня пасхи, после своего крещения, на пятнадцатом году царствования цезаря Тиберия и в год первосвященничества Анны и Каиафы, как это отмечают другие евангелисты, то оказывается ложным, что после своего крещения он был три или четыре раза в Иерусалиме на торжестве праздника пасхи, так как этот праздник, как я уже заметил, наступал только один раз в год. А если верно, что Иисус после своего крещения был в Иерусалиме три или четыре раза, как об этом, повидимому, свидетельствует евангелист Иоанн * и как это обычно утверждают наши хриstopоклонники, то неверно, что он прожил после своего крещения только три месяца и был распят в свое первое посещение Иерусалима после своего крещения, как об этом повествуют три первых евангелиста. Приводят следующие аргументы: три первые евангелиста упоминают только об одном годе, но они не различают определенно других годов, протекших после крещения Иисуса; или же: евангелист Иоанн на самом деле имеет в виду только одну пасху,

* Иоан., 2 : 3; 6 : 4; 7 : 2 и 10; 11 : 5; 12 : 12.

хотя на первый взгляд он как бы говорит о нескольких праздниках пасхи: он только, забегая вперед, говорит и несколько раз повторяет, что праздник еврейской пасхи был близок и Иисус шел в Иерусалим. Отсюда заключают, что противоречия и разнобой по этому пункту между упомянутыми евангелистами носят лишь кажущийся характер. Я готов согласиться с этим; но во всяком случае ясно, что этот разнобой и кажущиеся противоречия проистекают от того, что евангелисты плохо выражают свои мысли и недостаточно четко подчеркивают все обстоятельства, которые необходимо было бы отметить в их рассказе. Однако безразлично, противоречат ли евангелисты друг другу или плохо изъясняются в своем рассказе, так или иначе из этого приходится сделать тот вывод, что они, значит, не были вдохновлены богом, когда писали свое повествование. Ибо, если бы они действительно были вдохновлены богом, они не впадали бы в противоречие друг с другом, и у них оказалось бы достаточно ума и знаний, чтобы ясно выражать свои мысли и четко, в порядке и последовательности отметить все обстоятельства и детали своего рассказа, не опуская ничего существенного и не путая и не извращая порядка событий, как они это неоднократно делают. Невозможно, кроме того, отрицать, что они противоречат друг другу также во многих других случаях.

1. Они противоречат друг другу прежде всего в рассказе о том, что делал Иисус

Христос тотчас после своего крещения. Согласно первым трем евангелистам *, он тотчас после своего крещения был перенесен духом божьим в пустыню, где предавался посту в течение 40 дней и 40 ночей и несколько раз был искушаем дьяволом; а по евангелию от св. Иоанна ** он через два дня после своего крещения отправился в Галилею за 30 миль с лишком от места, где он находился, прибыл туда через три дня и попал на свадьбу в Кане Галилейской; здесь он, по словам евангелиста, совершил свое первое чудо, превратив воду в вино. Это — явное противоречие: если он действительно предавался посту в пустыне, то нельзя себе представить, что он одновременно мог быть за 30 миль от этого места на свадебном пиру, а если он действительно присутствовал на этом свадебном пиру, то нельзя себе представить, что он одновременно мог быть за 30 миль оттуда в пустыне.

2. Они противоречат друг другу также в указании, куда Иисус удалился непосредственно после своего ухода из пустыни. По рассказу евангелиста Матфея *** он вернулся в Галилею и, минуя город Назарет, пришел на жительство в приморский город Капернаум; а евангелист Лука **** говорит, что он

* Матф., 4 : 1; Марка, 1 : 12; Луки, 4 : 1.

** Иоан., 2 : 11.

*** Матф., 4 : 13.

**** Луки, 4 : 16; 31.

сначала пришел в Назарет, а только потом в Капернаум.

3. Они противоречат друг другу относительно времени и обстоятельств, при которых последовали за Иисусом Христом его апостолы: согласно первым трем евангелистам * он, проходя вдоль Галилейского моря [озера], увидел Симона и его брата Андрея, ловивших рыбу в этом море, а несколько подалее Иакова и его брата Иоанна с их отцом Зеведеем, починявших свои сети,— они тоже были рыбаками; на его призыв они немедленно бросили свои сети и пошли за ним. Напротив, по евангелисту Иоанну **, первым присоединился к Иисусу Андрей, брат Симона Петра с другим учеником Иоанна Крестителя, когда они были со своим учителем на берегу Иордана и увидели проходящего мимо Иисуса, причем Иоанн, их учитель, сказал им при виде Иисуса: вот агнец божий, вот тот, кто берет на себя грехи мира; Андрей, найдя потом своего брата Симона, привел его к Иисусу, а затем Иисус, собираясь идти в Галилею, встретил Филиппа и потом Нафанаила, которые пришли к нему. Здесь имеются разногласия и противоречия: если эти ученики Иисуса Христа присоединились к нему в таком порядке, как об этом повествует евангелист Иоанн,— они не могли присоединиться к нему в том порядке, который указывают другие евангелисты.

* Матф., 4 : 18; Марка, 1 : 16; Луки, 5.

** Иоан., 1 : 16; 40 : 45.

4. Они впадают в противоречие между собой в своем рассказе о последней вечере Иисуса Христа с его апостолами. Согласно первым трем евангелистам, он учредил на этой последней вечере таинство причащения его тела и крови под видом и образом хлеба и вина, как выражаются наши, римско-католические богопоклонники; а евангелист Иоанн * говорит, что после этой вечери Иисус омыл ноги своим апостолам и настоятельно советовал им делать то же самое друг другу; затем он приводит длинную речь, с которой якобы обратился к ним в то же время Иисус. Но другие евангелисты ни единым словом не упоминают ни об этом омовении ног, ни о длинной речи, с которой Иисус обратился тогда к своим ученикам. Напротив, они сообщают, что сейчас после этой вечери он ушел вместе со своими апостолами на Масличную гору и там, удалившись на малое расстояние от своих апостолов, стал совершенно один на молитву, предал свою душу печали и в конце концов впал в предсмертную тоску, тогда как его апостолы спали в некотором отдалении. Здесь есть несогласованность и противоречие: если верен рассказ трех евангелистов, то Иисус не мог омыть ноги ученикам и не имел времени произносить перед ними такую длинную речь, так как ночь наступила еще прежде, чем они окончили обряд вечери, как об этом сказано у св. Иоанна **, и они ушли

* Иоан., 13 : 5.

** Там же, 13 : 30.

тотчас же после воздания благодарений на Масличную гору *, как то говорят Матфей и Марк. По всей видимости, он не мог также говорить им на этой горе такую длинную речь, так как он удалился там от них, чтобы стать на молитву, и был подавлен печалью, а ученики его предались сну, как об этом рассказывают другие евангелисты. И каким образом евангелист св. Иоанн мог по истечении стольких лет так хорошо вспомнить множество слов, сообщаемых им из этой речи Иисуса, между тем как он совершенно не упоминает о других, гораздо более примечательных вещах, а также о других иносказательных речах, которые он должен был слышать от него наравне с другими евангелистами? Чем объяснить столь большое различие между ними как не тем, что ими руководил не дух истины, а дух заблуждения и лжи. Действительно, мы видим, что самый стиль их рассказов — это стиль сказок, к тому же плохо выдуманных, плохо изложенных и плохо переданных.

5. Они сами себе противоречат относительно дня, в который, по их рассказам, происходила эта вечеря: с одной стороны, они говорят, что это было вечером накануне пасхи, т. е. вечером первого дня употребления опресноков или вкушения опресных хлебов **, когда согласно закону евреев полага-

* Матф., 26 : 43; Марка, 14 : 37; Луки, 22 : 45.

** Матф., 26 : 5.

лось вкушать пасхального агнца. Ибо они должны были вкушать пасхального агнца и пресный хлеб вечером накануне великого праздника пасхи, как об этом сказано в книге Исхода, 12 : 18, в книге Левит, 23 : 5, в книге Чисел, 28 : 16. С другой стороны, они отмечают, что Иисус был распят на другой день после этой вечери, к полудню после того, как суд евреев над ним продолжался всю ночь и утро. А между тем, судя по их рассказу, следующий день после вечери * должен был быть не следующим днем (после) пасхи, а самым днем великого праздника пасхи. Итак, если Иисус умер около полудня накануне пасхи, то он не мог совершить этой вечери вечером накануне этого праздника, а если вечера происходила в канун этого праздника, то он был распят не накануне, а в самый день праздника. Ясно, что та или другая сторона ошибается, т. е. либо он не совершал вечери накануне этого праздника, либо он совершил вечерю накануне этого праздника, стало быть в тот день, когда надлежало совершать ее, и был распят на другой день после этого. И в этом пункте евангелисты впадают между собой в противоречие.

6. Они противоречат себе в своем рассказе о женах, следовавших за Иисусом из Галилеи. Согласно первым трем евангелистам эти жены, а также все его знакомые, среди которых были Мария Магдалина, Мария (мать Иакова и Иосифа) и мать детей Заведея, из-

* Матф., 26 : 17; Марка. 14 : 12; Луки, 26 : 7.

дали смотрели на происходящее, в то время как Иисуса пригвождали к кресту. Напротив, евангелист Иоанн говорит, что мать Иисуса, сестра ее и Мария Магдалина стояли подле креста вместе с апостолом Иоанном, что Иисус при виде своей матери и стоящего рядом с ней своего любимого ученика сказал своей матери: жено, се сын твой, а своему ученику: се мать твоя. Здесь имеется расхождение и противоречие: если эти женщины и этот ученик стояли близ него, как говорит евангелист Иоанн, они, стало быть, не стояли вдали, как говорят другие евангелисты, а если они стояли вдали, как говорят три евангелиста, они не были близ него, как говорит Иоанн.

7. Они противоречат себе в своих рассказах о мнимых явлениях Иисуса Христа после его мнимого воскресения. Матфей* говорит только о двух явлениях: в первый раз Иисус явился Марии Магдалине и другой женщине, тоже по имени Мария, во второй раз он явился своим одиннадцати ученикам, отправившимся в Галилею на ту гору, на которой он обещал им явиться; Марк** говорит о трех явлениях: в первый раз Иисус явился Марии Магдалине, во второй — двум своим ученикам, шедшим в Эммаус, в третий и последний раз — своим одиннадцати ученикам, которых он упрекал в неверии. Лука*** говорит только о двух явлениях: в первый

* Матф., 9 : 17.

** Марка, 9 : 13, 14.

*** Луки, 24 : 13, 36.

раз Иисус явился двум своим ученикам на пути их в Эммаус, во второй раз он явился одиннадцати своим ученикам и другим, собравшимся с ними в городе Иерусалиме. Евангелист Иоанн * говорит о четырех явлениях Иисуса: в первый раз — Марии Магдалине, во второй — своим одиннадцати ученикам, собравшимся в Иерусалиме в доме при закрытых дверях, в третий раз — через восемь дней — тем же ученикам, собравшимся таким же образом в доме при закрытых дверях и, наконец, в четвертый раз — семи или восьми своим ученикам, ловившим рыбу на Тивериадском озере ** 97.

8. Они противоречат себе также в названиях мест, где якобы произошли эти явления Иисуса: Матфей *** говорит, что ученики видели его в Галилее, на горе, на которую он велел им отправиться, чтобы увидеть его. По словам Марка ****, он явился им, когда они сидели за трапезой. Лука ***** рассказывает, что он повел их из города Иерусалима и довел до города Вифании, где он их покинул и вознесся на небо. А по рассказу Иоанна ***** , Иисус явился им в городе Иерусалиме в доме, двери которого они заперли, и затем вторично на Тивериадском озере.

* Иоан., 20 : 15, 19, 26.

** Иоан., 21 : 1.

*** Матф., 27 : 16.

**** Марка, 16 : 14.

***** Луки, 24 : 50.

***** Иоан., 20 : 19, 21 : 1.

Таковы противоречия в рассказах об этих мнимых явлениях Иисуса. Эти явления не могут быть все правдой, ибо, если верно по евангелисту Иоанну, что Иисус явился уже вечером в день своего воскресения ученикам, собравшимся в Иерусалиме, в доме, в котором они заперли двери, то как может быть верен рассказ Матфея, что апостолы видели Иисуса в Галилее, на горе, куда он велел им отправиться для этой цели, и что они действительно отправились туда немедленно после того, как узнали от женщин о его воскресении? Если Иисус должен был явиться им в Иерусалиме вечером в день своего воскресения, как это утверждает евангелист Иоанн, то какой смысл имело спешно посылать их за 30 миль оттуда, чтобы увидеть его? И почему он велел передать им, что они увидят его там и что он еще раньше их будет в указанном месте, как об этом говорит Матфей? Ведь если он должен был явиться им в этот день в самом Иерусалиме, ему незачем было посылать их для этого в Галилею за 30 миль от Иерусалима. И наоборот, если он должен был явиться им в Галилее и если они тотчас после его воскресения отправились в указанное им место, как об этом сообщает Матфей, каким образом он явился им в Иерусалиме? Если они, согласно тому же Матфею, отправились в Галилею, то ясно, что здесь имеется противоречие и необходимы новые чудеса, чтобы согласовать это. Но как объяснить следующее: Матфей сам принад-

лежал к числу одиннадцати апостолов и, стало быть, должен был быть в Иерусалиме, когда Иисус Христос явился среди них при закрытых дверях,— каким же образом этот апостол, бывший свидетелем этого явления Иисуса, мог сказать и отметить в своем евангелии, что они должны были узреть его в Галилее и что они поспешно отправились в указанное место, но не упоминает, что они видели его в тот же день вечером в Иерусалиме? Невероятно, чтобы этот апостол мог сказать это и не упомянуть о мнимом явлении Иисуса в Иерусалиме, если оно действительно произошло. Равным образом, как это евангелист св. Иоанн, который тоже был в числе одиннадцати апостолов и, стало быть, тоже был вместе с другими апостолами в Галилее и вместе с другими видел воскресшего Иисуса Христа,— как это, повторяю, он был там и видел воскресшего Иисуса Христа и не упоминает ни об этом путешествии, ни об этом явлении Христа, которым опровергается рассказ в его евангелии? Конечно, невероятно, чтобы он отправился в этот путь и видел своего учителя и не упомянул об этом в своем евангелии, если только это путешествие и это явление [Иисуса] состоялись в действительности. Итак, с той или другой стороны здесь должны быть ошибки или обман.

9. Они противоречат себе также в рассказе о мнимом вознесении Иисуса Христа на небо. Евангелисты Лука и Марк определенно го-

ворят, что он вознесся на небо в присутствии своих одиннадцати апостолов; но ни Матфей, ни Иоанн ни словом не упоминают об этом мнимом вознесении. Более того, евангелист Матфей довольно ясно свидетельствует, что Иисус вовсе не вознесся на небо: он определенно сообщает, что Иисус Христос заверил своих апостолов при этом своем явлении, что он всегда до конца веков пребудет и останется с ними. Идите же,—сказал он им при этом мнимом явлении,—и научите все народы и знайте, что я буду всегда с вами до конца веков *. А Лука впадает в противоречие с самим собою: в своем евангелии он говорит, что Иисус в присутствии своих апостолов вознесся на небо из Вифании **, а в Деяниях апостольских он, если, как полагают, он является автором этого произведения, говорит, что это произошло на Масличной горе ***. Он противоречит себе также относительно другого обстоятельства этого вознесения: в своем евангелии **** он говорит, что Иисус вознесся на небо в самый день своего воскресения или в первую ночь после него, а в Деяниях апостольских ***** он говорит, что это было сорок дней спустя после его воскресения. Это, конечно, никак не согласуется между собой.

* Матф., 28 : 20.

** Луки, 24 : 50.

*** Деян., 1 : 12.

**** Луки, 24 : 13, 29 и 51.

***** Деян., 1 : 3.

Если все апостолы действительно были очевидцами славного вознесения своего учителя на небо, как же это Матфей и евангелист Иоанн, которые видели это наравне с другими, могли обойти молчанием такую чудесную мистерию и не обмолвиться ни словом о таком замечательном и возвеличивающем их учителя событии? Тем более, что они сообщают множество других обстоятельств его жизни и дел, гораздо менее замечательных. Далее, если верно, что Матфей видел, как Иисус вознесся на небо, то как же это он говорит в своем евангелии, что Иисус Христос, явившись своим апостолам, заверил их, что пребудет с ними до конца веков? Ибо, если он видел Иисуса вознесшимся на небо, он должен был бы в качестве правдивого историка специально упомянуть об этом мнимом вознесении и не ограничиться этим, а определенно объяснить, каким образом Иисус вознесся на небо,—ведь не легко понять, каким чудом он мог оставаться среди тех, кого он покинул. Однако этот евангелист не делает ни того, ни другого. Отсюда ясно, что в их рассказах имеются ошибки, несуразности и противоречия и что все это пустые басни. Я обхожу молчанием другие подобные противоречия в этих якобы святых и божественных книгах, так как излагать их здесь было бы слишком долго; но уже из сказанного ясно видно, что эти книги — не результат божественного вдохновения и даже

не плод какой-либо человеческой премудрости и поэтому не заслуживают веры.

Мало того. По какой привилегии эти четыре евангелия и несколько других подобных книг считаются святыми и божественными в отличие от ряда других, которые тоже называются евангелиями и тоже были некогда обнародованы под именем разных других апостолов, как я уже говорил об этом выше? Существует ряд других евангелий и писаний, которые прежде склонны были выдавать за канонические, т. е. за святыя, за продукт божественного вдохновения, как, например, евангелие святых апостолов, о котором упоминает святой Августин⁹⁸ в первой книге против Адиманта, гл. XVII, и которое было принято манихеями; другое евангелие было от св. Петра, оно было принято назареями, о нем упоминает Феодорит во второй книге [против] басен еретиков; было также евангелие от апостола Андрея, затем от святого апостола Иакова, от св. Фомы, от св. Матфея, о нем говорят св. Иннокентий в третьем послании и св. Амвросий в предисловии к евангелию от Луки. Климент Александрийский пользовался евангелием от египтян, он сам рассказывает об этом в VII книге своих «Ковров», гл. VII. Феодорит говорит также об евангелии евреев. Тот же Феодорит в первой книге [против] басен еретиков говорит об евангелии от Иуды Искарота. Существовало евангелие от св. апостола Филиппа, другое — от св. Варфоломея и, наконец, еще одно — от

св. Василида, о котором упоминает св. Амвросий, и еще ряд подобных писаний, которые прежде были склонны выдавать за канонические и божественные. Повторяю, по какой привилегии четыре вышеназванных евангелиста были предпочтены всем прочим? На основании какого правила, текста или свидетельства известно, что Матфей, Марк, Лука и евангелист Иоанн действительно имели наитие от бога, когда писали свои евангелия, а другие апостолы не имели его, когда писали свои.

Говорят, что евангелия этих последних подложны и ложно приписываются апостолам; но тогда позволительно спросить: на основании какого правила, текста или свидетельства известно, что эти последние евангелия приписывались апостолам ложно, а первые четыре не приписываются ложно тем, имена которых они носят? Разумеется, если одни из этих апостолов ложно похвалялись, что были вдохновляемы богом при написании своих евангелий, то точно так же и другие могли ложно похваляться этим, как и их собратья; и если одни из этих евангелий ложно приписывались апостолам, то точно так же четыре первых евангелия могли быть ложно приписаны тем, имена которых они носят, и, наконец, если одни из этих евангелий могли быть так легко подделаны и фальсифицированы, то то же могло быть и с другими. Таким образом нет никакого верного мерил, доказательства или свидетельства, позволяющего

различать в этом отношении одни евангелия от других.

Но, скажут, сама церковь проводит это различие и устранила всякие сомнения на этот счет, объявила на своих соборах, какие книги вдохновлены богом, какие нет, признав первые и отвергнув другие, как апокрифы. Она, говорят, объявила это на третьем соборе в Карфагене, при папе Кирилле, приблизительно в 397 году, в каноне 49, или, словами отцов этого собора: угодно нам было постановить, чтобы в церкви читались только канонические книги, именуемые святыми и божественными писаниями. К каноническим книгам эти отцы причисляют: книги Бытия, Исход, Левит и т. д. То же самое было постановлено на Тридентском соборе*; он составил перечень всех тех книг, которые должны считаться божественными, и провозгласил анафему против тех, кто не будет признавать их таковыми. Правда, что церковь так судила и постановила. Но можно ли, положа руку на сердце, сказать или уверить себя, что книги, которые она таким образом отобрала и которые она велит считать святыми и божественными, действительно и несомненно божественного происхождения, боговдохновенные книги, раз церковь не приводит никакого другого доказательства, основания и свидетельства, кроме слов: нам угодно было судить и постановить таким образом? Кто же не видит, что сторонники

* 4-е заседание.

какой угодно религии, секты и общины могли бы с той же легкостью сочинять и фабриковать мнимые святые и божественные книги?

Конечно, они в состоянии были бы делать это и действительно так и поступают, но разумные люди знают, что люди могут сочинять и создавать себе только ложные божества, вроде тех, каким они и поклоняются, они знают также, что люди могут выдумать себе только мнимо боговдохновенные книги, вроде всех тех, которые наши хриstopоклонники считают божественными и требуют признавать таковыми. Итак, напрасно они пытаются извлечь пользу из авторитета, приписываемого ими этим книгам, напрасно уверяют, что в этих книгах заключаются доказательства и надежные свидетельства истинности их религии, напрасно потому, что эти книги не только не носят на себе никакой печати божества, но и не отмечены также печатью особенной человеческой мудрости.

XIX. [Мнимые чудеса, о которых сообщается в евангелиях, ложны; доказательства этого]

Я говорил также, что мнимые чудеса, о которых рассказывается в мнимых святых книгах, не согласуются с представлением о величии, мудрости и справедливости существа бесконечно совершенного и, следовательно, сами по себе невероятны. Поясню это ниже-следующим рассуждением. Величие, благость, мудрость и справедливость существа, предпо-

лагаемого бесконечно совершенным, можно представить себе только таким образом, чтобы они соответствовали всем этим божественным совершенствам. Спрашивается: соответствует ли, например, высшей благодати, высшей мудрости и высшей справедливости, что божеству угодны жестокие и кровавые жертвоприношения, что оно питается плотью и кровью жертвы? Соответствует ли этим совершенствам возмутительно пристрастное отношение к отдельным лицам и народам? Совместимо ли с этими божественными совершенствами хладнокровно и умышленно сокрушать одних, обрушивать на них несчастья и бедствия для того, чтобы покровительствовать другим без какой-либо заслуги с их стороны и осыпать их всеми благами? Разумеется, нет, ибо те самые книги, о которых я говорю и которые слышат у наших хриstopоклонников как святыи и божественные, определенно запрещают всякую несправедливость, неправду и, в частности, всякого рода лицепрятие. Не различайте лиц на суде,— говорит закон *,— как малого, так и великого выслушайте. А в другом месте сказано: Не извращай закона, не смотри на лица и не бери даров, ибо дары ослепляют глаза мудрых и извращают дело правых **. А в другом месте сказано: Не извращайте права и не будьте лицеприятны, не берите никакой мзды, так как мзда ослеп-

* Второз., 1 : 17.

** Там же, 16 : 19.

ляет глаза мудрых и извращает слова праведных *. А в книге Левит сказано: Не творите кривды на суде, не имейте лицепрятия ни к нищему, ни к богатому и сильному, но судите вашего ближнего справедливо **. Те же книги в ряде мест свидетельствуют и говорят, что в боге нет несправедливости, что он не знает лицепрятия и не смотрит на дары; это определенно сказано в упомянутых книгах. Тщательно соблюдайте заветы вашего бога,— говорит закон,— ибо господь бог ваш есть бог богов и владыка владык, бог великий, сильный и страшный, который не смотрит на лица и не берет даров ***. То же самое говорится в ряде других мест этих книг, как-то: книга Притчей Соломоновых, 19 : 7 ****, Екклесиаст, 35 : 15, Деяния апостолов, 10 : 34, Послание к римлянам, 2 : 11, к галатам, 2 : 6, к ефесянам, 6 : 9, к колоссянам, 3 : 24. Сами эти святые и священные книги говорят, что бог не боится великих и не презирает малых, но одинаково заботится о тех и других *****. Они говорят, что он любит все свои творения и не гнушается ничем из того, что он сотворил *****.

* Второз., 16 : 19: Не извращай закона, не смотри на лица и не бери даров, ибо дары ослепляют глаза мудрых и извращают дело правых.

** Левит, 19 : 15. Не делай неправды на суде; не будь лицепрятен к нищему и не угождай лицу великого; по правде суди ближнего твоего.

*** Второз., 10 : 17.

**** Ссылка на этот текст ошибочна.—Прим. ред.

***** Премудр., 6, 8.

***** Там же, 11 : 25.

В самом деле, если бог — бог, т. е. если действительно существовал бы бог, как понимают его и заявляют это наши хриstopоклонники, то он был бы одинаково творцом всех созданий, одинаково творцом всех людей и всех народов; он не был бы только богом евреев или греков, но был бы богом всех народов и наций мира, и всюду он одинаково был бы защитником и благодетелем всех.

А между тем мнимые чудеса, о которых рассказывается в этих якобы святых и священных книгах, и в особенности чудеса, рассказываемые в книгах ветхого завета, сотворены были — согласно рассказу этих книг — только для того, чтобы показать со стороны бога несправедливое и возмутительное пристрастие к народам и лицам, хладнокровно и умышленно сокрушать одних, обрушивать на них бедствия и несчастия и оказывать совершенно особое покровительство другим. Это пристрастие к одним народам и лицам предпочтительно перед другими воочию сказывается в упомянутых книгах ветхого завета, особенно в тех, где говорится, что бог якобы призвал и избрал патриархов Авраама, Исаака и Иакова, для того чтобы сделать для себя из их потомства совершенно особый народ, освятить и благословить его превыше всех других народов мира *. Ибо в этих книгах определенно говорится, что бог позвал первого из этих патриархов, велел ему пойти из земли своей,

* Бытия, 12 : 1.

оставить всю свою родню и друзей и отправиться в другую землю, которую он, бог, ему укажет; вместе с тем бог обещал Аврааму умножить и благословить навсегда его потомство. По словам тех же книг бог второй и третий раз явился Аврааму и сказал ему: я господь бог всемогущий, ходи прямо передо мною и будь непорочен, ибо я устанавливаю мой союз [завет] между мною и тобою, я чрезвычайно умножу твое потомство и сделаю его таким же многочисленным, как пылинки на земле *. Смотри,—сказал он ему,—может ли кто-нибудь сосчитать число пылинок на земле, точно так же будет с твоим потомством, потому что оно будет столь же многочисленно, как пылинки на земле. Ты будешь, сказал он ему, отцом множества народов, и не будешь ты больше называться Авраомом, но будет тебе имя Авраам, ибо я сделал тебя отцом множества народов и даже цари произойдут от твоей крови. И поставлю завет мой между мною и тобою и потомками твоими после тебя, завет вечный в том, что я буду богом твоим и богом твоих потомков после тебя. Сей,—сказал бог Аврааму,—есть завет, который я заключу с тобой и который ты и потомки твои после тебя должны соблюдать **: да будут обрезаны у вас все младенцы мужского пола, обрезывайте крайнюю плоть вашу, сие будет

* Бытия, 13 : 16.

** Там же, 17 : 10, 12.

вечным знамением завета между мною и тобой и твоим потомством *. Восьми дней от рождения да будет обрезан всякий младенец мужеского пола. Я дам также,— сказал бог ему,— тебе и твоим потомкам землю, на которой ты являешься как бы пришельцем **, я дам тебе всю землю Ханаанскую, и ты будешь владеть всей страной от реки Египетской до великой реки Евфрата и всей землей от одного моря до другого ***. Встань,— сказал он ему еще,— пройди всю эту страну, узри ее в длину и ширину, ибо я отдам ее тебе и твоим потомкам в пользование навсегда и вечно буду их богом. Те же обещания бог повторил двум другим патриархам — Исааку и Иакову, первым потомкам этого Авраама; он сказал им, как повествуют эти книги, что сделает их потомство столь же многочисленным, как звезды на небе и песчинки в море, благословит их друзей и проклянет их врагов и благословит ради них все племена земные. Эти обещания, как указывается в упомянутых книгах, несколько раз были сделаны самим богом (Бытие, 12 : 1, 2, 3; 8 : 18; 26 : 4; 22 : 17; 28 : 14).

Они были подтверждены и закреплены даже клятвой со стороны бога, как тоже указывается в этих книгах (Бытие, 22 : 16, Псалт., 89 : 4, Еккл., 44 : 22; Евр., 6 : 13,

* Бытия, 17 : 11.

** Там же, 17 : 8.

*** Там же, 15 : 18.

14). На основании всех этих заманчивых мнимых божественных обещаний упомянутые книги в ряде мест называют еврейский народ, другими словами израильский народ, происшедший от этих трех патриархов, избранным народом, божьим народом, святым народом, благословенным народом *. Если вы будете повиноваться закону божью,— говорит Моисей этому народу,— и верно соблюдать завет, который бог заключил с вами, вы будете самым возлюбленным, самым избранным народом у бога, пользующимся наибольшим его благоволением; вы будете у него как царство священнослужителей и как святой народ; он пошлет вам своего ангела охранять вас от всякой опасности и благополучно ввести вас в то место, которое он уготовил вам, он благословит ваши труды, в вашей стране не будет бесплодия, среди вас не будет заразных болезней, он милостиво сделает полным число дней вашей жизни **; он объявит себя врагом тех, которые будут против вас, он вселит ужас и страх среди ваших врагов, заставит их позорно обратиться в бегство перед вами. Вы не будете,— сказал он им еще,— входить в союз с другими народами и смешиваться с ними, не будете оказывать им никакой пощады, напротив, вы будете истреблять их и разбивать их идолы и истуканы, потому что вы народ святой перед

* Исход, 19 : 5, 6.

** Там же, 23 : 20, 26, 27.

вашим богом, который избрал вас, дабы вы были ему народом, более дорогим, чем все прочие народы мира. Он,— говорил им Моисей *,— избрал вас не потому, что вы сильнее и многочисленнее всех других народов, ибо вы самый малочисленный народ, а потому, что он возлюбил вас и исполняет по отношению к вам клятву, которую он дал вашим отцам, клятву взять всех вас под свое божественное покровительство и благословить вас превыше всех народов мира. Не вкушайте ничего нечистого,— говорил он им еще **,— потому что вы народ святой, народ, который бог избрал из всех народов земли, дабы вы были ему дорогим народом. И, наконец, при другом случае он сказал им ***: бог избрал вас, дабы вы были собственным его народом и соблюдали все его заповеди ****, он поставит вас в чести, славе и великолепии выше всех народов на земле, дабы вы были у него народом святым, как он обещал вашим отцам. Нельзя отрицать, что в подобном выборе заключалось со стороны бога действительно лицепрятное отношение, так как бог выбрал здесь только один народ предпочтительно перед всеми прочими; нельзя также отрицать несправедливость такого пристрастия к [определенному] народу и отдельным людям, так как оно построено было

* Второз., 7 : 5, 6, 7.

** Там же, 7 : 14.

*** Там же, 14 : 2.

**** Там же, 26 : 18, 19.

только на благорасположении, без внимания к заслугам тех и других; и, наконец, нельзя отрицать, что подобное пристрастное отношение к народам и отдельным людям было ненавистно всем прочим народам, так как оно было в ущерб им и клонилось только к их гибели.

Так как лицепрятное и пристрастное отношение к лицам и народам не соответствует высшей благодати, мудрости и справедливости, то нельзя думать, что бог всеблагий, всемудрый и бесконечно справедливый мог когда-либо допустить такое пристрастие к еврейскому народу в ущерб всем прочим народам мира, и так односторонне употребить свое всемогущество для оказания столь пристрастного отношения и потворства [одному] народу и лицам. Отсюда ясно, что мнимые чудеса, якобы сотворенные с этой целью, не заслуживают веры. Да не говорят нам здесь, что божественной справедливости нисколько не противоречит выбрать таким образом несколько лиц или несколько народов предпочтительно перед другими, так как бог — полный хозяин своих милостей и благодеяний и может дарить их, кому ему угодно, причем никто не вправе жаловаться на это, упрекать его и обвинять в несправедливости. Повторяю, да не ссылаются здесь на такой пустой довод: ибо, если бог действительно творец и отец всех людей и народов, как утверждают наши хриstopоклонники и все богопоклонники, то он должен одинаково любить их всех, как свои

собственные творения и, следовательно, должен также быть им всем одинаковым защитником и благодетелем. Ибо, кто дает жизнь, должен также, согласно истинному правилу, давать все необходимое для благополучной жизни: *Qui dat esse, debet consequentia ad esse* — если наши христопоклонники не хотят сказать этим, что их бог нарочно пожелал создать твари, чтобы сделать их несчастными и жалкими. Думать так о существе всеблагом несомненно тоже недостойно его. Поэтому, если этот бог дал жизнь всем людям и всем народам, он должен дать также всем в одинаковой мере благополучную жизнь и, следовательно, должен одинаково уделять им свое божественное благоволение и свои милости, без какого-либо несправедливого и обидного пристрастия в пользу определенных лиц и народов, вроде того, которое приписывают ему в отношении Авраама, Исаака и Иакова и их потомства, т. е. еврейского народа.

Говорят, что бог одинаково любил бы все народы и всех людей и одинаково благоволил бы к ним, если бы они одинаково заслуживали его любовь и его милости и благодеяния, но так как все они не заслуживают этого благоволения, напротив, большинство людей и народов сами навлекают на себя своими пороками и злостностью немилости и кары божьей, то не следует удивляться, если бог любит одних более других и выбирает предпочтительно одних, чтобы особенно удостоить их своих милостей; в таком

выборе одного народа предпочтительно перед другими якобы нет никакой несправедливости. На это легко ответить, что раз все люди и все народы, как это предполагают, одинаково созданы богом, то они являются такими, какими он их создал или хотел создать: и те и другие из них обладают лишь той мерой добродетели, достоинств и совершенств, какую он желал дать им. Отсюда ясно, что было бы несправедливостью и лицеприятием, если бы богу угодно было дать одним больше добродетели, достоинств и совершенств, чем другим, дабы их особенно сподобить своих милостей и благоволения, или, как говорит св. Павел, пролить на них сокровища своего величия и милосердия как на сосуды предопределения и благословения, долженствующие служить его славе, а другим, напротив, дать меньше добродетели, меньше достоинств и совершенств и даже полностью лишить их этих качеств, дабы исключить их из своей дружбы, из своих милостей, или, как говорит тот же св. Павел, явить им действие своего гнева и своего могущества как на сосудах отвержения и осуждения, которым он уготовил вечные муки. А так как нельзя приписывать бесконечно совершенному существу столь несправедливое и возмутительное лицеприятие, то отсюда ясно следует, что чудеса, которые бог якобы сотворил в силу такого лицеприятия и с целью его, никак не согласуются с представлением о величии, благодати, мудрости и спра-

ведливости бесконечно совершенного существа,— поэтому эти чудеса совершенно невероятны сами по себе.

Кроме того, как я уже говорил, под величием, благостью, справедливостью и мудростью совершенного существа следует представлять себе только то, что соответствует этим божественным совершенствам. Поэтому нельзя думать, что бог, как существо совершенное, проявлял свое всемогущество столь особенным образом, творил чудеса по ничтожным поводам и маловажным случаям и не желал проявлять его [свое всемогущество] в гораздо более важных случаях и по гораздо более значительным поводам. Ибо с высшей мудростью не согласуется обращать внимание на мелочи и оставлять без внимания главное, иметь более в виду случайное, а не существенное. С высшей справедливостью не согласуется сурово наказывать легкие проступки и оставлять безнаказанными великие и ужасные преступления. И, наконец, несовместимо с высшей благостью и мудростью не быть столь же благим и благотельным к людям в их насущнейших нуждах, сколь в менее важных случаях. Итак, высшая благость, сопровождаемая высшей мудростью и высшей мощью, как это должно быть с высшей благостью всемогущего и бесконечно мудрого бога, не может не проявлять себя по крайней мере столь же благой и благотельной к людям в их насущнейших нуждах, как в их малейших нуждах.

Между тем, если бы чудеса, о которых говорится в вышеупомянутых якобы святых и божественных книгах как ветхого, так и нового завета, действительно имели место, то можно было бы сказать, что бог проявлял свое всемогущество и мудрость предпочтительно в мелочах, а не в самых великих и важных случаях; можно было бы воистину сказать, что он больше пекся о благе людей в ничтожных случаях, чем об их высшем и главнейшем благе; что он у одних людей более сурово карал легкие проступки, чем у других — очень тяжкие и очень злостные пороки и преступления. И, наконец, можно было бы воистину сказать, что он не желал проявлять себя столь же благодетельным к людям в их насущнейших потребностях, как он делал это в отношении их самых мало-важных нужд. Это легко показать как на тех чудесах, которые ему приписываются, так и на тех, которые он не сотворил, но которые он тем не менее несомненно сотворил бы скорее всяких других чудес, если верно, что он вообще творил чудеса.

Прежде всего остановимся на тех чудесах, которые он якобы творил через посредство своего пророка Моисея; в чем они заключались? В превращении жезла в змею и этой змеи в жезл; в превращении воды в кровь; в наведении множества жаб, саранчи, мух и других вредных и отвратительных насекомых на все царство; в наведении заразных болезней на животных и омерзительных струпьев

на тела людей и животных; в поражении, если верить этому, всего царства градом и злейшими бурями — и все это только из любви и благоволения к ничтожному, жалкому, небольшому народу Израиля? В чем еще заключались эти чудеса? Чудотворец заставил расступиться воды морские, чтобы дать проход тому же небольшому, жалкому народу, бежавшему из страны, и поглотить преследовавший его другой народ; ниспослал манну с неба, чтобы кормить этот народ, в течение сорока лет блуждавший в пустыне; высек из скалы воду, чтобы утолить жажду этого, взалкавшего народа; послал из-за морей огромное множество перепелов в угодую чревоугодию этого народа, желавшего полакомиться и поесть мяса; чудесным образом предохранил одежду и обувь их от износа в течение упомянутых сорока лет. И, наконец, во время Иисуса Навина он заставил рухнуть стены нескольких городов от звука трубы* и приостановил движение солнца на целый день, чтобы дать этому народу время сразиться и победить своих врагов**. Вот добрая часть тех ветхозаветных чудес, которые так прославляют. Но к чему клонились все эти необыкновенные чудеса? И в чем видят цель их? Только в освобождении этого народа от рабства, в котором он, как полагают, находился в Египте, и в введении его во владение стра-

* Иисус Навин, 6 : 4—20.

** Там же, 10 : 13.

ной, которую бог якобы обещал отдать его отцам. В вышеупомянутых книгах рассказывается, будто бог послал ангела в пустыню утешить и ободрить рабыню Авраама*, которую жена его Сарра выгнала из дому из ревности. В этой книге рассказывается, что бог сам явился царю Герарскому Авимелеху** и предупредил его не прикасаться к захваченной им женщине, так как она была женой этого Авраама; бог сказал Авимелеху, что не допустил его согрешить с ней, дабы не прогневил он бога. В той же главе рассказывается, что бог послал двух ангелов нарочно для спасения Лота и детей его от пожара Содомы***. Рассказывается, что бог послал ангела к отцу и матери Самсона предупредить их, что у них родится сын и что он не будет пить ни вина ни сикера, потому что он с самого детства будет назорей⁹⁹ господа****. В другом месте рассказывается, что бог послал ангела, который в одну ночь поразил 185 тысяч человек в стане Сеннахериба, осаждавшего город Иерусалим*****. Рассказывается также, что более 50 000 жнецов, жавших пшеницу на своем поле в Вефсамисе, были умерщвлены богом в наказание за то, что они заглядывали в ковчег господа*****,

* Быт., 16 : 7, 9.

** Там же, 20 : 6.

*** Там же, 19 : 4.

**** Судей, 13, 3—5.

***** Царств., 19 : 35.

***** I Сам., 6 : 19.

который коровы везли на колеснице на авось, не зная, куда идут. Рассказывается, что однажды, когда царь Давид из побуждений суетной славы приказал произвести перепись своего народа, это привело бога в такое раздражение, что в наказание за эту вину он нарочито послал моровую язву и погубил таким образом более 70 000 человек своего народа *. Имеется еще целый ряд подобных примеров, приводить их здесь было бы слишком долго.

Из всех приведенных мною выше примеров и чудес видно, что бог действительно проявлял в этих случаях свою мощь больше для того, чтобы творить зло, чем благо, так как эти чудеса имели целью только приносить горе народам, опустошать области, города и царства, истреблять целые народы и армии. Эти примеры и чудеса ясно показывают, что бог больше заботился о телесном благе еврейского народа, чем о его действительном совершенстве, которое явилось бы для еврейского народа высшим благом, ибо все эти чудеса в Египте считаются сотворенными только с целью отдать в руки этого народа чужую страну, не делая его от того более разумным и совершенным. Получив здесь больше благодеяний от бога, чем все прочие народы, этот народ не стал ни умнее, ни совершеннее, ни благодарнее своему благодетелю — об этом свидетельствуют те же книги,

* II Сам., 24 : 15.

приводя упрек Моисея своему народу. Вы видели,— говорил Моисей этому народу,— все те чудеса и знамения, которые бог сотворил из благоволения к вам в Египте перед фараоном; вы видели все победы, которые он даровал вам над вашими врагами, и все прочие благодеяния, которыми он осыпал вас; однако он не дал вам духа разумения, чтобы понимать величие чудес, совершенных им для вас, не дал вам и духа премудрости, чтобы уметь должным образом воспользоваться ими *. «Но до сего дня не дал вам господь сердца, чтобы разуместь, очей, чтобы видеть, и ушей, чтобы слышать». Из этих примеров и чудес видно, что бог на самом деле более сурово карал некоторых людей, в том числе даже невинных, за легкие проступки и даже за не совершенные ими проступки, а у злодеев оставлял безнаказанными самые великие пороки и преступления. Так, он сурово покарал один народ за совсем небольшую провинность его царя, приказавшего из любопытства или из суетного тщеславия произвести перепись своих подданных. Он столь сурово покарал жителей Вефсамиса за такую же ничтожную вину, а между тем он терпел и продолжает терпеть еще по сию пору, что многие очень тяжелые преступления остаются безнаказанными. Наконец, эти примеры и чудеса ясно показывают, что бог был милостив и оказывал благодеяние в маловажных случаях и не

* Второз., 29 : 4,

оказывал их в бесчисленных других случаях, несравненно более важных и настоятельных. Так, он послал ангела утешить и поддержать простую служанку и в то же время предоставлял и на каждом шагу предоставляет бесчисленному множеству безвинных и несчастных людей страдать и погибать без чьей-либо помощи и поддержки. С одной стороны, он так тщательно заботился о том, чтобы сохранить в целости одежду и обувь евреев в пустыне, с другой стороны, он позволял и по сию пору каждодневно позволяет погибать столь великим богатствам в результате пожаров, кораблекрушений и других несчастных случаев, происходящих столь часто.

Как! высшая благость, высшая мудрость, существо бесконечно совершенное сохраняло чудесным образом в течение 40 лет одежду и обувь жалкого и презренного народа, не позволяло им изнашиваться на его ногах и спинах и в то же время не заботилось и не заботится и теперь о естественном сохранении множества благ и богатств, столь необходимых и полезных для существования народов и тем не менее погибших и продолжающих каждодневно погибать в результате всякого рода несчастных случаев; оно не охраняет от них самые богатые и ценные украшения своих собственных храмов, ни самые храмы, когда они становятся жертвою огня. Эти мнимые чудеса совершенно невероятны. Как! высшая благость, высшая мудрость, существо бесконечно совершенное посылало своих ангелов

специально для того, чтобы сохранить или предохранить от опасности нескольких женщин и детей или других отдельных лиц! Оно послало Товии и некоторым другим отдельным лицам ангелов, чтобы быть их водителями в путешествии, предохранять их от опасности и помогать им в случае надобности добрыми советами, а прародителям рода человеческого, Адаму и Еве, оно послало демона или дьявола в образе змеи, чтобы соблазнить их и таким образом погубить весь род человеческий! Этому нельзя верить. Как! ему угодно было особой милостью своего Провидения удержать царя Герарского от впадения в грех перед богом и вступления в связь с женщиной-чужестранкой, грех, который к тому же не имел бы никаких дурных последствий; а с другой стороны, оно не пожелало прибегнуть к тому же Провидению, чтобы предохранить Адама и Еву от впадения в грех непослушания, хотя этому греху, если верить нашим хриstopоклонникам, суждено было стать столь роковым и повлечь за собой гибель всего рода человеческого! Этому нельзя верить. В одной из этих якобы свя-тых и божественных книг сказано, что бог ведет праведного правыми стезями и на правый путь, являет ему царство божие и дарует ему познание святых *. «Праведного наставлял на правые пути, показал ему царство божие и даровал ему познание святых, помогал

* Премудр., 10 : 10.

ему в огорчениях и обильно вознаградил труды его». Какого же другого праведника должен был он вести стезями правыми, если не этих первых людей, которых он, по словам наших хриstopоклонников, сотворил в праведности? Конечно, он прежде всего должен был вести по правым путям этих первых праведников, явить им царство небесное и даровать им мудрость святых, так как от их хорошего или дурного поведения зависело счастье и несчастье всего рода человеческого. Однако бог этого не сделал, если эти первые люди так скоро впали в грех.

Как! высшей благодати, высшей мудрости, богу бесконечно совершенному и справедливому угодно было так жестоко карать вефсамитян и другие неповинные народы времен Давида за легкие провинности и даже за проступки, совершенные не ими, и в то же время он оставил и по сию пору оставляет безнаказанными столько отвратительных преступлений и злодейств, совершенных и по сию пору каждодневно совершаемых во всем мире! Этому нельзя поверить. Как! высшей благодати и высшей мудрости, богу бесконечно справедливому и совершенному угодно было избрать себе особо один народ, освятить его, опекать его, проявлять свое могущество исключительно в его пользу, и вместе с тем он не наделил его духом доброты, согласия и мудрости, для того, чтобы он знал, как вести себя, как управлять собой, или хотя бы умел достаточно оценить милости бога, своего бла-

годетеля! Этому нельзя верить. Как! богу угодно было начертать своим перстом заповеди закона на скрижалях каменных и не угодно было начертать их внутри, в сердце и уме своего народа, дабы последний исполнял их с радостью и любовью! А ведь бог избрал этот народ, чтобы освятить его и осыпать своими милостями и благодеяниями! Этому нельзя верить. Наконец, высшей благодати, высшей мудрости, существу бесконечно совершенному угодно было, как нас уверяют, ожесточить сердце и ослепить ум царей и многих значительных народов для того, чтобы иметь случай или повод погубить и сокрушить их в пользу жалкого, небольшого народа Израиля! Этому нельзя верить. Где же тогда благодать, где мудрость, где справедливость бесконечно совершенного существа при таком его поведении?

Перейдем теперь к мнимым чудесам нового завета. Как нам рассказывают, они заключаются главным образом в том, что Иисус Христос и его апостолы чудесным и божественным образом исцеляли все болезни и недуги, например, возвращали, когда хотели, зрение слепым, слух глухим, дар речи немым, выпрямляли хромым, исцеляли расслабленных, изгоняли бесов из тела одержимых и воскрешали мертвых. Ряд таких чудес мы находим в так называемых святых евангелиях. Но гораздо больше чудес, а также других чудесных деяний мы находим в книгах, составленных нашими христопоклон-

никами о необыкновенных житиях их святых. В этих удивительных книгах, если желать им верить, можно найти бесконечное множество всякого рода чудесных божественных деяний. Мы видим, как святые исцеляли все болезни и недуги и сплошь да рядом изгоняли бесов, причем одним именем Иисуса или просто крестным знаменем. Они, так сказать, повелевали стихиями, а последние повиновались им, святым стоило только приказать, и все уже было сделано. Бог так щедро наделил их этой высшей силой, что сохранял ее за ними даже после смерти, возвращал здоровье тем, которые благочестиво приходили поклониться их могиле, их костям, их праху. Более того, если верить всему, что рассказывается об этом в их книгах, эта способность творить чудеса переходила даже на малейшие предметы, которых они касались, и одежды святых и даже на тени, отбрасываемые их телами, и на позорные орудия их смерти и страданий. Ибо об апостоле св. Петре, например, сказано *, что больных выносили на улицу, дабы Петр, проходя, мог хотя бы некоторых больных осенить своей тенью и вылечить. Цепи, которыми был скован этот апостол в своей иерусалимской темнице, тоже якобы совершали чудеса. Чего только не рассказывается о древе креста, на котором был распят Иисус Христос! Этот крест якобы чудесным образом найден был через триста

* Деяния, 5 : 15.

лет после смерти Христа; среди других крестов, на которых были распяты разбойники, его распознали по его чудотворной силе — он даже воскресил нескольких мертвых одним прикосновением к ним. Дерево этого креста, «честного креста», как называют его наши хриstopоклонники, якобы благоговейно сохраняется в Иерусалиме; кусочки его как драгоценные реликвии дают всем паломникам, приходящим в Иерусалим поклониться ему, тем не менее оно не уменьшается от этого в своем объеме, напротив, остается в целости, словно от него ничего не взяли. Это, — говорят наши хриstopоклонники, — настоящее чудо, во всем мире можно видеть такое множество кусочков этого якобы «честного креста», что если бы собрать их, то оказалось бы достаточно материала, чтобы соорудить немало больших крестов. Рассказывают, что онуча св. Гонория воскресила в день 6 января мертвеца, посохи св. Петра, св. Иакова и св. Бернарда тоже совершили чудеса. То же рассказывается о веревке св. Франциска, о посохе Иоанна, человека божия, и о поясе св. Мелании. Святой Грацилиан получил наитие от бога, во что верить и чему поучать; силой и мощью своего слова он заставил сдвинуться с места гору, которая мешала ему построить там церковь. Св. Уоммебуоно претворял воду в вино, и часто церковные врата открывались сами собой, когда он входил в церковь. Из могилы св. Андрея непрерывно сочилась какая-то жидкость, исцелявшая все болезни. Душа

св. Бенедикта вознеслась на небо, облаченная в драгоценную мантию и окруженная пылающими лампадами. Когда св. Христофор воткнул в землю свой посох, последний зазеленел и тотчас расцвел, как древо. Папа св. Климент был брошен в море с якорем на шее и утоплен, но ангелы построили ему часовню на дне морском. Св. Иоанну Дамаскину отрезали кисть руки, но на следующую ночь во время сна она снова чудом приросла как ни в чем не бывало, и ничего не было заметно. Св. Доминик говорил, что бог никогда не отказывал ему в исполнении его просьб. Некоторые святые чудом продолжали говорить после того, как у них вырезали язык. Св. Франциск повелевал ласточкам, аистам и другим птицам, и они повиновались ему; рыбы, зайцы и кролики сами часто приходили к нему и садились на его руки и колени. Тело св. Эдильтруды было найдено через сто лет после ее смерти неразложившимся. Тело св. Терезы и поныне остается нетленным, его одевают и раздевают, словно живое, оно держится в стоячем положении, если только слегка прислонить его. То же самое утверждают о Розе из Витербо. Рассказывают, что все, испившие воды из колодца, в котором была утоплена св. Годелина, исцелялись от своих болезней; однажды, когда св. Ядвига молилась перед распятием, это распятие подняло руку и дало ей свое благословение в знак того, что молитва ее услышана. Когда равноангельский учитель и наставник

св. Фома Аквинский стоял на молитве в Неаполе перед распятием, оно несколько раз обращалось к нему со словами и сказало ему, что он хорошо написал о нем: *Vene scipsis de me, Thoma*. Св. Ильдефонс, архиепископ Толедский, чудесным образом получил с неба прекрасную белую ризу, которую ему подарила дева Мария за то, что он хорошо защищал тезис о ее девственности. Св. Антоний тоже получил от неба прекрасную мантию. Св. Лаврентий и другие святые исцеляли слепых и недужных, осеняя их крестным знаменем. Когда св. Лукиану отрубили голову, тело его поднялось и пронесло его голову на расстояние более полумили от города Бове; впоследствии оно было чудесным образом найдено. Образ богоматери в Льесе был чудесно сотворен и принесен с неба ангелами. Св. Мелон воскресил одно из животных в стаде, нечаянно убитое пастухом; он же превратил воду в вино и камень в хлеб. Когда св. Павлу и св. Пантелеймону отрубили головы, из них вместо крови брызнуло молоко. В житии блаженного Петра Люксембургского рассказывается, что в первые два года после своей смерти, в 1388 и 1389 гг., он сотворил 2400 чудес, в том числе воскресил 42 мертвецов; сюда не вошли 3000 других чудес, сотворенных им позже. 50 философов, обращенных св. Екатериной, были брошены в пылающий огонь, но тела их были найдены потом в целости, на них не сгорел ни один волос. Тело этой святой Екатерины было после ее

смерти похищено ангелами и погребено ими на горе Синае. Когда св. Квентину отрубили голову, тело его сбросили с одного берега реки Соммы, а голову — с другого, но через 50 лет они чудесным образом были обреты, причем голова чудесным образом приросла к телу. Когда св. Регине отрубили голову, душа ее на глазах у всех была вознесена на небо ангелами, а голубь увенчал ее голову драгоценной короной. Св. Винцент Феррье воскресил умершего, который был разрублен в куски, части его тела были наполовину изжарены, наполовину сварены; плащ этого святого имел силу изгонять бесов и исцелять различные болезни. Корзинки, которые плел св. Юлиан, епископ Манский, тоже исцеляли от болезни бравших их в свои руки. Когда св. Ив отправился однажды проповедовать и по дороге наткнулся на реку со сломанным мостом, через который ему нужно было пройти, он перекрестил воды реки, и они немедленно расступились, а сомкнулись только тогда, когда святой уже прошел. Старцы, с почетом похоронившие святого Юлиана Бриудского, тотчас ощутили в себе бодрость и силу своей цветущей юности. В день, когда св. Антоний Падуанский был причислен к лику святых, все колокола города Лиссабона звонили сами собой, и никто не знал, как это произошло. Однажды этот святой пришел на берег моря и стал скликать рыб, чтобы проповедовать им; они явились стаями и внимательно слушали его, высунув головы из воды.

В день перенесения тела святого Исидора все колокола города Мадрида звонили сами собой с момента, как стали откапывать тело. То же самое произошло после смерти святого Елизара и св. Эннемонда: трезвон продолжался во все время их погребения. В протоколе, составленном по случаю канонизации св. Гиацинта, фигурирует около тысячи приписываемых ему чудесных исцелений от различных опасных болезней: головной боли, болезней глаз, челюстей, горла, зубной боли, лихорадок, колик, падучей и пр., одним словом, не было таких болезней, от которых этот святой не лечил бы с большим успехом; он воскресил также несколько умерших, причем эти чудеса происходили как при жизни его, так и после его смерти. Животные тоже испытали силу его заступничества; в конце концов, — говорят наши хриstopоклонники, — казалось, что бог сделал его владыкой здоровья и болезней, жизни и смерти, так легко он добивался просимого своими молитвами. Он проходил по водам, как по суше, а самое замечательное, когда он однажды прошел по реке Керисфену, на воде отпечатались следы его ног, так что с одного берега до другого можно было видеть весь пройденный путь. Рассказывают также, что с ним беседовал образ богоматери (смотрите его житие под 16 апреля). Св. Франциск совершил почти неисчислимое множество чудес при жизни и после смерти: он изгонял бесов из тела одержимых, возвращал зрение слепым, исцелял хромым и немощных,

воскрешал мертвых, давал детей бесплодным женщинам, хлеб, благословенный этим святым, лохмотья изношенной его одежды, веревка, которой он опоясывался, вода, которой он умывал свои ноги и руки, одним словом, все, к чему он ни прикасался, служило средством против болезней и несчастий и облегчением в трудах. Он запросто беседовал с животными, как с людьми, называл их своими братьями и сестрами — свидетели коза и стрекоза, которых он назвал своими сестрами и которые слушались всех его приказаний. Сестрам своим, птицам, он проповедовал так, словно они понимали, что он им говорил. Тело этого святого все время пребывает в стоячем положении без какой-либо подпорки; глаза у него открыты, словно у человека, полного жизни, и слегка возведены к небу. Уверяют, что тело его свято и не разлагается, остается прекрасным и румяным, словно живое. Бог, — говорят, — наградил св. Франциска из Паолы таким обилием своих щедрот, что, казалось, сделал его господином над всякой тварью; все твари полностью повиновались ему; огонь, воздух, вода и земля, смерть, животные, люди и дьяволы одинаково были подчинены воле этого святого человека. Он исцелял одержимых, возвращал зрение слепым и дар речи немым, исцелял неизлечимые болезни, воскрешал мертвых, сами стихии повиновались ему: огонь терял свою силу над ним, святой ступал по огню или держал огонь в руках, не причиняя себе ожогов. Рас-

сказывают, что Франциск вошел в пылающую печь и потушил пламя, которое не осмелилось коснуться его. Вместе со своим спутником Франциск переплыл Калабрийское море до Сицилии, просто разостлав на воде свою одежду, которая служила им верной ладьей. В довершение Франциск обладал пророческим даром и творил еще множество других чудес, о которых было бы слишком долго рассказывать здесь. Вообще нет такой пустячной, пошлой и даже смешной темы, вокруг которой авторы житий не нагромождали бы горы чудес, так искусны они в изобретении этих ложных выдумок.

Вот как один рассудительный автор отзывается об этих сочинителях благочестивых и вымышленных житий их святых — авторитет его не должен возбуждать подозрения у наших хриstopоклонников, так как он принадлежал к святой для них апостольской римско-католической религии. Вот что он говорит в своей «Апологии великих людей»*: «Все историки, за исключением совершенных еретиков, никогда не изображают нам вещи в своем чистом виде, а всегда представляют их в желательном для себя освещении. Чтобы внушить доверие к своему суждению и привлечь на свою сторону других, они любят разукрашивать по своему произволу и прибавлять к своему предмету, изменяют его объем и очер-

* *Apologie des grands hommes*, t. 1, p. 13.

тания, выравнивают и перекраивают его». Как показывает опыт,— продолжает он,— почти все повествования за последние 700 или 800 лет, а тем паче более древние, так чреватые ложью, так пропитаны ею, что авторы их словно бились об заклад, кому из них достанется пальма первенства за самый фантастический вымысел. Известно,— говорит он,— что все наши старые романы ведут свое происхождение от фантазий епископа Турпина, сказание о спасении души императора Траяна исходит от некоего Иоанна Левита, а взгляд на *Виргилия*, как мага,— от монаха *Гелианда*. Благодаря чрезвычайному легковерию и склонности верить во всякие рассказы и обман,— продолжает тот же автор,— возникают одна за другой различные легендарные истории; ибо глупость и безумство людей дошли до такого предела, что, как говорил св. Агобар, епископ Лионский в 833 г., нет такой нелепой и смешной вещи, в которую христиане не поверили бы с большей легкостью, чем язычники в рассказы о своих идолах. Все эти истории,— говорит наш автор,— нашли себе продолжение в романах, которые возникли в царствование Людовика Благочестивого¹⁰⁰ и очень размножились благодаря темноте того века, восхищавшегося такими небылицами. Поэтому люди, бравшиеся писать историю того времени, обильно уснащали ее подобными рассказами, чтобы сделать ее более привлекательной. Это очень метко подчеркнул один ученый богослов; по

его откровенному признанию, тогдашние авторы считали, что их произведения не стояли бы на высоте требований учености и красноречия, если не вплетать в их текст вымыслы поэтов. Странное дело,— говорит тот же автор,— что Дельрио, де Луайе, Боден, де Лавер, Годельман, пользовавшиеся и поныне еще пользующиеся доверием и авторитетом, так неосмотрительно и неистово писали о демонах, колдунах и волшебниках и не гнушались самыми невероятными и нелепыми из всякого множества этих небылиц, преподносили их, как попало, вперемежку с истиной. Как замечает св. Августин, пример лжи превращает истину в басни, а, как говорит св. Иероним, лгунам в конце концов перестают верить, даже когда они говорят правду. Свидетелем может служить тот эзоповский пастух, который так часто кричал без надобности: на помощь! волки!— что никто не поверил ему и не поспешил к нему на помощь, когда волк действительно напал на его стадо. Поэтому,— заключает наш автор,— можно сказать, что все эти смехотворные истории, все эти фантастические вымыслы и явные нелепицы, с такой легкостью вплетаемые этими авторами в свои писания, неизменно вызывают предубеждение против них и, что еще хуже — ведут к пренебрежению истиной в трактуемом ими предмете, если какому-нибудь любознательному уму придет в голову рассмотреть эти предметы с несколько большим вниманием и осмотрительностью. Совершенно так

же,— прибавляет этот автор *,— мы видим, что еретики вот уже сто лет используют наше собственное оружие: сказания золотой легенды, жития святых, книгу видений Тундала, проповеди Маярда, Менота и Бодета и другие подобные произведения, в которых не менее суеверий, чем наивности; они пользуются ими в подтверждение своего взгляда на ложность и никчемность наших чудес.

XX. [Совпадение мнимых христианских чудес с мнимыми языческими чудесами]

В самом деле, еретики не без основания считают эти чудеса ложью и обманом, ибо легко видеть, что эти мнимые чудеса сочинены лишь в подражание басням и фантазиям языческих поэтов. Это с достаточной наглядностью проявляется в сходстве между теми и другими. Если наши христопоклонники утверждают, что бог действительно дал своим святым силу творить все те чудеса, о которых сообщается в их житиях, то точно так же язычники утверждают, что дочери Ания, великого жреца Аполлона, взаправду получили от бога Вакха дар превращать любой предмет в хлеб, вино, оливковое масло и т. д. Точно так же Юпитер,— говорят язычники,— подарил нимфам, заботившимся

* Apologie des grands hommes, t. 2, p. 458.

о его воспитании, рог козы, вспоившей его своим молоком. Этот рог обладал свойством доставлять в изобилии все, что пожелают нимфы. Чем это не красивые чудеса? Если наши хриstopоклонники утверждают, что на их святых снисходило откровение божие, то точно так же еще до них язычники утверждали, что Атталид, сын Меркурия, получил от своего отца дар жить, умереть и воскреснуть, когда он пожелает, и что он обладал также знанием всего, что происходит в этом и другом мире. Равным образом они утверждали, что Эскулап¹⁰¹, сын Аполлона, воскрешал мертвых, и в том числе воскресил по просьбе Дианы Ипполита, сына Тезея, и что Геркулес воскресил Алцесту, супругу фессалийского царя Адмета, чтобы вернуть ее мужу. Если наши хриstopоклонники утверждают, что их Христос чудесным образом родился от девы, не познавшей мужчины, то точно так же еще до них язычники утверждали, что Ромул и Рем, основатели Рима, чудесным образом рождены были девой-весталкой по имени Илия, Сильвия или Рея-Сильвия. Они утверждали, что Марс, Вулкан и др. были зачаты богиней Юноной без мужчины, что богиня наук Минерва была зачата в мозгу Юпитера и вышла из него во всеоружии, после того как этот бог ударил себя по голове кулаком. Если наши хриstopоклонники утверждают, что их святые высекали из скал воду, то точно так же язычники утверждают, что Минерва в награду за

посвященный ей храм заставила забить на земле фонтан оливкового масла. Наши хриstopоклонники похваляются, что небо чудесным образом посылало им иконы, например, иконы Лоретской и Лиесской богоматери, и что они получили чудесным образом также другие подарки с неба, как-то: пресловутый святой реймский сосуд или белую ризу, якобы полученную святым Ильдефонсом от девы Марии, и т. д. Но точно так же язычники до них похвалялись, что чудесным образом получили с неба священный щит в знак охранения их города Рима; троянцы тоже хвалились, что чудесным образом получили с неба свой палладиум¹⁰², или изваяние Паллады; они рассказывали, что этот палладиум сам явился в храм, воздвигнутый в честь богини, и занял там свое место. Наши хриstopоклонники уверяют, что апостолы видели, как их Христос вознесся в сиянии славы на небо и что души некоторых их якобы святых были вознесены на небо в сиянии славы ангелами; этому тоже якобы были свидетели. Со своей стороны, язычники-римляне уже до них утверждали, что основателя их города Ромула видели после его смерти окруженным ореолом. Они утверждают также, что Ганимед, сын троянского царя Троя, был вознесен на небо Юпитером, чтобы служить ему виночерпием, что волосы Вереники, посвященные храму Венеры, были вскоре затем перенесены на небо; то же самое они утверждают о Кассиопее, об Андромеде и даже об осле Силена.

Наши христопоклонники утверждают, что тела некоторых их святых были чудесным образом сохранены от разложения, что эти тела долгое время считались пропавшими неизвестно куда, а затем были найдены в результате божественного откровения. То же самое язычники утверждают о теле Ореста, которое тоже якобы найдено было чудом по указанию оракула. Наши христопоклонники утверждают, что семь спящих братьев чудесным образом проспали 177 лет, заключенные в пещере; язычники утверждают, что пророк Эпименид, заснув в пещере, проспал в ней 57 лет подряд. Наши христопоклонники утверждают, что некоторые из их святых каким-то чудом говорили после того, как у них был отрезан язык или была отрублена голова: язычники тоже рассказывают, что голова Габиена пропела длинную поэму после того, как была отделена от туловища. Наши христопоклонники хвалятся, что их храмы и церкви украшены картинами и ценными дарами в память о чудесных случаях выздоровления по заступничеству их святых. Но точно так же в храме Эскулапа в Эпидавре находятся или во всяком случае находились перечни чудесных исцелений и лечений, совершенных этим богом. Если наши христопоклонники утверждают о некоторых своих святых, что они чудесным образом уцелели в пламени, не опалившем их тела, ни их одежды, то язычники утверждали, что жрицы храма Дианы ходили босиком по раскален-

ным углям, не обжигаясь и даже не поранив ног; то же самое они рассказывали о жрецах богини Феронии и о гарпиях, ходивших босиком по раскаленным углям праздничных костров в честь Аполлона и не терпевших при этом никакого вреда. Если наши хриstopоклонники утверждают, что ангелы построили на дне морском часовню св. Клименту, то язычники тоже рассказывают, что хижина Филемона и Бавкиды была чудесным образом превращена в роскошный храм в награду за их благочестие. Наши хриstopоклонники хвалятся, что их защищают их святые и что некоторые святые, например св. Иаков и св. Маврикий и др., неоднократно появлялись в их армиях верхом на коне и в блестящих латах и боролись за них против их врагов. Точно так же язычники рассказывают, что Кастор и Полукс¹⁰³ не раз появлялись на поле сражения и сражались вместе с римлянами против их врагов. Наши хриstopоклонники рассказывают, что, когда Авраам собирался заклать в жертву своего сына Исаака, произошло чудо и бог послал овна для заклания вместо Исаака. Точно так же язычники рассказывают, что богиня Веста чудесным образом послала телицу для заклания вместо Метеллы, дочери Метелла. Они рассказывают также, что богиня Диана послала лань для заклания вместо Ифигении, когда та лежала уже на костре жертвенника,— таким чудесным образом спасена была Ифигения¹⁰⁴. Наши хриstopоклонники рас-

сказывают, что св. Иосиф бежал из Египта, будучи предупрежден ангелом с неба; язычники рассказывают, что поэт Симонид несколько раз избежал смертельной опасности благодаря полученным им чудесным предостережениям. Если Моисей ударил своим жезлом скалу и из нее стал бить источник живой воды, то у язычников конь Пегас тоже производил подобные чудеса: от удара его копыт о скалу из нее забил родник. Наши хриstopоклонники утверждают, что св. Винцент Феррийский воскресил умершего, который был изрублен на куски, причем часть его тела была изжарена, другая — сварена. Точно так же язычники рассказывают, что фригийский царь Тантал изрубил в куски своего сына Пелопса и собирался потчевать этим блюдом богов, но от них не осталось скрыто это злодейство отца по отношению к сыну, — они собрали изрубленные члены, соединили их вместе и вернули им жизнь. Если хриstopоклонники утверждают, что некоторые из их распятий и других изображений чудесным образом говорили и отвечали на вопросы, то язычники тоже утверждают, что их оракулы каким-то божественным чудом говорили и давали ответы тем, кто просил их совета. Они утверждают также, что после смерти Орфея и Поликрата¹⁰⁵ головы их совершали чудеса. Если, по словам евангелистов, бог гласом с неба возвестил, что Иисус Христос — его сын, то у язычников тоже Вулкан послал чудесный огонь и таким обра-

зом возвестил, что Цекулус действительно его сын. Если наши христопоклонники утверждают, что бог неоднократно чудесным образом питал некоторых святых, то языческие поэты рассказывают, что Церера чудесным образом вскормила Триптолема божественным молоком и дала ему в дар колесницу, запряженную двумя драконами. Равным образом они рассказывают, что хотя Фекей, сын Меркурия, вышел из утробы уже мертвой матери, он тем не менее каким-то чудом питался ее молоком. Если наши христопоклонники утверждают, что некоторые из их святых чудесным образом укрощали свирепость и жестокость самых кровожадных диких зверей, то язычники тоже утверждают, что Орфей своим сладкозвучным пением и гармонией своих инструментов привлекал к себе львов, медведей и тигров, укрощая свирепость их природы сладкозвучной гармонией своей лиры; он якобы увлекал также скалы и деревья, и даже реки останавливались в своем течении, чтобы внимать его пению. Наконец, не приводя краткости ради множество других примеров в этом роде, отметим еще лишь следующее: если наши христопоклонники утверждают, что стены города Иерихона чудесным образом рухнули от звука трубного, то язычники рассказывают, что стены города Фив были построены силою звуков, производимых музыкальными инструментами Амфиона. Поэты уверяют, что камни сами двигались на постройку под влиянием сладкозвучной

гармонии,— это еще чудеснее и удивительнее, чем рухнувшие стены.

Итак, налицо несомненно большое сходство между чудесами обеих сторон, т. е. у наших хриstopоклонников и у язычников.

Конечно, у обеих сторон нет ничего похожего на истину, и точно так же, как было бы большой глупостью в наше время верить в мнимые чудеса язычников, большая глупость также верить в христианские чудеса: те и другие построены на все том же принципе заблуждений, иллюзий и обмана. На этом основании манихеи и ариане в начальные времена христианства издевались над этими мнимыми чудесами, построенными на заступничестве святых, и осуждали верующих, обращающихся к святым после их смерти и почитающих их мощи. По всей видимости господин де Фенелон¹⁰⁶, бывший архиепископ в Камбре, ни во что не ставил эти чудеса и лично не верил в них, так как в своей книге о бытии божьем он не удостоил их ни единым упоминанием. Этот автор взялся привести в своей книге самые сильные из всех возможных доказательств бытия божия и даже не упомянул при этом этого доказательства, а между тем оно было одним из самых сильных, если бы эти чудеса были вполне надежными и достоверными. Раз Фенелон не говорит о них, то явный признак, что он ни во что не ставил эти мнимые чудеса и не придавал им никакой веры.

XXI. [Все чудеса одинаково ложны]

Впрочем, чтобы еще лучше показать вздорность, ложь и смехотворность этих мнимых чудес христианства, рассмотрим несколько подробнее, отвечают ли они той главной цели, которую могла бы поставить себе при сотворении их высшая благодать, высшая мудрость и высшая сила. Можно ли поверить, что на пользу людям бог ограничился такими пустяками, как подобные чудеса? Чтобы правильно судить об этом, надо помнить и никогда не упускать из виду то, что сами христопоклонники считают главнейшим основанием всего их вероучения и религии. Мы должны теперь рассмотреть это главнейшее основание, чтобы здраво судить о том, действительно ли их мнимые чудеса отвечают главной цели, которую могла ставить себе высшая благодать, высшая мудрость и высшая сила при совершении их, и можно ли поверить, что она ограничилась такими пустяками, как эти чудеса. Ибо, если эти мнимые чудеса не отвечают той главной цели, которую бог мог или должен был ставить себе, и если нельзя поверить, что он мог ограничиться этим, то нельзя также поверить, что он сотворил эти чудеса.

В чем же заключается главнейшее основание всего вероучения, всей веры и религии наших христопоклонников? Они ставят во главу угла, что их Иисус Христос, которого они называют своим божественным спасителем,

есть всемогущий бог, вечный сын всемогущего бога, по избытку любви своей и по своей беспредельной благодати к людям пожелевавший стать сам таким же человеком, как они, чтобы искупить и спасти всех их, другими словами — чтобы избавить всех от греха и вечного осуждения (хриstopоклонники утверждают, что все люди заслужили осуждение за свои грехи и прежде всего за грехопадение и непослушание их праотца Адама) и не только для этого, но также для того, чтобы полностью примирить людей с богом, своим всемогущим отцом, вернуть всем им его милость и доставить всем после этой жизни вечное счастье и блаженство на небесах. Они утверждают, что Иисус Христос действительно свершил все это, отдав свою жизнь за всех людей и приняв позорную смерть на кресте для их спасения.

На этом основании в одном из их евангелий * самому Иисусу Христу приписываются слова, что бог, отец его, так возлюбил мир, что отдал своего собственного единородного сына, дабы всякий верующий в него не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо,—прибавляет Иисус,—не послал бог сына своего в мир, чтобы осудить мир, а для того, чтобы мир был спасен через него **. Я,—сказал он,—есмы пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец, и я отдам свою

* Иоанна, 3 : 16.

** Там же, 3 : 17.

жизнь за своих овец, для того чтобы они имели жизнь, и имели с избытком *. Кроме того, он говорил также, что пришел взыскать и спасти погибшее **. А так как, по учению наших хриstopоклонников, все люди являются погибшими, то, если исходить из этого, он явился в мир, чтобы спасти всех. Согласно с этим основным положением их вероучения, в их якобы святых евангелиях говорится, что Иисус, Христос вземлет грехи мира и пришел, чтобы уничтожить дела мира *** и дела дьявола, которые не что иное, как грехи и всякого рода злоба и несправедливость. На этом же основании в их якобы священных книгах говорится также, что благодать **** Иисуса Христа, их спасителя, была открыта всем людям, чтобы научить их отвергнуть нечестие и похоти века и жить в этом мире целомудренно, праведно и благочестиво, ожидая явления славы Иисуса Христа, их великого бога и спасителя их душ, который, как они заявляют, отдал себя за всех людей, чтобы искупить их от грехов и, очистив их, создать себе через себя самого народ возлюбленный и ревностный к добрым делам. В другом месте в этих книгах говорится, что этот же Иисус Христос возлюбил свою церковь, т. е. свой народ, и сам предал себя

* Иоан., 10 : 10—11.

** Матф., 18 : 11, Луки, 19 : 10.

*** Иоан., 1 : 19.

**** Тит., 2 : 11.

за нее *, чтобы освятить ее, очистив водою крещения, посредством слова жизни и чтобы прославить себя в церкви, не имеющей ни пятна, ни порока, ни какого-либо недостатка, напротив — святой и незапятнанной. Вот почему мы ежедневно при причащении наших так называемых св. таинств поем эти прекрасные слова нашего символа веры: «нас ради человек и нашего ради спасения, сшедшего с небес», и еще другие: «Въземлющий грехи мира, прими молитву нашу».

Из всего этого с очевидностью вытекает главная цель, которую могли бы ставить себе их бог и их бог-спаситель Иисус Христос, один — посылая своего божественного сына в мир, другой — ставши таким же человеком, как все прочие люди. Их главная цель, говорю я, могла бы заключаться только в спасении мира, как сказано (в Писании), а для этого она должна была бы заключаться также, как тоже сказано (в Писании), в том, чтобы освободить мир от греха, совершенно уничтожить дело дьявола, т. е. полностью избавить мир от всех пороков, всякого зла и всякой злобы. Их главная цель должна была бы заключаться также в том, чтобы, как сказано (в Писании), спасти всех людей, погубивших себя в пороках и грехе. Их главная цель должна была бы заключаться также в том, чтобы, как сказано (в Писании), освятить

* Ефес., 5 : 25.

один свой народ, дабы он был безупречен и безукоризнен, т. е. без каких-либо пороков и недостатков. И, наконец, что сводится к тому же, их главная цель или намерение должны были бы заключаться в том, чтобы спасти души, избавив их от бедственного состояния греха, искупив их от вечного осуждения и доставив им вечно блаженную жизнь на небесах. Нашим хриstopоклонникам нельзя будет отрицать, что их божественный спаситель Иисус Христос должен был ставить себе эти цели, сделавшись человеком, как другие люди, и пожелав умереть за них; повторяю: им нельзя будет отрицать, что такова должна была быть главная цель его и бога, его отца, так как она столь ясно указывается во всех якобы святых книгах.

Между тем не видно никакого результата, никакого реального проявления этого мнимого искупления людей, не видно никакого признака, что грех снят с мира, как это должно было быть, или что он хотя бы сколько-нибудь уменьшился. Напротив, по всей видимости грех даже скорее умножился, причем это все еще продолжается с каждым днем, так как люди изо дня в день становятся все порочнее и злее, и мы имеем в этом мире уже как бы поток пороков и несправедливости. Не видно также, чтобы наши хриstopоклонники могли выдавать себя за более святых, более мудрых и добродетельных, обладающих лучшим управлением и лучшими нравами, чем другие народы мира и, наконец,

не видно никаких признаков, что теперь больше спасенных душ или по крайней мере меньше осужденных, чем было до этого мнимого искупления; ибо вовсе не больше их идет по пути, который ведет в рай, и не меньше их идет по пути, ведущему в ад, как говорят наши хриstopоклонники, если только верно, что порок есть путь в ад, а добродетель — путь в рай. Отсюда явствует, что упомянутые мнимые чудеса никоим образом не отвечают главной цели, которую мог поставить себе всемогущий бог в своей предполагаемой высшей благодати и высшей мудрости. И совершенно невероятно, чтобы всемогущий бог, столь благий и премудрый, как его предполагают, пожелал ограничиться такими мелочами для спасения тех, которых он пришел спасти, освятить и сделать навсегда счастливыми.

Как! всемогущий бог, предполагаемый также всеблагим и премудрым, пожелавший из любви к людям стать смертным человеком и даже проливший до последней капли свою кровь, чтобы спасти всех людей, этот бог ограничил себя, свое могущество, свою благодать и мудрость тем, что исцелил несколько телесных болезней и недугов у нескольких приведенных к нему больных и недужных и не использовал свое могущество, свою божественную благодать и высшую премудрость, чтобы коренным образом исцелить все болезни и недуги их душ, т. е. исцелить всех людей от их пороков и извращений, которые

хуже болезней тела? Этому нельзя верить. Как! всемогущий бог, столь благий и мудрый, чудесным образом предохранил мертвые тела от всякого гниения и разложения и не использовал своего всемогущества и своей премудрости, чтобы предохранить от заразы, порока и греха души бесчисленного множества людей, которых он пришел спасти ценой своей крови и освятить своей благодатью! Этому никак нельзя верить. Как! всемогущий бог, столь благий и мудрый, чудесным образом возвратил зрение нескольким слепым, слух нескольким глухим, дар речи нескольким немым, выпрямил несколько хромых и излечил несколько расслабленных, но не просветил грешников светом своей благодати, как выражаются наши хриstopоклонники, не поддержал слабых грешников всемогущей помощью своей благодати, не избавил их от заблуждений и сетей порока и не вернул их на стезю добродетели, не заставил их ходить право в путях его божественных заветов? Этому нельзя верить. Что еще? Всемогущий бог, столь благий и мудрый, по совершенно особой милости воскресил нескольких умерших, чтобы лишь на некоторое время вернуть им бrenную жизнь, но не освободил и не освобождает и теперь от вечной смерти во грехе бесчисленное множество душ, которое он создал для небес и пришел искупить своей кровью и освятить своей благодатью! Этому нельзя верить. Как! всемогущий бог, столь благий и мудрый, чудесным образом

избавил или предохранил нескольких людей от кораблекрушения на морях и реках, но не избавляет и не предохраняет ни прежде, ни теперь бесчисленное множество душ от кораблекрушения адского, поскольку они сплошь да рядом попадают в ад, как утверждают сами наши хриstopоклонники! Этому нельзя верить. Как! всемогущий бог, столь благий и мудрый, сохранял по особой милости своей тела святых и даже мелочи их одежды, даже волосы на их теле и голове, так что они не понесли никакого вреда от огня в разгаре пожара и пламени, но он не предохранил, не предохраняет и теперь от вечного пламени ада бесчисленное множество душ, которые он, однако, искупил ценой своей крови! Этому никак нельзя верить. Ибо, если бог, как говорит их апостол св. Павел, не пощадил своего собственного сына и дал его людям, чтобы спасти всех их, то как же это он не дал бы им все другое, необходимое для спасения? И если этот мнимый сын бога отдал свою жизнь для спасения людей, то как он мог отказывать им потом в какой-либо милости и во всяком другом благе? Этому нельзя верить. Что сказать еще? По воле всемогущего бога чудесным образом трезвонили сами собой колокола в том или другом городе, чтобы почтить кончину или погребение тех или иных людей. Он проявил свое всемогущество для чудесного насыщения несколькими хлебами и рыбами всех, которые следовали за ним; он проявил свое всемогущество,

чтобы чудесным образом привлечь диких зверей, птиц и даже рыб морских и речных к слушанию проповедей его святых; и, наконец, скажем покороче, он проявил свое всемогущество в тысяче и тысяче других пустых и ничтожных случаев, чтобы изменить порядок и обычный ход явлений природы, но не сделал и поныне еще не делает ничего особенного для действительного обращения и освящения стольких тысяч и даже миллионов грешников, которые вечно воздавали бы ему хвалу и благословение в небесах, если бы только он восхотел прежде или теперь взглянуть на них милостивым оком, т. е. хотя бы коснулся в своей благодати их сердец и милосердно открыл им глаза духа, чтобы они познали и возлюбили свое истинное добро. Нельзя поверить, что всемогущий бог, всеблагий и премудрый, так использовал эти свои качества по отношению к людям, которых он столь возлюбил, что отдал за них свою кровь и жизнь. Нельзя поверить, что он когда-либо пренебрег своей главной целью и занялся исключительно несколькими маловажными делами вроде мнимых чудесных исцелений нескольких телесных недугов или же других подобных мнимых чудес, имевших самые ничтожные результаты. Неужели он сошел с неба и явился на землю только или главным образом для того, чтобы исцелить нескольких болящих от их телесных недугов? Неужели он пришел только или главным образом для того, чтобы сделать зрячими несколько

слепых? Только для того, чтобы вернуть слух нескольким глухим? Только для того, чтобы вернуть дар речи нескольким немым? способность ходить нескольким хромым и расслабленным? Неужели он пришел только и главным образом для того, чтобы вернуть здоровье тела нескольким больным и воскресить нескольких умерших? Неужели он пришел только и главным образом для того, чтобы предохранить несколько умерших тел от разложения и заставить колокола чудесным образом трезвонить без звонаря? И, наконец, неужели он пришел только и прежде всего для того, чтобы чудесным образом сохранить в целости одежду и волосы на теле и голове своих святых среди языков пламени? То же самое следует сказать о других пустых и смешных чудесах, с которыми тем не менее столько возятся. Неужели он пришел только для этого? А не для того, чтобы исцелить всех людей от всех болезней и недугов как души, так и тела, чтобы избавить всех от рабства порока и греха, чтобы сделать всех мудрыми и добродетельными и освятить всех, если верно, что он пришел для того, чтобы искупить и спасти всех? Этот мнимый божественный спаситель выражал однажды свое сострадание к следовавшим за ним по поводу того, что они не имели, что есть: если я отошлю их в таком состоянии домой, они упадут в изнеможении по дороге. Чтобы предотвратить эту опасность, он, как уверяют наши хриstopоклонники, явил чудо своего всемогу-

щества, чудесным образом умножил хлебы, дабы всех насытить и таким образом не дать им упасть в изнеможении по дороге. Но он не явил и не являет таких чудес своей всемогущей благодати, чтобы освятить и спасти всех грешников. Неужели он каждодневно видит их слабость и немощность и не поддержит их действительной помощью своей всемогущей благодати, чтобы не дать им впасть в порок и грех? Он видит, как они каждодневно попадают тысячами в ужасный адский огонь, и не питает сострадания к их гибели, столь страшной и ужасной? Этому никак нельзя поверить, это само себя разбивает, совершенно недостойно думать так о существе, которое предполагается бесконечно благим и бесконечно мудрым.

Итак, первым из этих чудес, самым великим и славным для него и в то же время самым необходимым и полезным для людей, несомненно должно было бы быть настоящее исцеление всех людей от всех недугов и немощей их души, т. е. от пороков и дурных страстей. Первым, самым прекрасным и великим из его чудес должно было бы быть — сделать всех людей мудрыми и совершенными телом и душой. Первым и главным из его чудес должно было бы быть действительное освящение и спасение всех людей для совершенного блаженства на небесах. Без сомнения, господу хриstopоклонники, это было бы первым, самым прекрасным, самым великим, самым преславным, самым полезным,

главным и необходимым из всех чудес, которые должен был совершить ваш якобы божественный Христос, ибо именно для этого он сошел с неба на землю, как он сам говорил и как сказано это в его евангелии *. Когда я вознесен буду от земли,—говорил он,—я привлеку всех к себе. И вот он вознесен, а именно двояким образом, как утверждают наши хриstopоклонники: раз, когда он был привязан к кресту, и другой раз, когда он вознесся на небо. Безразлично, разумел ли он под своими словами то или другое, или оба эти вознесения. Итак, первым, самым прекрасным, самым великим и самым полезным чудом, которое он мог и должен был сделать, вознесясь таким образом над землей, было бы, по его же словам, привлечь всех к себе действительным и славным образом. А так как сказано, что он пришел снять грех с мира, уничтожить дела дьявола, освятить людей, взискать и спасти все погибшее, одним словом — искупить всех людей от греха и вечного осуждения и спасти всех, то — еще раз — первым, самым великим, самым славным, самым полезным и необходимым и в то же время самым желанным и важным из всех чудес, которые он мог бы и должен был бы сотворить, согласно своей первой и главной цели, было — действительно снять грехи с мира, все пороки, всю несправедливость, всю неправду, всю злобу и все соблазны. Первым,

* Иоан., 12 : 32.

самым великим и благодетельным чудом, которое он мог бы и должен был бы сотворить, согласно своей первой и главной цели, было бы действительное избавление всех людей от рабства, порока и греха, исцеление их от всех недугов их душ, действительное освящение и спасение всех, раз они все погибли во грехе, а он именно явился спасти все погибшее. Однако совершенно очевидно и несомненно, что он не совершил этих чудес; поэтому нет также никаких оснований верить, что он или его мнимые святые совершили также какое-либо из тех других чудес, о которых я говорил выше. Совершенно напрасно, стало быть, наши хриstopоклонники доказывают истинность своей религии ссылкой на достоверность своих мнимых чудес. На самом деле, как я уже сказал выше, эти чудеса только заблуждение, иллюзии, обман и шарлатанство. Все сказанное мною в предыдущем изложении доказывает это с достаточной ясностью, не оставляющей никаких сомнений.

XXII. Третье доказательство [тщетности и ложности религий, выводимое из ложности видений и божественных откровений]

Перейдем теперь к мнимым видениям и божественным откровениям, на которых наши хриstopоклонники тоже пытаются основать и утвердить истинность и несомненность своей религии. Чтобы дать правильное и настоящее представление об этих видениях

и божественных откровениях, я считаю самым целесообразным следующее общее утверждение: если бы кто-либо в наше время вздумал похвалиться, что ему были такие видения и божественные откровения, и захотел хвастаться этим, то таких людей всех без исключения сочли бы помешанными, людьми, подверженными галлюцинациям, полоумными фанатиками. Посмотрим, в чем заключались эти мнимые видения и божественные откровения. Бог, говорится в так называемых священных книгах, о которых шла речь выше, явившись в первый раз Аврааму, сказал ему: Пойди из земли твоей (он находился тогда в Халдее), оставь дом отца твоего и иди в страну, которую я укажу тебе *. Когда Авраам отправился в путь, бог, говорится в (священной) истории, явился ему во второй раз и сказал ему: Всю эту страну, где ты теперь находишься, я отдам твоему потомству; и в благодарность за это милостивое обещание Авраам воздвиг ему жертвенник **. Через некоторое время бог снова явился ему в видении ночью ***; Аврааму казалось, что он видит печь, из которой выходит столб дыма ****. Тогда бог, заключая союз с Авраамом, сказал ему: я дам всю эту страну от реки Египетской до большой реки Евфрата твоему потом-

* Быт., 12 : 1.

** Там же, 12 : 7.

*** Там же, 15 : 1.

**** Там же, 15 : 17.

ству *. Когда Аврааму было 99 лет, бог снова явился ему и сказал **: Я — бог всемогущий, ходи прямо передо мною и будь непорочен, ибо я поставлю завет мой между мною и тобою и весьма размножу твоё семя ***, ты будешь отцом множества народов ****. И не будешь ты больше называться Авраамом, как прежде, но будет твоё имя: Авраам, ибо я сделал тебя отцом множества народов *****. Я поставлю вечный завет между мною и тобою и твоим потомством в том, что я буду богом твоим и твоего потомства после тебя *****. Сей есть завет, который я поставлю между мною и тобою и твоим потомством: обрезывайте,— сказал ему бог,— крайнюю плоть всех ваших младенцев мужского пола *****. Сие будет,— сказал он ему,— знамением вечного завета между мною и вами *****. Восьми дней от рождения да будет обрезан у вас всякий младенец мужского пола *****, ибо я желаю, чтобы вы носили знак моего союза на вашем теле *****. После этого сей Авраам начал обрезывать себя самого

* Быт., 15 : 18.

** Там же, 17 : 1.

*** Там же, 17 : 2.

**** Там же, 17 : 4.

***** Там же, 17 : 5.

***** Там же, 17 : 7.

***** Там же, 17 : 10.

***** Там же, 17 : 11.

***** Там же, 17 : 12.

***** Там же, 17 : 13.

и всех мужчин в своем доме *. После этого, говорится в священной истории,— бог пожелал подвергнуть искушению сего Авраама, испытать его, будет ли он повиноваться его приказу. Он явился Аврааму и сказал ему **: возьми сына твоего единственного, Исаака, которого ты любишь, и принеси его сам в жертву на том месте, которое я тебе укажу ***. Немедленно в ту же ночь Авраам отправился с сыном своим Исааком, чтобы принести его в жертву ****. На третий день Авраам достиг того места, где должен был принести сына в жертву; приготовив все для всежжения, взял свой меч, но в тот момент, когда он занес руку, чтобы нанести сыну смертельный удар, он услышал голос с неба, говоривший ему: Авраам, Авраам, не рази своего сына и не делай ему никакого зла, я знаю теперь, что ты не пощадил бы своего сына из любви ко мне, и вот, раз ты так поступил и, чтобы повиноваться моему слову, не пощадил бы сына, я клянусь тебе собою, что благословлю тебя и умножу твое потомство, как звезды на небе и песчинки на берегу морском, что потомки твои будут побеждать всех своих врагов, и все народы на земле будут благословенны в твоём семени, потому что ты повиновался моему голосу *****.

* Быт., 17 : 22, 27.

** Там же, 22 : 1.

*** Там же, 22 : 2.

**** Там же, 22 : 3.

***** Там же, 27 : 1.

По смерти Авраама бог явился ночью сыну его Исааку и сказал ему: я — бог Авраама, отца твоего, не бойся ничего, ибо я с тобою, чтобы благословить тебя, я умножу потомство твое из любви к слуге моему Аврааму*. В благодарность за это Исаак воздвиг здесь жертвенник явившемуся ему богу. После смерти Исаака сын его Иаков отправился однажды в Месопотамию искать себе подходящую жену; пройдя целый день и чувствуя усталость с дороги, он собрался вечером отдохнуть, прилег на землю, положил себе в изголовье несколько камней, чтобы опочить, и заснул; во сне он увидел лестницу, которая поднималась над его головой и своим концом касалась неба; ему казалось, что он видит, как ангелы божьи восходят и нисходят по этой лестнице и как на верхушке ее склонился сам бог, который говорит ему: я господь, бог Авраама, бог Исаака, отца твоего, я отдам тебе и твоему потомству всю страну, в которой ты находишься, твое потомство будет столь же многочисленно, как пыль над землей, оно распространится от востока до запада, от юга до севера, и все народы земли благословятся через тебя и твое потомство. Я буду твоим покровителем всюду, куда ты ни пойдешь, я выведу тебя целым и невредимым назад из этой земли, я не оставляю тебя, не исполнив всего того,

* Быт., 26 : 4, 24.

что я тебе обещал. Пробудившись от сна, Иаков был охвачен страхом и воскликнул: как! истинно бог присутствует здесь, а я ничего не знал об этом, ах, как страшно это место! ведь это не что иное, как дом божий и врата небесные *. Потом, поднявшись, он водрузил камень и возлил на него елей в память того, что с ним здесь приключилось; вместе с тем он дал обет богу, что если он вернется цел и невредим, то принесет ему в жертву десятину всего того, что у него будет. А вот еще одно прекрасное видение, которое было ему несколько лет спустя, когда он взялся стеречь стада своего тестя Лавана, с которым он договорился, что в награду за свою службу получит весь пестрый приплод от овец. Обуреваемый стремлением к своей выгоде, как это вполне естественно, он страстно желал, чтобы его овцы дали большой приплод из пестрых ягнят, и вот с таким страстным желанием на сердце он видит раз ночью приятный сон **: ему снится, что самцы покрывают самок и что все самки дают пестрый приплод. Восхищенному таким хорошим сном Иакову явился бог и сказал: взгляни, как самцы покрывают самок, посмотри — они пестрой масти, ибо я видел, — сказал ему бог, — кривду и обман, учиняемый тебе твоим тестем Лаваном; а теперь встань, — говорит ему бог, — уходи из этой страны и вернись в

* Быт., 28 : 11.

** Там же, 31 : 12.

свою страну. Когда он со всей своей семьей и всем нажитым у тестя возвращался в свою страну, говорит священная история (или легенда), он ночью повстречался с незнакомцем, и ему пришлось бороться с ним всю ночь до рассвета; незнакомец, не будучи в состоянии одолеть его, спросил, кто он, и Иаков назвал свое имя. Тогда незнакомец сказал ему: отныне имя твое будет не Иаков, а Израиль, ибо ты оказался сильным в борьбе с богом и, стало быть, тем паче будешь силен в борьбе с людьми*.

Такой характер носили первые из этих мнимых видений и божественных откровений; не следует судить иначе и о последующих. Спрашивается: где хоть какая-нибудь видимость божества в этих нелепых сновидениях и пустых обманах воображения? Представьте себе, что к вам явится грубый, неотесанный деревенский парень или пастух вроде вышеупомянутого Иакова и станет вам рассказывать: я условился со своим тестем (или кем другим), что буду один стеречь его стада и моим вознаграждением будет весь пестрый приплод; в знак того, что бог благоволит мне и щедро вознаградит мою службу, бог явился мне во сне и сказал: я бог, уже явившийся тебе в таком-то месте, я видел учиненную над тобой кривду и неправду, ты не будешь лишен своего вознаграждения, я исполню твои желания;

* Быт., 32 : 25, 28.

следи и смотри, как самцы будут всходить на самок в твоих стадах, весь их приплод будет пестрой масти и плата твоя велика будет. Представьте себе, повторяю, что кто-нибудь придет к вам в наше время и станет городить такую ерунду, причем будет действительно считать ее плодом божественного откровения и верить в явившееся ему видение. Не будете ли вы считать таких людей помешанными людьми, страдающими галлюцинациями, простофилями? Разумеется, вы будете считать их таковыми. Представьте себе, что эти люди будут продолжать в том же духе: ночью нам встретились какие-то незнакомцы, мы вынуждены были вступить с ними в поединок и всю ночь бороться с ними, и незнакомцы, не будучи в состоянии побороть нас, открылись нам, что мы боролись с богом (или богами). Представьте себе, что эти люди будут видеть в своей воображаемой победе (над богом) божественное предсказание или заверение от бога, что столь же победоносны они всегда будут в борьбе со своими врагами,— не будете ли вы смеяться над глупыми фантазиями этих жалких людей? Несомненно мы только посмеемся над ними. Или представьте себе другой пример: несколько иностранцев, например, немцев или швейцарцев, придут в нашу Францию и, повидав самые прекрасные провинции королевства, объявят, что бог явился им в их стране, велел им отправиться во Францию и обещал отдать им и их потомкам все прекрасные земли, вотчины и

провинции королевства, простирающиеся от больших рек Рейна и Роны до океана, обещал им заключить вечный союз с ними и их потомками, умножить их потомство, сделать его таким же многочисленным, как звезды на небе и песчинки на берегу морском, и, наконец, благословить в них все народы земли, а в знак своего союза с ними велел им обрезать себя и всех младенцев мужского пола, рождающихся у них и их потомства, и т. д. Найдется ли человек, который не станет смеяться над этим вздором и не сочтет этих иностранцев помешанными, людьми, страдающими галлюцинациями, безумными фанатиками? Разумеется, не найдется. Каждый лишь посмеется над всеми этими необыкновенными видениями и божественными откровениями.

Нет никакого основания отнестись иначе, благоприятнее к рассказам якобы святых и великих патриархов Авраама, Исаака и Иакова о бывших им видениях и божественных откровениях — безразлично, верят ли они в них; так или иначе они заявляют о них. Их рассказы не заслуживают более серьезного отношения, чем бредни иностранцев, которые я привел вам в пример, и тоже были в действительности лишь заблуждением, самообманом, ложью и надувательством. И не подлежит никакому сомнению, что если бы эти три почтенных патриарха явились теперь к нам и снова поведали об этих своих видениях и божественных откровениях, мы не преминули бы высмеять их и считали бы все их

воображаемые видения и божественные откровения не чем иным, как заблуждением, самообманом, ложью и обманом.

Я говорю о заблуждении и самообмане на тот случай, если бы эти люди произвели впечатление, что действительно верят в свои видения и откровения; в таком случае мы считали бы рассказчиков людьми, страдающими галлюцинациями, и простаками. Но мы увидели бы в них лжецов, плутов и шарлатанов, если бы получили другое впечатление об их личности и намерениях. Впрочем, безразлично, намеревались ли патриархы обманывать других или же в первую очередь обманывали самих себя. Легко убедиться во вздорности и ложности всех этих мнимых видений и божественных откровений. Они сами достаточно себя изобличают тем, что даны только в пользу отдельных лиц и одного народа, построены на несправедливости и возмутительном пристрастии к отдельным народам и лицам, о котором я уже говорил выше. Нельзя поверить, что бог, предполагаемый бесконечно благим, совершенным и справедливым, мог когда-либо совершить и совершил или допустил такую возмутительную несправедливость, как столь пристрастное отношение к отдельному народу или к отдельным лицам. Мало того, эти видения и откровения сами себя изобличают также своим пустячным и ложным характером. Они достаточно изобличают себя также в трех других отношениях: 1) пошлым, позорным и

смешным знаком мнимого союза бога с людьми; 2) жестоким и варварским обычаем кровавых закланий в жертву невинных животных, обычаем, учреждение которого Моисей приписывает самому богу, и жестоким и варварским повелением бога Аврааму заклать ему в жертву своего собственного сына; 3) явным неисполнением прекрасных и щедрых обещаний, которые бог, по словам Моисея, надавал трем названным патриархам. В самом деле: знак мнимого союза, или завета, носил совершенно пошлый и смешной характер, кровавые приношения в жертву невинных животных были варварской жестокостью, точно так же, как приказание отцу принести в жертву своего собственного сына; и, наконец, грандиозные и заманчивые обещания бога патриархам остались безрезультатными и невыполненными. Все это является несомненным и очевидным доказательством пустоты и ложности этих мнимых видений божественных откровений.

Что касается знака мнимого союза между богом и упомянутыми тремя патриархами со всем их потомством, то он явно смешон, так как заключается в пустячном и смешном обрезании кусочка плоти или кожи с самой срамной части человеческого тела. Как! всемогущий и премудрый бог забавлялся и забавляется тем, что заставил целый народ носить знак союза с ним на самой срамной части человеческого тела. Бог установил этот знак в виде столь пустячного и смешного

обрезания кусочка плоти, или кожи! Этому никак нельзя поверить. Если бы всемогущий бог действительно остановил свой выбор на одном народе и захотел запечатлеть знак своего союза на теле людей, он несомненно выбрал бы более пристойный знак, более достойный и почетный, и несомненно также поместил бы его на самой благородной, значительной и видной части тела, чтобы этим особым проявлением своей благодати сделать свой народ более прекрасным, совершенным, почтенным и значительным, чем все другие народы. Но выбрать вместо этого столь презренный и пошлый знак своего союза, как нас хотят уверить, и поместить его на самой срамной части нашего тела! Нет, это недостойно величия и верховной власти бога, и возмутительна даже самая мысль, что он мог когда-либо пожелать подобное.

*XXIII. [Безумие приписывать богу
установление жестоких жертвоприношений
невинных животных и думать, что такие
жертвы ему приятны]*

Во-вторых, что касается учреждения кровавого обычая приношения в жертву невинных животных, то так называемые святыя и священные книги *, содержащие вышеуказанные откровения, открыто приписывают его богу, равно как учреждение жертвенников и посвя-

* Исход, 19 : 9.

щение жрецов, долженствующих приносить на них жертвы. Как говорится в этих книгах и мнимых божественных откровениях, бог повелел, чтобы эти жрецы кропили вокруг его алтаря кровь приносимых ему в жертву животных, чтобы они убивали жертву, разрубали ее на куски и сжигали ее мясо на его алтаре. С своей стороны бог обещал, что ему будет очень приятен запах дыма от сожжения жертвы, принесенной ему таким образом. Согласно с этим в тех же книгах рассказывается, что Ной, выйдя после потопа здоровым и невредимым из ковчега, в котором он находился вместе с женой и детьми и животными всех пород для спасения от потопа, немедленно воздвиг жертвенник, или алтарь, богу и в благодарность принес богу на этом алтаре в жертву животных *. А бог, как сказано в этих книгах, засвидетельствовал, что ему очень приятен был дым этого жертвоприношения; поэтому бог обещал не проклинать более земли из-за людей, так как люди с юности своей склонны ко злу. Вот что, согласно тем же книгам, бог повелел в своем законе относительно приношения в жертву животных и относительно посвящения жрецов.

Господь,— говорят эти так называемые святыя книги,— беседовал с Моисеем и сказал ему: скажи сынам израилевым, чтобы они делали мне приношения; от всякого человека, у которого будет усердие, принимайте

* Быт., 8 · 21,

приношение мне *... они устроят мне также святилище и скинию, чтобы я обитал среди них **. И кроме того сделай мне также жертвенник из дерева ситтим длиною в пять локтей и шириною в пять локтей так, чтобы он был четырехугольный и высотой в три локтя. Возьми брата своего Аарона и детей его для совершения жертвоприношений. И сделай им священные одежды для славы и благолепия ***. А вот что ты должен совершить над ними, чтобы посвятить их на священство и на служение при жертвоприношениях: возьми одного тельца из стада и двух овнов без порока и хлебов пресных... **** приведи Аарона и его сыновей ко входу в скинию [собрания], потом возьми священные одежды и облеку Аарона в хитон и верхнюю ризу, в эфод и наперсник и опоясай его поверх прекрасным поясом из эфода; затем возложи на его голову тиару, а на тиаре укрепи диадему святости, возьми елей для помазания и возлей ему на голову; и приведи также сынов его и облеку их в одежды священнослужителей, опоясай поясами Аарона и его сыновей, возложи на них повязки, таким образом ты посвятишь их, и священство будет принадлежать им по уставу навеки. Когда это будет сделано, приведи тельца перед скинию [собрания], и возложат Аарон и сыны его руки

* Исход, 25 : 1.

** Там же, 25 : 8.

*** Там же, 27 : 1.

**** Там же, 29 : 1.

свои на голову тельца, и ты заколешь тельца перед господом у входа в скинию. Затем возьми крови тельца и возложи перстом твоим на роги жертвенника, вылей всю остальную кровь у основания жертвенника, возьми весь тук, покрывающий внутренности, и сальник с печени, и обе почки и тук, который на них, и воскури их на жертвеннике; а мясо тельца, его кожу и нечистоты его сожги на огне вне стана, эта жертва будет для искупления грехов. И возьми одного овна, и возложат Аарон и сыны его руки свои на голову этого овна; и заколи овна и возьми крови его, и покропи ее на жертвенник со всех сторон *; затем рассеки овна на части, вымой и внутренности и голени его, положи их на рассеченные части и голову овна и сожги всего овна на жертвеннике. Это — жертва всесожжения, ты принесешь ее господу, благоухание этой жертвы будет для него очень приятно. Потом возьми другого овна, и возложат Аарон и сыны его руки на голову этого овна; заколи овна, возьми крови его и возложи на край правого уха и на большой палец правой ноги и окропи оставшейся кровью жертвенник со всех сторон; и возьми крови, которая на жертвеннике, и елей для помазания и окропи Аарона и одежды его, сынов его и одежды их вместе с ними и таким образом они будут освящены и посвящены... И это будет устав вечный для

* Исход, 29 : 1—20.

Аарона и этих сынов... и тельца за грех приноси в жертву каждый день для очищения... Вот еще,—сказал он ему,—что будешь ты совершать на жертвеннике: ты будешь каждый день постоянно приносить в жертву двух агнцев, одного из них приноси в жертву утром, другого к вечеру... и я буду обитать среди сынов израилевых и буду им богом и т. д. *

А вот еще что написано в этих же книгах относительно этого рода жертвоприношений. Воззвал господь к Моисею и сказал ему: объяви сынам израилевым и скажи им: когда кто из вас хочет принести жертву господу, приносите вашу жертву или дар из стад ваших, как из крупного скота, так и из мелкого; если жертва его есть всесожжение из крупного скота, пусть приносит самца без порока, пусть добровольно приведет ее к дверям скинии [собрания] перед лицом господа и возложит руку свою на голову жертвы, и эта жертва будет принята от него и во очищение грехов его, и заколет он доброго тельца перед господом, сыны же Аарона, священнослужители, предложат его кровь и окропят ею жертвенник и все кругом; затем снимут кожу с жертвы и рассекут последнюю на части. Сыны Аарона, священнослужители, разведут на жертвеннике огонь и положат на огонь дрова; равным образом разложат они на дровах части животного, его

* Исход, 29 : 21, 29, 36, 38, 44, 45

голову и тук, и священнослужитель предложит все это в жертву господу на жертвеннике, где он их воскурит и сожжет в виде всежжения; это жертвоприношение, совершенное таким образом, будет иметь очень приятное благоухание для господ^{*}. Если жертва всежжения берется из мелкого скота, а именно из овец или коз, он принесет в жертву самца без порока, жертву зарежут на северной стороне от жертвенника перед лицом господ^{*}, и сыны Аарона, священнослужители, оросят кровью жертвенник и [все] кругом, затем жертву рассекут на части, отделив голову ее, нечистоты и тук, и священнослужитель разложит их на дровах, под которыми он разведет огонь. А внутренности и ноги он вымоет, затем он предложит все это в жертву, воскурит и сожжет на жертвеннике как жертву всежжения, и это жертвоприношение, совершенное таким образом, будет иметь очень приятное благоухание для господ^{*}. А если он приносит господу в жертву всежжения птицу, то пусть приносит в жертву горлиц или молодых голубей; пусть священнослужитель принесет их в жертву на жертвеннике, свернет голову жертвы ногтем, воскурит и сожжет ее на жертвеннике и выцедит ее кровь сбоку жертвенника; зоб с перьями он оторвет и бросит сбоку жертвенника там, где пепел, и надломит крылья жертвы, не отделяя их, и воскурит и сожжет

^{*} Левит, 1 : 1—10.

их на дровах, что на огне. Это жертвоприношение, совершенное таким образом, будет иметь очень приятное благоухание для господи и т. д. *.

В другой раз, как рассказывается в названных книгах, бог воззвал к Моисею и сказал ему **: если кто-нибудь совершит проступок или грех против закона или против установленных его богом обрядов, то, в случае, если это произошло по ошибке, пусть принесет господу жертву за грех свой, а именно овна без порока, пусть священник заколет овна господу в искупление его греха. Равным образом ***, если кто согрешит по неведению и совершит нечто, запрещенное законом, он принесет в жертву овна без порока, и священнослужитель, предлагая эту жертву богу, помолится за него, и грех его будет отпущен. И еще раз, как рассказывается в этих книгах, бог воззвал к Моисею и сказал ему: возвести сынам израилевым и скажи им: когда вы вступите в страну, в которой вам предстоит жить и в которой я водворю вас, и когда вы захотите принести господу жертву всесожжения, вы будете приносить ее животными как из крупного, так и из мелкого скота; при каждом ягненке вы будете приносить в жертву господу лепешку из пшеничной муки с известной мерой вина; при каждом баране вы тоже

* Левит, 1 : 11—16.

** Там же, 5 : 15.

*** См. об этом также гл. IX книги Левит и гл. XVI о козле отпускающего, а также ряд других мест.

будете приносить в жертву лепешку из пшеничной муки с известной мерой масла и вина для возлияний; при каждом воле вы вместе с тельцом без порока будете приносить господу лепешку из пшеничной муки и известную меру масла и вина,— так вы будете поступать при закалывании в жертву каждого быка, каждого барана и каждого животного из мелкого скота, ягненка и козленка, и благоухание ваших жертвоприношений будет весьма угодно господу *.

Все эти свидетельства, взятые из так называемого Писания и из вышеупомянутых мнимых божественных откровений, ясно и определенно говорят, что жестокие и кровавые заклания в жертву невинных животных были божественным установлением, во всяком случае в еврейском законе, и что так или иначе эти жертвы некогда были весьма угодны богу.

Но как же можно представить себе и поверить, что бог, предполагаемый бесконечно совершенным, бесконечно мудрым и благим, установил когда-либо столь жестокие и варварские жертвоприношения? Ведь это варварство и жестокость — убивать, закалывать и душить животных, не причиняющих никакого вреда. Ведь они так же чувствительны к боли и страданию, как мы, вопреки пустым, ложным и смешным утверждениям наших новоявленных картезианцев¹⁰⁷, видящих в животных только одни машины без души; на

* Числ., 15 : 1—11.

этом основании путем вздорного рассуждения о природе мышления (они утверждают, что материя не способна мыслить) эти картезианцы уверяют, что животные всецело лишены всякого чувства удовольствия и страдания. Смешной взгляд! Плохое правило и возмутительное учение! Ибо оно явно направлено к тому, чтобы заглушить в сердцах людей всякое чувство доброты, кротости и сострадания к этим бедным животным, и позволяет людям безжалостно мучить животных для своей забавы под тем предлогом, что животные не чувствуют причиняемой им боли, все равно, как машины, если их бросить в огонь и разбить вдребезги. Конечно, это возмутительная жестокость по отношению к бедным животным, которые тоже живут и умирают, как мы, тоже состоят из плоти, крови и костей, тоже имеют все жизненные органы и органы чувств — глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, ноздри, чтобы обонять и различать запахи, язык, нёбо, чтобы различать вкус мяса различных пород и вкус подходящей для себя пищи, ноги, чтобы передвигаться. К тому же мы видим у них все признаки и действия страстей, которые мы ощущаем в себе самих; поэтому приходится со всей несомненностью полагать, что они точно так же, как мы, чувствительны к добру и злу, т. е. к удовольствию и страданию. Они — наши слуги и верные товарищи в жизни и работе; поэтому мы должны кротко обращаться с ними. Да будут благословенны народы, ко-

торые обращаются с ними мягко и кротко и чувствуют сострадание к их лишениям и страданиям. Но да будут прокляты народы, которые жестоко обращаются с ними, мучают их, любят проливать их кровь и горят желанием есть их мясо. В некоторых местах апокрифических писаний сказано *, что с самого начала в сердце Адама было заронено дурное семя злобы, семя злого посева. Действительно, кажется, это дурное семя злобы, это семя злого посева по сию пору обретается в сердцах всех людей и заставляет их находить каждодневно удовольствие в том, чтобы делать зло, и, в частности, проявлять свою жестокость на этих бедных бессловесных и кротких животных, мучить их, безжалостно убивать, душить и закалывать, как они делают это изо дня в день, чтобы доставить себе удовольствие поесть их мяса. Что касается меня, то хотя я на себе самом достаточно ощущаю дурное влияние и дурные результаты этого проклятого семени злого посева, я тем не менее могу сказать, что никогда не испытывал такого отвращения, как тогда, когда мне в некоторых случаях приходилось зарезать или велеть зарезать курицу или голубя или отдавать на убой свиней. Заявляю, что делал это всегда только с большой неохотой и отвращением, и, если бы во мне была хотя бы капля суеверия и склонности к религиозному ханжеству, я непременно присоединился бы к тем, которые дают

* Ездра, 4 : 30.

религиозный обет никогда не убивать животных и не есть их мяса. Я ненавижу уже один вид скотобоен и всегда с ужасом думал о той возмутительной резне и заклании в жертву невинных животных, которое устроил царь Соломон при посвящении своего храма,— он приказал заколоть до 22 тысяч быков и сто двадцать тысяч баранов и овец. Какая зверская бойня! Сколько пролитой крови! Как представить себе, как поверить, что богу, бесконечно великому и мудрому, угодно было взять в качестве своих жрецов только мясников и живодеров и сделать из своей скинии, из своего храма сплошную живодерню? Как представить себе, как поверить, что ему приятно было зрелище жестокого избияния стольких невинных животных? Как представить себе и поверить, что ему приятно было зрелище их проливаемой крови и их жалкого издыхания? И, наконец, как представить себе и поверить, что ему приятен был запах и дым такого количества сжигаемого мяса? Если это было бы так,— а так уверяют вышеупомянутые книги и мнимые божественные откровения,— то можно было бы с полным правом сказать, что не было никогда такого кровавого тирана, такого лютого и дикого зверя, как этот бог. Но возмутительно и совершенно недостойно думать так о существе, которое предполагается бесконечно совершенным, всеблагим и премудрым. Отсюда ясно следует, что учреждение жертвоприношений приписывается богу ложно и что

мнимые откровения, в которых оно приписывается ему, ложны, т. е. являются только заблуждением и иллюзиями, обманом и шарлатанством. А это ясно показывает, что такие жертвоприношения, так же как и все прочие, являются лишь человеческим установлением и выдумкой.

XXIV. [Происхождение жертвоприношений]

Вот как один здравомыслящий автор описывает происхождение этого отвратительного обычая приносить в жертву невинных животных *: «Историки говорят, что первые обитатели земли две тысячи лет жили растительной пищей, т. е. земными плодами и злаками, причем приносили в жертву богу первые плоды; пролить кровь животного, даже в виде жертвоприношения, считалось неискупаемым преступлением, а тем паче есть мясо животных. И вот,— прибавляет этот автор, со слов упомянутых историков,— первый бык был убит в Афинах при следующих обстоятельствах. Жрец этого города, по имени Дием, однажды совершал обычное приношение плодов на алтаре, воздвигнутом на открытом поле, так как тогда еще не было храмов. Вдруг от пасущегося неподалеку стада отделился бык, подошел к жертвеннику и сорвал с алтаря пучок посвященной травы. Жрец Дием, разгневанный этим мнимым

* Esp. Turc, t. 3, lettre 40.

святотатством, выхватил меч у одного из зрителей и заколол им быка. Но, когда улегся его гнев, Дием понял, какое огромное преступление он совершил и, страшась ярости народной, стал уверять народ, что ему явился бог и приказал ему принести в жертву этого быка и сжечь мясо его на жертвеннике, чтобы искупить грех быка, съевшего посвященные злаки. Набожная толпа, или вернее — темная и невежественная чернь, поверила своему жрецу, как оракулу; быка прирезали на жертвеннике, развели огонь и все присутствовали при этом новом жертвоприношении. С той поры афиняне стали ежегодно приносить в жертву быка, и от них эта благочестивая жестокость распространилась не только по всей Греции, но и у всех народов мира. Впоследствии, — продолжает тот же автор, — случилось как-то, что жрец, совершая свое кровавое жертвоприношение, поднял с земли упавший с жертвенника кусок сварившегося мяса: обжегши себе пальцы, он машинально поднес их ко рту, чтобы успокоить боль. Как только он отведал сладость бычьего жира, которым были измазаны его пальцы, ему не только захотелось продолжения этого, но он дал также кусок другому жрецу, а тот в свою очередь поделился с другими, и все они, восхищенные этим новым лакомством, с жадностью принялись поедать бычье мясо. Вот откуда, — говорит тот же автор, — прочие смертные заимствовали этот жестокий и кровавый обычай убивать животных, чтобы лакомиться их

мясом. Евреи,— продолжает он,— утверждают, вопреки этим авторитетам, что дети Адама приносили в жертву тварь еще с самого начала мира, но,—прибавляет он,—известно, что в писанный закон, откуда они взяли этот факт, вкрался ряд ошибок».

«Древние,— продолжает наш автор,— говорят также, что первая коза, павшая от руки человека, была убита в отмщение за убыток, причиненный ею владельцу виноградника; прежде никогда не слыхали о таком нечестивом действии. Известно,— продолжает он,— что египтяне, самый древний и мудрый народ в мире, унаследовали от первых обитателей земли запрет убивать всякую живущую тварь; чтобы придать больше силы этому первоначальному закону природы, они изображали своих богов в виде животных, дабы простой народ, уважая эти священные символы, научился щадить жизнь животных и не причинять им никакого зла. Брамины Восточной Индии не только не приносят в жертву животных, а строят для них больницы, как для людей; это считается у них весьма добродетельным делом. Во всех их городах множество пророков проводят свою жизнь в заботах о больных и раненых животных, которые не в состоянии прожить без помощи. Этот обычай у них не нов, они унаследовали его по традиции с незапамятных времен».

А вот что тот же автор говорит по тому же вопросу о евреях: «У евреев жрецы предлагали богу в жертву животных разных видов,

как-то: быков, овец; это предписано было в законе, полученном ими якобы от самого бога. Заколов жертву, жрецы проливали кровь ее вокруг жертвенника и окропляли ею главным образом четыре угла со всяческими церемониями. Потом, выпотрошив внутренности и содрав с животного шкуру, они сжигали мясо и жир на огне, разведенном на жертвеннике, и считали, что богу приятен дым этих жертвоприношений, что он доставляет богу большое удовольствие, как об этом сказано в их книгах».

Если рассказ этого автора о происхождении и развитии кровавого обычая приносить в жертву домашних животных и не обладает [всей] очевидностью и полной достоверностью, то нельзя отрицать, что он во всяком случае весьма правдоподобен. Что касается его указаний на мягкое и гуманное обращение первых людей с этими животными и на запрет убивать и зря мучить их, то несомненно эта мягкость и этот запрет вполне соответствовали здравому разуму и естественной справедливости и даже книге Бытия*, в которой сказано, что вначале бог разрешил людям питаться только травами и земными плодами.

Зато лишены всякого правдоподобия и всякого разумного и справедливого основания мнимые божественные откровения относительно жестокого и варварского обычая при-

* Быт., 1: 29.

носить в жертву невинных животных. Эти жертвоприношения являются только варварством и жестокостью. Отсюда ясно, что они проистекают только от неразумия и злобы человеческой, а никак не являются божественным установлением.

До чего, однако, люди были безумны и слепы, если думали почитать таким образом бога и доставить ему приятное! Не были ли они безумцами и слепцами, считая, что богу будет приятно видеть проливаемую кровь бедных животных и сжигание их мяса? Не были ли они безумцами и слепцами, думая успокоить его гнев и заслужить его милости этими отвратительными жертвоприношениями? Напротив, это должно было бы лишь вызвать его гнев и навлечь на людей его возмездие и проклятие. Кому пришло бы в голову почитать искусного и выдающегося мастера и сделать ему приятное, разрезая и сжигая на его глазах самые прекрасные его произведения, под предлогом принесения их ему в жертву? Кому пришло бы в голову почитать государя или князя и сделать ему приятное, разрывая и сжигая на его глазах под предлогом принесения в жертву все, что есть самого прекрасного и ценного в его дворце? Конечно, нет таких безумцев, никто не поступит таким образом, никому даже не придет в голову подобная мысль. Чем же объясняется это безумие людей, считающих, что они почитают бога и угождают ему, когда раздирают, убивают и сжигают его собственные творения под

предлогом принесения их ему в жертву? Чем объясняется в наше время безумие и ослепление наших хриstopоклонников, полагающих, что они доставляют высшую честь и высшее удовольствие своему богу отцу, предлагая и принося ему в жертву каждодневно не более и не менее как его собственного божественного сына в память его позорной и жалкой смерти на кресте? Как могут они, повторяю, считать, что почитают бога и угождают ему, предлагая ему таким образом в жертву его собственного сына? Разумеется, это возможно только в результате крайнего ослепления и умопомрачения.

Вот что говорит Монтень *: «На мой взгляд,— говорит он,— древние думали, что возвеличивают бога, приравнивая его к человеку, наделяя его человеческими способностями, прихотями и низменными потребностями, предлагая ему в пищу мясо, увеселяя его нашими плясками, ряжением и фарсами, предлагая ему наши одеяния для одежды, наши дома для жилища, услаждая его запахом благовоний и звуками музыки, празднествами и цветами. Приспосабливая его к нашим порочным страстям, они льстиво приписывают его правосудию бесчеловечную мстительность и увеселяют его зрелищем разрушения и разорения того, что он сам создал и охранял. Так поступил, например, Тиберий Семпроний ¹⁰⁸, предав огню в жертву Вулкану бога-

* Essais de Montaigne, p. 488.

тую военную добычу и оружие, захваченные им у неприятеля в Сардинии. Павел Эмилий¹⁰⁹ принес в жертву Марсу и Минерве добычу, захваченную им в Македонии. Александр, придя к Индийскому океану, бросил в его воды в честь Фетиды несколько больших золотых сосудов, кроме того, устроил на своих алтарях бойню не только невинных животных, но и людей. Таким образом,— говорит наш автор,— у многих народов, и в том числе у нашего, были в обычае человеческие жертвоприношения, причем ни один народ, по его мнению, не представляет исключения из этого правила. Геты¹¹⁰,— говорит он,— считают себя бессмертными; умереть значит для них лишь отправиться к своему богу Замолксису. Каждые пять лет они отправляют к нему кого-либо из своей среды, чтобы снабдить его всем необходимым. Аместрис, мать Ксеркса¹¹¹, состарившись, приказала однажды похоронить заживо четырнадцать отроков из знатнейших персидских семейств; это была жертва какому-то высшему богу, согласно религии страны. Еще поныне идолы Фемикститана окрашиваются кровью малых детей, им угодны жертвы только из этих чистых детских душ. Справедливость,— говорит автор,— алчет крови невинных. Точно так же карфагеняне приносили в жертву Сатурну своих собственных детей, а бездетные покупали для этой цели чужих детей; отец и мать обязаны были с веселым и довольным видом присутствовать при обряде

жертвоприношения. Жители Перу* приносили в жертву своим богам все, что у них было наиболее прекрасного и ценного: золото и серебро, зерно, воск и животных. Обычно они приносили в жертву не менее ста овец различной масти с совершением разных обрядов. Ежедневно они приносили в жертву солнцу стриженного барана, облачали его в красную рубаху и предавали огню. Но,— говорит он,— не было ничего ужаснее человеческих жертвоприношений в Перу и в еще большей мере в Мексике. В Перу приносились в жертву дети от 14 до 10 лет, причем главным образом ради успеха инки в его военных предприятиях; в день венчания инки на царство приносили в жертву двести детей. Приносили в жертву также много девушек,— причем брали их из монастырей,— во славу инки. Когда инка тяжело заболел без надежды на выздоровление, перуанцы приносили его сына в жертву солнцу или своему богу Виракока, умоляя его удовольствоваться сыном вместо отца. Мексиканцы** же приносили в жертву только военнопленных. Они ставили их одного за другим на колени перед воротами своего храма, затем жрец обходил их с идолом их бога, и, показывая его, каждому говорил: вот твой бог. Затем их отводили на место, где должно было произойти их убийство, там их ожидали предназначенные для этого обряда шесть самых рослых жрецов в

* Nouveau théâtre du monde, t. 2, p. 1329.

** Там же.

таком наряде, что их можно было скорее принять за дьяволов, чем за людей».

Согласно донесению посланников при мексиканском царе, этот государь ежегодно приносил в жертву пятьдесят тысяч военнопленных и постоянно вел войну с тем или другим из соседних народов, чтобы всегда иметь материал для своих человеческих жертвоприношений. Мурад * ¹¹², — говорит Монтень, — принес при взятии Истма в жертву душе своего отца шестьсот молодых греков, чтобы кровь их служила умилованием и искуплением грехов умершего. Китайцы приносили жертвы не только своим богам, но также дьяволам, хотя знали, что дьявол зол и проклят; они приносили ему жертвы для того, чтобы он не причинял вреда им лично и их имуществу. В Калькутте поступали таким же образом. Жители Мартиники ** поклоняются дьяволам, хотя считают их виновниками всего зла, они приносят им жертвы и строят им храмы в большем количестве, чем самому творцу. Японцы тоже поклоняются дьяволу, как и туземцы Америки, и приносят ему жертвы не для того, чтобы получить от него какие-нибудь благодеяния, а для того, чтобы он не делал им никакого зла. Наши древние галлы, обитатели нашей Франции, не были в этом отношении мудрее других народов, так как тоже приносили своим богам человеческие жертвы. Лица, пораженные тяжелой

* Essais de Montaigne, p. 167.

** Там же.

болезнью, приносили человеческие жертвы или давали обет сделать это. Обряд жертвоприношения выполняли тогдашние жрецы друиды,—галлы верили, что, принеся в жертву богам жизнь человека, можно успокоить их гнев и спасти другого человека; жертву либо сжигали живьем, либо пронзали стрелами. Поэтому, когда кто-нибудь из галлов опасно заболел, к нему призывали друидов, которые приносили в жертву Дрию, богу преисподней и врагу жизни, одного из заслуживающих смерть преступников или, за отсутствием такового, другого несчастного; галлы верили, что для жаждущего человеческой крови бога будет довольно смерти этого человека и жизнь больного будет сохранена. Плутарх* правильно заключает по этому поводу, что лучше было бы людям никогда не знать богов, чем верить, как это имело место, что некоторые боги жаждут человеческой крови и упиваются ею.

В самом деле,—как говорит Монтенъ**,—странный фантазией было платить за милость богов нашим горем, как делали, например, карфагеняне, приносившие в жертву Сатурну своих собственных детей; бездетные покупали чужого ребенка и сжигали его живьем, причем отец и мать обязаны были с веселым и довольным видом присутствовать при этом жестоком обряде. Точно так же лакедемоняне для услаждения своей Дианы истязали юно-

* Théâtre du monde, t. I, p. 121.

** Essais, p. 489.

шей, бичевали их порой до смерти. Религия,— говорит Монтень,— способна была внушить людям столько великих и жестоких зол: *tantum religio potuit suadere malorum* (Лукреций)¹¹³. Дико было,— продолжает он,— благодарить Зодчего разрушением его постройки и карать безвинных, чтобы этим предотвратить кару, заслуженную виновными. Дико было думать, что заклятие и смерть бедной Ифигении очистит греческое войско от его вины. А что сказать о великих душах обоих Дециев, отца и сына, прекрасных и благородных, которые бросились на верную смерть в самую гущу неприятельских рядов, чтобы умиловить богов в пользу римлян! * Какая чудовищная несправедливость,— говорит Монтень,— со стороны богов не пожелать смириться над римским народом иначе, как только ценой жизни обоих этих великих людей! Какое безумство со стороны людей верить, что богов может успокоить только насильственная смерть невинных! Какое безумство,— повторяю,— и ослепление с их стороны думать таким образом и совершать такие ужасные зверства под знаменем религии! Однако ведь их внушает именно религия, безрассудная вера в богов; это она заставляет поступать так. Поэтому можно сказать: сама религия часто учит людей злу и заставляет их совершать под предлогом благочестия нечестивые и возмутительные деяния. Как

* Essais, 490.

говорит Лукреций *: «Часто религия сама порождала эти преступные и нечестивые деяния», или в другом, уже цитированном мной стихе: «столько зол в состоянии была религия внушить людям!» Плутарх был совершенно прав, что гораздо лучше было бы людям никогда не знать богов, чем совершить столько безумств и злодейств под предлогом почитания богов, страха перед ними и служения им. Виновниками всех этих великих зол являются те, которые заставляют почитать богов. Этому не следует удивляться, ибо сказано, что нечестие распространилось на всю землю от самих пророков Иерусалимских **.

Наши хриstopоклонники еще не вполне свободны от этого безумного убеждения в действии и силе кровавых жертвоприношений: хотя теперь они уже не совершают жертвоприношений, они то и дело оправдывают тех, которые совершали их в прежние времена, а также закон, предписывавший эти жертвоприношения; они даже верят, что неизмеримые заслуги [пролитой] крови их бога-спасителя Иисуса Христа, отпустили им грехи их и вернули им милость их бога. Иисус Христос,— утверждают они,— сам предложил себя в жертву на кресте для отпущения им грехов их. Отсюда утверждение, что этот мнимый божественный спаситель омыл их в своей крови от скверны их грехов и что он примирил

* Lucrèce, l. I, p. 88.

** Иерем., 23 : 15.

их с богом * заслугами своей [пролитой] крови и смерти. Христопоклонники доходят даже до утверждения, что по этому закону, принимаемому ими за божественный, все должно очищаться кровью и что для людей не было бы отпущения грехов без пролития крови их божественного спасителя. Они приписывают самому богу желание принести в жертву своего божественного сына руками самих же людей, которые так оскорбили бога своими прегрешениями; эта жертва должна была успокоить гнев бога против людей за все допущенные ими ослушания его велений и за все грехи, которые они еще совершат до конца веков. Как сказано выше, со стороны язычников было великим безумством считать, что только наказание невинных может смягчить гнев богов против виновных,— так говорит Монтень; какое же безумство со стороны христиан верить, что их бог-отец смиростивился над людьми только через наказание своего божественного сына, только через его кровавую смерть! Какое безумство думать, что он не смиростивился бы над ними, если бы они не преследовали, не терзали и не подвергли позорной, отвратительной и жестокой смерти его возлюбленного и единственного божественного сына, их бога и спасителя! Какая глупая мысль! Какое безумие, повторяю,— даже помыслить о такой чудовищной несправедливости богов, о том, что бог может смиростивиться

* Апокал., 15.

над грешными людьми только через наказание своего невинного и божественного сына, через его кровавую и позорную смерть! Мне не хватает слов, чтобы выразить этот предел безумия. И, однако, религия заставляет наших хриstopоклонников верить в это; правда, она не велит им совершать кровавые и жестокие жертвоприношения, как в прежние времена, однако она учит их одобрять эти жертвоприношения в прошлом и поклоняться жертве, принесенной в лице самого бога, она заставляет верить в самые нелепые и смешные вещи, какие только можно себе представить,— я докажу это подробнее в дальнейшем изложении.

XXV. [*Мнимый приказ бога Аврааму
принести в жертву своего сына*]

Вернемся к мнимому приказанию, данному богом Аврааму,— принести ему в жертву своего единственного сына. Признаюсь, оно не должно казаться слишком странным нашим хриstopоклонникам, поскольку они верят, что этот же бог велел своему собственному божественному сыну принести себя в жертву для спасения людей и что это веление действительно было исполнено. Но не ужасно ли по существу это мнимое повеление? Как может отец и вообще любой здравомыслящий человек вообразить, что подобное внушение или веление может исходить от бога, т. е. от существа бесконечно совершенного, всеблагого и премудрого? Это было бы непостижимо,

если бы мы не видели на других примерах, что суеверие может внушать людям самые жестокие и бесчеловечные чувства и что под вздорным, ложным и злосчастливым предлогом религии люди способны решительно на все; даже совершая самые предосудительные и возмутительные поступки, они воображают, что выполняют самые достойные и добродетельные дела. Примером является тот же Авраам: он, ни с кем не советуясь относительно своего сна или, если угодно, видения, без всяких колебаний тотчас же собрался выполнить это мнимое приказание и искусно или, вернее, глупо и неосторожно придал характер благочестия делу, которое должно было бы внушать ему ужас.

Вот какое обращение к сыну своему Исааку вкладывают в уста Авраама, сделавшего уже все приготовления для жертвоприношения *. Сын мой,—якобы сказал он ему,—я воссылал богу горячие молитвы, чтобы он дал мне тебя, со дня твоего рождения я окружил тебя всем возможным попечением, я считал пределом моих желаний видеть тебя достигшим зрелого возраста и оставить тебя после моей смерти наследником всего моего достояния. Но богу, давшему мне тебя, угодно теперь, чтобы я потерял тебя,—поэтому великодушно предоставь принести себя ему в жертву. Окажи ему, сын мой, этот почет и послушание в благодарность за

* Joseph. Histoire des Juifs, t. I, ch. 13.

милости, которые он даровал нам во время мира, и за его поддержку во время войны. Так как ты рожден только для того, чтобы умереть, какой конец может быть для тебя более возвышенным, чем быть принесенным в жертву собственным отцом верховному владыке вселенной? Бог желает положить предел твоей жизни не на одре болезни и не от ран на войне или от какого-либо другого несчастного случая, которым столь подвержены люди, он считает тебя достойным отдать ему душу среди молитв и жертвоприношений, чтобы всегда принадлежать ему. Таким образом ты утетишь мою старость, доставив мне поддержку бога вместо той поддержки, на которую я мог надеяться от тебя, воспитав тебя с таким старанием. Исаак, достойный сын столь замечательного отца, выслушал эту речь не только без удивления, но даже с радостью и ответил, что он был бы недостоин родиться, если бы отказался повиноваться отцовской воле, особенно раз она согласна с волей божьей. Сказав это, он устремился к жертвеннику, чтобы подвергнуться закланию. И эта великая жертва, говорит еврейский историк Иосиф, совершилась бы, если бы бог не воспрепятствовал этому.

Вот несомненно довольно красивое и благоприятное толкование, красивый и благоприятный предлог для того, чтобы благочестиво, в страхе божьем исполнять подобные повеления. Вот каким образом невежественные и темные люди легко поддаются на об-

ман, принимают зло за добро, если только оно облечено в некоторую обманчивую видимость добродетели и благочестия. По этому способу наши благочестивые хриstopоклонники придают благопристойную видимость благочестия всем пустым и суеверным обрядам и церемониям своей религии. Подобными речами, преисполненными пустого и ложного благочестия, они превозносят до небес пресловутую святость своих тайн и священнодействий. С помощью подобных пустых и смешных толкований они находят что им угодно в своем мнимом священном писании, вкладывают в него тот смысл, который им нужен, находят тайны там, где их нет, находят черное белым, белое — черным. При этом они главным образом ищут мистический, иносказательный смысл — тонкая выдумка их, которая служит им, как седло для всех лошадей или как обувь на обе ноги, подобно сандалии Ферамена¹¹⁴. С помощью этого хитро выдуманного ими духовного и мистического смысла, они, — как я уже сказал, — придают какой им угодно смысл своему якобы священному писанию и находят в нем в аллегорическом и иносказательном виде все, что пожелают. Они походят в этом отношении на детей, слышащих в колокольном звоне те слова, которые им хочется услышать.

Точно так же как глупо было бы для взрослых людей серьезно останавливаться на тех словах, которые дети слышат в колоколь-

ном звоне, или на разговорах детей во время их игр и шалостей, так же глупо было бы для людей умных и просвещенных серьезно останавливаться на том, как наши хриstopоклонники вздорно и нелепо объясняют и толкуют так называемое священное писание в мистическом, аллегорическом и иносказательном смысле. Эти объяснения и толкования, в сущности, не что иное, как измышления их ума и пустые фантазии.

Возьмем пример: пусть кому-нибудь в наше время пришло бы в голову, что бог велел принести ему в жертву своего единственного сына, как это якобы случилось с Авраамом. Я уверен, что если этот человек обратится за советом к самым набожным из наших хриstopоклонников, они все до единого ужаснутся такой фантазии, увидят в ней только фантазмагорию, дьявольское искушение и наваждение; каждый из них скажет этому человеку, чтобы он отбросил от себя эту мысль и посоветует ему взять себя хорошенько в руки. Если, несмотря на такое предостережение, этот человек все же окажется столь безумным, что исполнит этот воображаемый приказ бога, то представьте себе, какие это вызовет толки и как поступит с ним правосудие. По этому примеру судите, можно ли считать божественными откровения, приказывающие приносить подобные жертвы. Самы хриstopоклонники отнесутся к такому видению, фантазии или откровению как к иллюзии и дьявольскому искушению; они сами

сочтут злодейством, достойным примерного наказания, если найдется столь безумный отец, который зарежет своего ребенка под предлогом принести его в жертву богу и исполнить приказание, полученное от бога. А если так, то как же наши хриstopоклонники могут в случае с этим Авраамом усматривать в якобы полученном им от бога приказании принести ему в жертву своего сына действительно божественное откровение и как могут они считать слепое повиновение Авраама в этом случае величайшим подвигом и героизмом и поэтому сугубо достойным божьей благодати и благословения? Это не вяжется одно с другим и само себя опровергает; нет надобности в дальнейшем рассуждении, чтобы показать всю ложность этих якобы божественных откровений. К тому же, в некоторых так называемых священных книгах пророков говорится, что бог уже начинал осуждать эти жестокие и кровавые жертвоприношения. Доказательство — слова пророка Исаяи, обращавшегося к своему народу так, словно его устами говорил сам бог. К чему мне, — говорит Исаяя от имени бога, — множество жертв ваших, я пресыщен всесожжениями овнов и туком и кровью ваших быков, ваших баранов, ваших тельцов, ваших козлят и ваших ягнят *. Не приносите мне более таких жертвоприношений. Ваши курения мне противны, я ненавижу ваши празднества и

* Исаяя, 1 : 11.

торжества и не могу их больше выносить. То же самое мы находим почти в тех же выражениях у пророков Иеремии и Амоса, а также в псалме царя Давида, который наши хриstopоклонники ежедневно поют в своих церквах. Там бог говорит тому же народу: неужели вы думаете, что я буду есть мясо быков и пить их кровь? Другими словами, как можете вы иметь столь грубое представление о боге и думать, что он станет есть мясо быков и козлов и пить их кровь? Воздавайте хвалу господу,— говорит он,— воссылайте с верой ваши желания богу, взывайте ко мне во дни вашей печали, этим вы воздадите мне хвалу, а я поддержу вас в вашей нужде. Несомненно, эти якобы божественные откровения совершенно противоположны тем, которые были даны Аврааму и Моисею, так как бог осуждает и отвергает здесь то, что установил в откровениях этим последним. Откуда такая перемена в существе незыблемом и бесконечно совершенном? Неужели оно через тысячу лет надумало изменить то, что плохо установило? Можно ли сказать о нем, как обычно говорят о легкомысленном и непостоянном человеке: он делает нечто, потом разрушает это, затем снова берется за то, что оставил: *destruit, repetit, quod nuper amisit*. Пусть наши хриstopоклонники остаются при этом мнении, если это им угодно, оставим им это безумие, если оно нравится им; если же нет, пусть они признают вместе с нами вздорность и ложность этих мнимых божественных

откровений, которые противоречат друг другу и сами себя уничтожают и столь мало соответствуют верховному величию и бесконечному совершенству бога. Гораздо разумнее поступил Нума Помпилий, второй царь римлян*: чтобы научить свой народ мирным и приятным обычаям, он установил только жертвоприношения из вина, молока, муки и т. п. продуктов, жертвоприношения сопровождаемые танцами и увеселительными песнопениями.

XXVI. [Ложность мнимых обетований бога патриархам Аврааму, Исааку и Иакову]

А вот еще наглядное доказательство ложности этих якобы божественных откровений: это — невыполнение тех грандиозных обещаний, которыми сопровождались эти мнимые откровения. Ибо нельзя поверить, что всемогущий и всеблагий бог не желает или не желал выполнить обещания, которые он действительно давал, неоднократно повторял и даже клятвенно подтвердил. А между тем несомненно и совершенно очевидно, об этом свидетельствуют история и те же так называемые священные книги, что обещания, якобы данные богом вышеназванным патриархам и приводимые в этих книгах, никогда не были выполнены, и т. д.. Чтобы вполне убедиться в этом и в силе этого доказательства,

* *Apologie des grands hommes*, p. 192.

надо заметить, что эти обещания касаются главным образом трех пунктов *:

1) Бог обещает сделать потомство этих патриархов более многочисленным, чем все прочие народы на земле; ибо определенно сказано, что бог умножит потомство патриархов, сделает его равным числу звезд на небе, песчинок на берегу морском и пылинок на земле, так что оно будет многочисленнее и могущественнее всех других народов на земле. 2) Бог обещает сделать народ, возникший из их потомства, самым счастливым, святым и победоносным из всех народов на земле; в этих обещаниях определенно сказано, что бог будет оказывать им совершенно особое покровительство, благословит их преимущественно перед всеми другими народами, уделит им самые чрезвычайные милости свои и только во имя их благословит другие народы; сказано, что он возвысит их, вознесет их в славе и чести превыше всех других народов; наконец, там говорится также, что он даст им и победу над всеми врагами, обратит последних в бегство, расстроит их силы, а владычество потомков патриархов распространит от запада до востока, от севера до юга. 3) Бог обещает сделать свой союз с потомками патриархов вечным — определенно сказано, что он заключит с ними вечный союз

* Быт., 12 : 2; 22 : 17; 28 : 14; Исход, 23 : 25—27; Второз., 17 : 14; Быт., 26 : 3; Второз., 26 : 19; Быт., 26 : 24; Второз., 15 : 4; Исход, 20 : 24; Быт., 28 : 14; Быт., 17 : 7; 13 : 15; 18 : 18; Псал., 110 : 3.

и что они всегда будут владеть страной, которую он даст им.

Не подлежит сомнению, что все эти мнимые обещания никогда не были исполнены. Во-первых, бесспорно, что еврейский народ, или народ Израиля,— а только его можно считать потомками патриархов Авраама, Исаака и Иакова и только на нем должны были осуществиться эти обещания,— никогда не был столь многочисленным, чтобы его можно было сравнивать в этом отношении с другими народами земли, а тем более с песчинками на берегу морском или пылинками на земле; он также не умножился за двести или триста лет своего пребывания в Египте в такой мере, как это говорится в его истории (это вообще совершенно неправдоподобно),— во всяком случае невозможно сравнение между этим ростом и песчинками на берегу морском и пылинками на земле. Если бы этот народ действительно размножился в такой мере, как это полагалось ему по вышесказанным якобы божественным обещаниям, то несомненно для расселения его понадобилась бы вся наша земля, не меньше. А между тем даже тогда, когда он был всего многочисленнее, даже во времена своего наибольшего расцвета, он всегда занимал только небольшие области Палестины и окрестных стран; территория их представляет собой почти нуль в сравнении с обширным пространством, занимаемым на всех концах нашей земли множеством разных других обла-

стей, королевств и цветущих империй. Между территорией этого народа и хотя бы одним только французским королевством такое отношение, как между провинциями Шампань и Пикардия и всей Францией. Итак, ясно, что этот народ никогда не был особенно многочисленным, напротив, всегда был очень небольшим в сравнении с другими народами; значит, обещания, якобы данные богом о чудесном и беспредельном размножении этого народа, никогда не были осуществлены.

Во-вторых, не сбылись также обещания, что этот народ будет благословен преимущественно перед всеми другими народами мира и сподобится великих и обильных милостей божьих. Евреи одержали несколько побед над своими врагами, опустошили их земли и взяли несколько городов их, они покорили их, взяли силою оружия области Палестины и окрестных стран. Однако это не мешало тому, что почти все время они чаще всего терпели поражение от своих врагов и попадали в жалкое рабство к победителям. Одно время они мирно процветали под управлением некоторых своих царей, но это не помешало тому, что их царство было разрушено, они сами были уведены в плен и почти полностью истреблены римскими войсками при императорах Тите¹¹⁵ и Веспасиане. То, что осталось от этой жалкой нации, считается, как мы видим еще в настоящее время, самым ничтожным и презренным народом в мире, не имеющим нигде своей территории

и своего государства. Значит, и с этой стороны обещания, якобы данные богом, никогда не были выполнены,— это очевидно. Наконец, в третьих, не сбылись также обещания вечного союза, который бог должен был заключить с ними. Не видать и никогда не было видно никакого верного знака этого союза, напротив — налицо тот факт, что в течение многих столетий евреи не имеют своей территории, не имеют своей земли и не владеют той страной, которая, как они утверждают, обещана и дана им богом на вечные времена. «Всю землю, которую ты видишь, тебе дам я и потомству твоему навеки...» «Дам тебе и потомкам твоим после тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую, во владение вечное; и буду им богом» *. Таким образом, эти мнимые обетования остались явно безрезультатными и неосуществленными; это — верный и наглядный признак их ложности, а следовательно, также верное и наглядное доказательство, что они не исходят от бога. Это с очевидностью доказывает также, что так называемые святыи и священные книги, в которых имеются эти обещания, не были внушены богом, так как они содержат обещания, явно оказавшиеся ложными. А раз они не внушены богом, они никак не могут служить надежным доказательством истины, и, следовательно, наши хриstopоклонники напрасно

* Быт., 13 : 15; 17 : 8; 35 : 12.

выставляют их как непогрешимое свидетельство истинности своей религии.

XXVII. Четвертое доказательство [ложности религий, вытекающее из ложности мнимых обетований и пророчеств ветхого завета]

В качестве оснований веры и одного из доказательств истинности своей религии наши хриstopоклонники ссылаются также на пророчества. Они утверждают, что последние являются надежными свидетельствами истинности божественных откровений и внушения, так как только бог может с достоверностью предвидеть и предсказать будущее задолго до его наступления. При этом они уверяют, что пророки действительно возвещали будущее задолго до его наступления. На это мнимое свидетельство истины ссылается один из апостолов Иисуса Христа, самый рьяный из хриstopоклонников. Сначала он рассказывает, во что он верил, а также все самое изумительное, что он видел и слышал про своего учителя, самое достославное для него, а затем прибавляет еще одно свидетельство, как более солидное и надежное, в подтверждение своих слов и того, что он якобы сам видел и слышал. Мы имеем,— говорил он своим товарищам,— вернейшее пророческое слово; и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте, доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя звезда

в сердцах ваших... Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые божии человеки, будучи движимы духом святым *.

Посмотрим же, что представляют собой эти мнимые пророки и божьи человеки, говорившие так по наитию святого духа, и следует ли придавать им такое значение, какое приписывают им наши хриstopоклонники. В сущности говоря, это несомненно были просто люди, подверженные галлюцинациям **, фанатики, поступавшие и говорившие в аффекте, в порыве обуреваемых страстей и тем не менее воображавшие, что поступают и говорят по наитию духа божьего. Или же это были обманщики, которые прикидывались пророками и, чтобы легче водить за нос темных и простых людей, хвалились, что действуют и говорят по наитию духа божьего ***, хотя отлично знали, что ими руководит не дух божий, а дух лжи и обмана. Не подлежит сомнению, что среди них действительно были люди того и другого склада. Точно так же как теперь можно встретить людей, изображающих из себя сумасшедших и полоумных, не будучи ими, так и в то время были люди, подделывавшиеся под пророков и с этой целью подражавшие тому, что обычно говорили и делали так называемые

* Второе послание Петра, 1 : 19, 21.

** *Viri illusores* — люди иллюзий, — как сказал один из этих мнимых пророков.

*** Исайя, 28 : 24; Иуда ¹¹⁶, 18.

пророки. Поэтому, если бы теперь среди нас появились такие мнимые пророки и даже самые знаменитые из пророков того времени, их несомненно приняли бы у нас просто за людей, подверженных галлюцинациям, за фанатиков или, как я уже сказал, за обманщиков и шарлатанов, ищущих только дураков, способных пойти на их удочку. Любопытное зрелище представляли бы в наше время эти мнимые пророки, забавно было бы теперь слышать их возгласы: «Так говорит господь». Они были бы посмешищем для людей, и несомненно сами наши хриstopоклонники смеялись бы над ними и не могли бы отрицать, что среди так называемых пророков прошлого времени некоторые были просто фанатиками или людьми, страдающими галлюцинациями, или же шарлатанами, сознательно злоупотреблявшими именем и авторитетом бога, чтобы обмануть других и добиться таким путем какой-либо личной цели. Это,— говорю я,— не могли бы отрицать и наши хриstopоклонники, так как из их якобы святых и божественных книг явно следует, что среди народа израильского было много лжепророков, которые осмеливались выступать от имени бога и заявляли: «Так говорит господь», заявляли это с такой беззастенчивостью и уверенностью, словно бог действительно беседовал с ними и действительно вложил в их уста эти слова. Это явствует также из тех резких упреков, которыми осыпали друг друга эти ложные пророки;

один упрекал другого, что он ложно говорит от имени бога *, сам бог,— говорят они,— делал такие упреки». «И было ко мне слово господне,— говорит один из этих мнимых пророков,— обратилось (оно) ко мне и мне сказало: ступай, скажи пророкам израилявым, этим пророкам, которые самовольно выступают с пророчествами. Пойди и скажи: слушайте слово господне. Так говорит господь бог. Горе безумным пророкам, которые водятся своим духом и ничего не видят. Твои пророки, Израиль, как лисицы в пустынях **, они видят пустое, угадывают и предвещают ложь, говорят: «Господь сказал это», хотя господь вовсе не посылал их и вовсе не беседовал с ними; тем не менее они всегда упорствуют и обнадеживают, что ложь их сбудется. А посему,— говорит господь,— я наложу свою руку на этих пророков, видящих пустое и пророчествующих только ложь; в совете народа моего они не будут, и в список дома израилева они не впишутся и не будут иметь доли в наследии своих отцов, потому что они соблазняют мой народ, и вы узнаете таким образом, что я есмь господь бог ***. Пророк и жрец,— говорил другой ****,— осквернились и развратились в своих нравах. Я нашел,— говорит господь,— зло, которое они творят в доме моем и среди

* Софония, 3 : 4.

** Иезек., 12 : 1—4.

*** Иезек., 13 : 6, 8, 9.

**** Иерем., 23 : 11.

моего народа *, я не посылал их, они сами побежали, я не говорил им, а они пророчествовали **. Я видел,— продолжает он,— в пророках Самарии безумие: они пророчествуют именем Ваала и вводят таким образом в заблуждение мой народ Израиля ***. А у пророков Иерусалима я видел (это все говорит бог устами этого пророка) нечестие подобно тому, как у прелюбодеев; они ходят во лжи, поддерживают злодеев, терпят непорядки и смуту ****. Поэтому никто не исправляется от своих пороков и злых влечений, все они стали такими же порочными и развратными, как некогда жители Содома и Гоморры ¹¹⁷. Поэтому,— продолжает этот пророк, бог говорит об этих дурных пророках; я накормлю их полынью и напою их желчью и погублю их, ибо от пророков Иерусалимских нечестие распространилось по всей земле *****.

А вот еще что,— согласно тому же пророку,— говорил бог его устами: пророки,— сказал он,— ложно пророчествуют от моего имени, я не посылал их и не беседовал с ними, они возвещают только ложные видения, пустые предсказания и коварные обольщения своих сердец. Вот почему господь говорит: эти пророки, пророчествующие от моего имени

* Иерем., 23 : 11.

** Там же, 23 : 21.

*** Там же, 23 : 13.

**** Там же, 23 : 14.

***** Там же, 25 : 15.

и не посланные мною, погибнут от меча и голода. Не слушайте своих пророков,—говорил он *, обращаясь к народу,—не слушайте своих гадателей, своих сновидцев, своих ясновидцев, они пророчествуют вам только ложь, ибо я не посылал их,—говорит бог. Они ложно пророчествуют от моего имени. Поэтому не слушайте их слов. Точно таким же образом он предостерегал их и в другом случае. Вот что,—по словам Иеремии,—говорит господь Саваоф ¹¹⁸, бог Израиля **: да не обольщают вас пророки ваши, и гадатели ваши, которые среди вас; не останавливайтесь попусту на снах, ибо они ложно пророчествуют от моего имени, я не посылал их. Наконец, тот же пророк ***, оплакивая несчастное разрушение Иерусалима, некоторым образом приписывает вину в этом несчастьи лжепророкам. Пророки твои,—говорит он в своем «Плаче» ¹¹⁹,—вещали тебе ложные и сумасбродные видения, они внушали тебе ложные надежды и не раскрывали твоего беззакония, чтобы вызвать в тебе чувство раскаяния, которое, быть может, предотвратило бы твое несчастье. А Иисус Христос определенно сказал своим ученикам ****, что восстанут многие лжепророки и прельстят многих: они даже дадут столь великие знамения и чудеса, что в состоянии будут ввести

* Иерем., 27 : 9.

** Там же, 29 : 8.

*** Плач Иерем., 2 : 14.

**** Матф., 24 : 4, 11, 24, 25.

в заблуждение, если возможно, и избранных. Поэтому он предупреждал их: берегитесь, чтобы не прельстили вас. Первые составители этих якобы божественных законов отлично знали, как легко прикрыться именем и авторитетом бога, чтобы импонировать таким образом невеждам и простым людям; они предвидели также, что после них не преминут явиться подобные им, которые пожелают поступать по их примеру и тоже будут выдавать себя за пророков господа. Поэтому они предписывали сурово карать тех, кто вздумает выдавать себя за пророков и выступать от имени бога против того, что [составители] сделали и установили. Так постановил архипророк евреев Моисей в своем законе, который считается данным от бога. Если восстанет среди вас * какой-нибудь пророк и заявит, что ему был сон или видение, или божественное откровение, чтобы увлечь вас на служение и поклонение иноземным богам и богам, которых вы не знаете, и если с целью убедить вас в истинности своих слов он предскажет вам какое-нибудь знамение или чудо, которое действительно наступит, как он вам предсказал,— вы тем не менее не верьте словам этого пророка, этого сновидца и ясновидца, ибо это ваш бог делает поущение, чтобы испытать вас и увидеть, действительно ли вы любите его от всего сердца. А пророка того или сновидца, или ясновидца

* Второз., 13 : 1, 5.

вы предадите смерти, вы не пощадите его, не будете иметь к нему сострадания, каждый из вас тотчас бросит в него камень, и он будет убит на месте за то, что хотел отвернуть вас от служения вашему богу.

А вот что говорит тот же закон, тот же Моисей в другом месте: господь,— говорит он,— воздвигнет тебе другого пророка, как я, из среды братьев твоих; Моисей имел в виду Иисуса Навина, своего преемника. Слушайте его,— сказал он им. А вот как он передает слова, с которыми обратился к нему бог: я воздвигну им пророка из среды их братьев, такого, как ты; я вложу слова мои в уста его, и он будет говорить им то, что я ему повелю. А кто не послушает слов моих, которые этот пророк возвестит от моего имени *, с того я взыщу. Но пророка, который дерзает говорить от моего имени и говорить то, чего я не повелел ему говорить, или пророка, который будет говорить от имени другого бога, такого пророка предайте смерти. А вот что говорится в этих книгах о том, каким образом бог якобы говорил и давал узнать себя своим пророкам. Бог сошел в облачном столпе, стал у входа в скинию и позвал Аарона и его сестру Марию [Мариам]; он обратился к ним со следующими словами: Слушайте слова мои: если есть среди вас какой-либо пророк господень, я откроюсь ему в видении и буду говорить с ним во сне; но

* Второз., 18 : 15, 18—20.

не так с рабом моим Моисеем, который верен (мне) во всем доме моем, я говорю с ним устами к устам, и он видит меня действительно и явно, а не только в сумерках и видениях. Как же,—сказал он им,—вы не убоялись говорить против Моисея, раба моего! *. Таким образом, в ночном видении и сне он явился Аврааму **, когда велел ему пойти из своей страны; в ночном видении и сне он явился Аврааму также тогда ***, когда велел ему пойти и принести в жертву сына своего Исаака. И, наконец, таким же образом он явился ему и говорил с ним, когда велел ему идти в Египет ****. Точно таким же образом он говорил Натану и Самуилу *****. Исая сам называет эти пророчества видением *****. Иеремия называет их ложными видениями и обманчивыми гаданиями *****. Иезекииль, Даниил, Осия и все другие мнимые пророки называют свои пророчества видениями, бывшими у них чуть ли не всегда только ночью во сне. Оттого и в книге Иова ***** сказано, что бог говорит в ночном видении, во сне; когда сон нисходит на людей и они дремлют на своем ложе, тогда он отверзает их уши и говорит

* Числ., 12 : 5—8.

** Быт., 15 : 7—17.

*** Там же, 22 : 3.

**** Быт., 46 : 2.

***** 1 кн. Паралипом, 17 : 3—14.

***** Исая, 1 : 1.

***** Иерем., 14 : 14.

***** Иов., 13 : 15.

с теми, кого желает наставить. А великий Павел, сосуд избрания, рассказывая о своем восхищении на небо *, говорит, что не знает, было ли это в теле или в духе, говорит, что он был восхищен на небеса и при этом видел и слышал изумительные вещи, которые человеку не дано выразить словами. Что касается того, каким способом эти мнимые пророки получали свои мнимые видения и божественные откровения и вещали о них, то обычно делалось это в такой же манере, с таким же исступлением, с такими же ужимками и жестами, какие обычно видят у фанатиков. Жрецы или сивиллы, точно так же, как все другие пророки и пророчицы язычников, делали предсказания и произносили прорицания ** в порыве какого-то экстаза, прерывистым голосом и в резких конвульсиях, подобных судорогам одержимых. Точно так же обстояло дело и с большинством наших мнимых пророков: когда их охватывала эта мания пророчества, на них находило какое-то состояние неистовства, они делали несуразные и смешные жесты и движения, как настоящие фанатики. У нас есть явные примеры этого в лице Саула, первого царя евреев, и тех, которых он однажды послал схватить Давида: этот царь послал своих воинов схватить Давида, которого он намеревался повесить, но, когда увидели Давида с толпой пророков, пророчествовавших во главе с Са-

* II посл. к Кор., 12:2.

** Recueil des Conferences, t. 5, p. 201.

муилом, воинами, как рассказывается в священной истории, овладел дух господень, и они сами принялись пророчествовать, как и прочие; поэтому Саул вынужден был отправить других воинов, но с ними случилось то же самое. Тогда Саул пришел в великий гнев и решил отправиться сам, чтобы схватить того, кого он хотел повесить. Но, прибыв на место, Саул сам немедленно охвачен был духом господним, он сбросил свои одежды и стал ходить, как помешанный, и пророчествовать вместе с другими, затем бросился ниц совсем нагой и оставался в таком виде весь день и всю ночь. С той поры стали говорить, и это вошло в пословицу: как Саул тоже пустился пророчествовать! «И Саул во пророцех!» Разве это не те же кошмары и призраки фанатиков, не те же телодвижения, не то же исступление? Разумеется, да; ибо только фанатикам свойственны такие сумасбродства, и если бы в наше время увидели нечто подобное, то никто не судил бы о них иначе. Итак, эти стаи пророков были в действительности лишь стаями фанатиков.

Все приведенные выше примеры и свидетельства, не говоря уже о ряде других подобных им, чтобы не слишком распространяться, наглядно показывают, что все эти мнимые пророки на самом деле, как я сказал, были просто фанатиками, людьми, страдающими галлюцинациями, и злостными обманщиками, так как они сами называли свои мнимые пророчества видениями, а эти видения, во всяком

случае большинство их, были лишь ночными видениями, призраками, иллюзиями, сновидениями. Оттого этих людей даже в то время называли сновидцами или сочинителями снов, как это явствует из приведенных мною примеров. Наконец, это были только фанатики или люди, прикидывающиеся фанатиками, так как они говорили и поступали точно так же, как поступали бы фанатики,— это видно из тех же примеров. И, наконец, это были, во всяком случае в большинстве, только шарлатаны, так как столько их ложно пророчествовало от имени бога с целью обмануть темных и простых людей и сами они с такой резкостью обвиняли друг друга в этом надувательстве. Я говорю, что это были, во всяком случае большею частью, только шарлатаны и фанатики, потому что сами наши хриstopоклонники не могут отрицать, что лжепророков было гораздо больше, чем тех, которых они могут выдавать за истинных пророков. Ведь один из этих последних, а именно Илия* умертвил в один день 450 таких лжепророков, не считая тех, которых в свое время умертвили Ииуй и Иосия, тогда как наши хриstopоклонники с трудом насчитают за все время Моисеева закона две дюжины пророков, которых они находят истинными. Это показывает, что число лжепророков было несравненно больше, чем число пророков, выдаваемых за истинных.

Что касается их взаимных резких упреков

* 1 Цар., 18, 19, 22, 40.

в самозванном пророчестве от имени божьего, то они, на мой взгляд, напоминают упрек, который чугунок делал котелку: *Voe tibi, voe nigrae, dicebat sasabus ollae**. Ибо ясно, как день, что и те и другие были в одинаковой степени лжепророками и обманщиками. А раз наши хриstopоклонники вынуждены признать, что большинство этих мнимых пророков и чуть ли не все они были в действительности только визионерами, фанатиками или шарлатанами, то теперь их, хриstopоклонников, дело доказать ясными, надежными и убедительными доводами и основаниями, что те, для которых они делают исключение, не были лжепророками, как другие, а действительно поступали по наитию от бога. Можно быть безусловно уверенным, что им не удастся доказать это какими-либо действительными и серьезными аргументами.

Напротив, я докажу на основании серьезного рассуждения, что эти пророки были такими же лжепророками, как и другие. Вот мое доказательство: каждый пророк, который ссылается на наитие от бога, но предсказания которого не сбываются, а, напротив, оказываются ложными, не есть настоящий пророк. Это действительная примета, и наши хриstopоклонники даже уверяют, что ее дал сам бог для распознавания лжепророков.

Вот какие слова они приписывают богу в его законе **: пророка, который дерзает гово-

* Горе тебе, горе черному, говорил котелок чугунку

** Второз., 18 : 20.

рить от моего имени и говорить то, что я не повелел ему говорить, предавайте смерти. А если вы скажете себе, как же мы узнаем, какое слово не принадлежит богу, то вот,— говорит бог,— по какому признаку вы это узнаете. Если пророк скажет что-нибудь * от моего имени и сказанное им от моего имени не сбудется, вы будете знать по этому признаку, что не господь говорил, а говорил пророк по дерзости и заносчивости. А у пророка Иеремии ** сказано, что если какой пророк предскажет от имени господа мир и слово его сбудется, то тогда будете знать, что он действительный пророк и действительно послан богом. Итак, верный признак для распознавания лжепророков и предсказаний, ложно выдаваемых ими за сделанные от имени бога, есть то, что вещи, предсказываемые ими от его имени, не сбываются, как они их предсказали.

На основании сказанного можно показать, что так называемые святые пророки в действительности являются только лжепророками, так как мы находим в них, т. е. в их писаниях и пророчествах, верный признак лжепророков: самое важное и главное из того, что они предсказывали от имени господа бога в пользу еврейского народа, не наступило согласно их предсказаниям, напротив — воочию видно, что все обратилось к их невыгоде и посрамлению. В доказательство стоит

* Второз., 22.

** Иерем., 28 : 9.

только привести слово в слово все то великое и преславное, что они напроорочествовали своему народу, и сличить затем эти предсказания с тем, что последовало. Это наглядно покажет нам, верны ли их пророчества или ложны.

Во-первых, Моисей, этот знаменитый Моисей, которого считают архипророком Божиим и который на этом мнимом основании был главой и вождем еврейского народа, называвшего себя народом Божиим, избранным народом, возлюбленным от бога, этот Моисей обещал и пророчествовал своему народу от имени бога, что он будет особо избранным от бога, что бог освятит и благословит его превыше всех народов земли и даст ему в вечное владение страну ханаанеян и соседние области. Однако эти обетования и пророчества оказываются явно ложными, так как ни теперь, ни когда-либо прежде в этом народе не заметно было никакого особенного признака святости или особого избрания и особого покровительства божьего. Напротив, воочию видно, что этот народ в течение нескольких столетий лишен обладания теми землями и странами, которыми он должен был бы владеть во веки вечные, если бы данные ему обетования и пророчества были действительными. Однако действительны ли они или нет, народная масса, к которой они обращались, так полагалась на эти якобы божественные обещания и откровения, что в самом деле поверила, что евреи единственный народ, избранный и воз-

любленный богом. Поверив в это, народная масса легко убедила себя, что у бога только и есть в голове, что забота об ее благополучии и счастье и что за ней остаются все милости и благословение неба. Поэтому те, кто после Моисея были самыми рьяными ревнителями славы своего бога и соблюдения его мнимого закона, считали своим долгом поддерживать и даже укреплять в уме народа надежды, соответствующие столь великим и заманчивым обещаниям, и не переставали уверять народ, что бог исполнит свои обещания. Но, видя, что бог все медлит с исполнением их, они догадались объяснить это тем, что народ сам своими пороками и дурным поведением сделал себя недостойным узреть исполнение столь прекрасных и щедрых обещаний, данных ему богом. Поэтому они принялись всячески разглагольствовать против пороков и дурного поведения народа и угрожали последнему и его дурным правителям страшными карами божьими, если они не опомнятся и не отступят от своих пороков. А чтобы придать больше веса и авторитета своим словам, они стали выступать в качестве пророков, причем как бы старались перещеголять друг друга выдумыванием откровений и чудесных пророчеств. С одной стороны, они расписывали временные наказания, которым бог подвергнет евреев за их пороки; с другой стороны, они размалевывали великие и чрезвычайные милости, которые ждут евреев у бога после того, как он

достаточно покарает их и всецело и окончательно обратит к себе. В этих мнимых пророчествах определенно говорится, что бог сурово покарает их за пороки, отринет их от своей дружбы и отдаст их в жертву могуществу и неистовству их врагов, сокрушит их и уведет в позорный плен за пределы их страны и что они будут жалким образом рассеяны среди чужих народов. Но в этих же пророчествах особо говорится, что после этого бог смягчит свой гнев против еврейского народа и обрушит все свое отмщение на тех, которые угнетали этот народ. Говорится, что бог вернет ему свою дружбу и благоволение во внимание к вечному союзу, который он заключил с ним и его потомством, и будет после этого осыпать его своими милостями и благословениями, как никогда прежде. Для этого, говорится в пророчествах, он пошлет ему могучего избавителя, который освободит его из плена, очистит его от грехов, соберет всех рассеянных и вернет их во славе во владение всеми их землями и странами. Там евреи будут жить в постоянном мире и безопасности и наслаждаться обилием всяческих благ и счастьем, будут обеспечены от страха вражеского нашествия. В довершение, все прочие народы будут приходить и охотно воздавать им честь, радостно признавать и почитать величие их бога и приносить ему в его храме жертвы, как предписано законом. Все эти прекрасные и заманчивые обещания оказываются явно ложными.

Вот в подлинных выражениях эти замечательные пророчества или, по крайней мере, часть их, так как было бы слишком долго приводить все эти пророчества.

Господь полон милосердия,— говорит пророк царь Давид *,— он сам искупит Израиля от всех его беззаконий **. Дела бога— только справедливость и истина: он пошлет искупление своему народу, и союз его с ним будет существовать вечно. Да возрадуются небо и земля, говорит он еще ***, да возрадуются поля, пусть деревья и даже леса прыгают от радости, потому что грядет господь и грядет для того, чтобы управлять землей, он будет управлять всеми народами по справедливости и правде. Все вы, боящиеся господа, восхваляйте его,— говорит этот пророк,— а ты, народ Израиля, превозноси его. Все народы на земле,— говорит этот пророк ****,— обратятся к господу и будут всюду поклоняться его божественному величию, потому что господь есть царь всех царей и подчинит всех своим законам.

Господь,— говорит пророк Исайя *****,— поднимет знамя среди народов и соберет со всех сторон рассеянных сынов Израиля, и враги их погибнут. Это уже задолго до Исайи было предсказано самим Моисеем. Вот что говорил Моисей народу израильскому: когда

* Псалмы, 130 : 7.

** Там же, 111 : 7, 9.

*** Там же, 96 : 11, 12.

**** Там же, 22 : 27—30.

***** Исайя, 11 : 12.

господь покинет тебя и отдаст во власть твоих врагов за грехи твои и рассеет тебя среди других народов за злые дела твои, он все же водворит тебя обратно в страну отцов твоих, и ты будешь владеть ею в благословении и мире; господь умножит твое потомство больше, чем умножил его у твоих отцов, он подвергнет обрезанию твое сердце и сердце твоих потомков, дабы ты возлюбил его всем сердцем и всею душою, он снимет с тебя все проклятия и обрушит их на твоих врагов и на тех, которые ненавидят тебя и преследовали тебя, ты возвратишься к господу богу твоему, будешь послушен его слову, и он пошлет тебе в изобилии все блага; он благословит труды рук твоих, он благословит плод чрева твоего и плод твоего скота и плоды твоей земли, ты будешь собирать их в изобилии, ибо возрадуется господь, и будет ему приятно осыпать тебя благами всякого рода. Вот какие радужные и прекрасные обещания давал Моисей народу израильскому от имени бога. По этому образцу выступали все прочие пророки последующих времен.

Вот слово,— говорит один из этих мнимых пророков,— вот слово, которое было в видении к Исайе, сыну Амосову, о Иуде и Иерусалиме (другими словами: обо всем еврейском народе, который был народом Израиля). И будет в последний день, гора дома господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы. И пойдут многие народы и скажут: придите,

и взойдем на гору господню, в дом бога Иаковлева, и научит он нас своим путям, и будем ходить по стезям его: ибо от Сиона выйдет закон и слово господне,— из Иерусалима. И будет он управлять народами и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала и копья свои на серпы, не поднимет народ на народ меча, они не будут более предаться войне. И унижена будет гордыня людей, поднявшиеся будут унижены, один господь будет хвалим и превозносим, а что касается идолов,— они будут полностью уничтожены *.

Да возвеселятся те, которые считают себя покинутыми,— говорит тот же пророк,— пусть мужаются слабые, пусть ободрятся робкие, пусть не боятся ничего. Ибо вот ваш бог, который отомстит всем вашим врагам. Бог придет сам и освободит вас, он поведет вас прямой и верной дорогой, где не будет ничего опасного для вас, и все, искупленные господом, придут в Сион благополучно и радостно, печаль и скорбь не будут более удручать их, они будут вечно пребывать в веселии **. Все эти прекрасные и великолепные обещания и пророчества оказываются явно ложными.

Утешься, утешься, народ мой,— говорит бог устами того же пророка,— утешься; скажите Иерусалиму, что наказание его закончено, что неправды его прощены ему и что бог взыскал двойное возмездие за грехи его. Возвысьте с

* Исайя, 2 : 1, 2, 3, 4, 17, 18.

** Там же, 35 : 4—10.

силой голос свой, возвестите городам Иудеи добрые вести. Скажите *: вот господь, он грядет с силой и мощью и приносит с собой свои награды, он защитит свой народ, как пастух защищает свое стадо. Он сам понесет его в своем лоне.

Израиль,— говорит тот же пророк,— будет спасен спасением вечным и никогда впредь не будет подвергаться позору и посрамлению, которому он подвергся **. Восстань, восстань, облекись в силы твои, Иерусалим, город святой, облекись в свои праздничные одежды, потому что отныне не войдут уже к вам необрезанные и нечистые. Ты испил чашу моего гнева, осушил ее до дна, но отныне ты не будешь больше пить из нее ***.

Я сам, я сам,— говорит бог,— заглаживаю грехи твои; я заглажу их ради себя самого и грехов твоих не помяну, сделаю так ради себя самого; я не потерплю хулы имени моего и не отдам своей славы другому ****.

Возрадуйся, бесплодная, предавайся веселью и пой ликующие песни ты, которая была оставлена; ибо дети твои будут многочисленнее, чем дети той, которая не была оставлена. Не бойся, ибо ты не будешь больше посрамлена, не бойся, ибо господь бог, искупитель твой и бог всей земли, будет царствовать среди вас. Он покинул тебя на корот-

* Исайя, 40 : 1, 10—11.

** Там же, 45 : 17.

*** Там же, 52 : 1.

**** Там же, 43 : 25.

кое время, но воспримет тебя с великим милосердием; он скрылся от тебя и явил тебе свой гнев в продолжение малого времени, но он вечно будет иметь сострадание к тебе. Ибо точно так же, как он поклялся Нюю не посылать более потопа на землю, он поклялся также, что не восплает больше гневом против тебя и не будет карать тебя. Горы и холмы могут поколебаться и сдвинуться с места, но милость божья не отступит от тебя, и союз его с тобой будет прочен,— говорит бог, страдающий к тебе. Стены этих городов будут построены из яшмы и сапфира и всякого рода драгоценных камней, все дети твои будут научены самим богом, правда будет основой твоих законов, ты не будешь бояться угнетения и клеветы, всякий страх будет далек от тебя *.

Восстань, Иерусалим, и воссияй, ибо приходит свет твой, и слава господня взойдет над тобой. Тьма покроет землю и мрак народы: а над тобою воссияет господь и слава его явится над тобою. Народы будут ступать только при свете твоего сияния, и сами цари будут следовать только лучам твоего блеска. Возведи очи твои и посмотри, как все народы собираются вокруг тебя, чтобы служить тебе. Сыновья и дочери твои придут издалека; ты возликуешь, когда увидишь, что все морские сокровища придут к тебе. Ты увидишь, как придет к тебе множество верблюдов и

* Исая, 54.

дромадеров из страны Мадиама и Эфы, а также все из Савы, чтобы поклониться тебе и принести тебе золото и благовония и возвестить славу господа, бога твоего. Иноземцы будут строить стены твои, и цари их поступят к тебе на службу. И будут всегда открыты ворота твои, не будут затворяться ни днем ни ночью, чтобы привести к тебе все силы народов, и цари их тоже будут приведены; ибо всякий народ и всякое царство, которые не будут служить вам, погибнут. Дети угнетавших тебя придут к тебе с покорностью и назовут тебя городом господа, городом святого Израиля; и за то, что ты был покинут и ненавидим, так что никто не проходил через тебя, господь поставит тебя на вечной высоте, в постоянной радости из поколения в поколение, и ты увидишь из этого, что господь спас тебя и что он твой искупитель. По воле его будет тебе доставляться золото вместо меди, серебро вместо железа, медь вместо дерева и железо вместо камня. Он утвердит правду и мир в твоей среде и среди правителей твоих, так что уже не слышно будет о насилии и об угнетении, а будет речь только о хвале, спасении, мире и благословениях. Ты не будешь уже нуждаться в солнечном освещении днем и в лунном свете ночью, потому что господь будет твоим светом и вечной славой твоей; таким образом, солнце твое больше не зайдет, и луна твоя не сокроется, господь будет тебе вечным светом, и кончатся дни сетования твоего.

Народ твой весь будет праведный, навеки будет владеть землей, он будет, как отрасль насаждения божьего, как дело рук божьих. Самый малый среди вас вырастет и расплодится тысячами, самый слабый станет как могущественный народ *. Все эти прекрасные и щедрые обещания и пророчества оказываются ложными.

Все цари и все народы на земле,— говорит тот же пророк,— узрят славу Иерусалима, когда спаситель его освободит его, и тогда назовут его новым именем, которое нарочито нарекут уста господа, он будет, как венец славы в руках господа и как царская диадема на длани бога своего, его не будут более называть оставленным, а землю его — пустынею, а будут называть его благоволением господа,— потому что он будет нравиться господу. Ибо господь поклялся своей десницей и силой своей мышцы, что не даст более пшеницы твоей ** врагам в пищу, не даст иноземцам пить вино твое, а будут есть ее, восхваляя господа, те, кто собирал ее, и пить его во дворах святилища божьего те, кто растил его ***.

Вот,— говорит еще бог устами того же пророка,— я сотворю новое небо и новую землю, и прежние вещи будут забыты; вы навеки будете радоваться и веселиться над тем, что я сотворю. Я сотворю Иерусалим, чтобы он

* Исая, 60.

** Там же

*** Исая, 65 : 17—25.

был одной радостью и жизнь народа его сплошным веселием. Я сам,—говорит бог,—возрадуюсь Иерусалиму и народу его, и не слышно будет уже среди него плача и стенаний, они будут строить дома и жить в них, будут насаждать виноградники и вкушать плоды их; нельзя будет уже сказать, что дома будут строить одни, а жить в них будут другие, что одни посадят виноградники, а плоды их будут вкушать другие, ибо дни моего народа будут, как дни деревьев, и избранники мои узрят, как приходят в старость труды их рук; они не будут более трудиться понапрасну и рожать детей на горе, ибо будут семенем благословенным от господя; они и потомство их я услышу их прежде, чем они воззовут ко мне. Волк и ягненок будут пастись вместе, лев и бык будут мирно есть солому, а для змия прах будет пищей, они не будут причинять друг другу никакого зла, и на всей святой горе моей не будет речи об убиении какого-либо животного *. Все эти прекрасные и щедрые обещания и пророчества оказываются явно ложными. И Иисус Христос говорил своим ученикам, что они восплачут и возрыдают, когда мир возрадуется **, и что их будут преследовать и предавать смерти ***; это совершенно противоречит всем вышеприведенным велеречивым обещаниям.

* Исайя, 16 : 20.

** Матф., 10 : 17.

*** Луки, 21 : 16, 17.

Возвеселитесь с Иерусалимом,— говорит еще тот же пророк,— возрадуйтесь вместе с ним все вы, любящие его, возвеселитесь все, пребывающие в печали и горе, да вкусите вы сладости господа и насытитесь от сосцев утешений его. Ибо так говорит господь: я направляю к нему реку мира, и слава народов придет к нему, как разливающийся поток; я буду ласкать вас, чтобы утешить вас так, как мать ласкает своего ребенка, чтобы успокоить его. Ибо вы будете утешены в Иерусалиме, вы увидите это. Ваше сердце возрадуется, ибо мощь господа обнаружится перед его слугами, осыпая их всякого рода благами, но врагам его она даст чувствовать силу его гнева *. Рабы мои будут есть, а вы будете голодать, рабы мои будут пить, а вы — томиться жаждой; рабы мои будут веселиться, а вы будете в стыде; рабы мои будут петь от сердечной радости, а вы будете кричать от сердечной скорби и рыдать от сокрушения духа **.

В то время,— говорит бог через пророка Иеремию,— когда вы расплодитесь и размножитесь на земле, я дам вам пастырей, которые будут пасти вас со знанием и благоразумием; в то время назовут Иерусалим престолом господа, и все народы соберутся к нему во имя господа, который пребывает в Иерусалиме, и не будут более следовать дурным

* Исая, 66 : 11, 16.

** Там же, 65 : 13, 14.

влечениям своего сердца *. Вот наступают дни,— говорит господь,— когда я обращу мой народ Израиля и Иуды, приведу их опять в ту землю, которую я дал отцам их, и они будут владеть ею. В этот день,— говорит господь Саваоф [господь воинств],— я сокрушу их иго и разорву их узы, которые держали их в неволе; они не будут более под властью чужеземцев, а будут служить только господу и Давиду, царю их, которого я им восстановлю. И вот, народ мой Иуды, и ты, народ мой Израиля, не бойся и не страшись, ибо я выведу вас и ваше потомство из стран, где вы находитесь в плену. Иаков возвратится и будет жить спокойно и в мире, он будет в изобилии наслаждаться всякого рода благами, и никто не устршит его, они будут моим народом, и я буду их богом **.

Вот что говорит господь по словам того же пророка: Возрадуйтесь, ибо господь готов освободить свой народ. Он их соберет со всех концов земли и они придут с радостью и хвалой владеть благами, которые господь предоставит им в изобилии: пшеницей, вином, елеем и множеством крупного и мелкого скота. Их душа насладится всем этим вдоволь. Они не будут больше страдать от голода. Я напитаю душу священнослужителей туком до упоения, и мой народ будет осыпан благами ***.

* Иерем., 3 : 15—17.

** Там же, 30 : 3, 8, 9, 10.

*** Там же, 30 : 7, 12.

В те дни,— говорит бог,— я заселю дом Израиля и Иуды людьми и животными, и, как я наблюдал за ними, карая, сокрушая и искореняя, так я буду блюсти над ними, чтобы восстановить их. В те дни уже не будут говорить: отцы сли кислые плоды, а у детей от этого на зубах оскомины; но каждый будет умирать за свое собственное беззаконие. Вот наступают дни,— говорит господь,— когда я заключу с домом Израиля и домом Иуды новый завет, не такой завет, какой я заключил с отцами их в тот день, когда я вывел их из Египта, завет, который они не соблюдали. Но вот завет, который я заключу с ними,— говорит господь: я вложу закон мой в их сердца, я напишу его в сердце их, и буду я их богом, а они — народом моим. И уж не надобно будет одному учить другого, своего ближнего, брату поучать брата и говорить: познайте господа, ибо все они будут знать меня, от самого малого среди них до самого большого; потому что я прощу беззакония их и не буду более помяинать их грехов. Скорее погибнут все народы на земле, чем потомство Израиля будет терпеть какую-либо нужду передо мной *.

Так говорит господь: вы говорите, что этот город (он имеет в виду Иерусалим) будет предан в руки царя Вавилонского и что жители погибнут от голода, меча и моровой язвы. И вот, я соберу их из всех стран, в которых

* Иерем., 31 : 27—37.

я рассеял их в гневѣ своемъ, я возвращу ихъ на место сие и устрою имъ здѣсь безопасное житіе, они будутъ моимъ народомъ, а я буду ихъ богомъ; я дамъ имъ одно сердце, я поведу ихъ по одному пути, дабы они всегда боялись меня, а я благодетельствовалъ имъ и дѣтямъ ихъ после нихъ. Я заключу съ ними вечный заветъ; что не перестану благотворить имъ. Я вложу въ сердце ихъ страхъ передо мною, чтобы они не отступали отъ меня. И буду радоваться на нихъ, благотворя имъ, я водворю ихъ въ этой странѣ, [сделаю это] отъ всего сердца моего и отъ всей души моей,— такъ говоритъ господь,— ибо какъ я навелъ на этотъ народъ все то зло, которое онъ претерпеваетъ, такъ я наведу на нихъ все то благо, которое я имъ обещаю *.

Такъ говоритъ господь, богъ Израиля, домамъ этого города, которые разрушены: я закрою ихъ раны и дамъ имъ полное исцеленіе, я буду имъ обилиемъ мира и истины, и возвращу Иуду и Израиля изъ плена и водворю ихъ такъ, какъ они жили прежде; я очищу ихъ отъ всего нечестія, которымъ они грѣшили передо мною, я прошу имъ все беззаконія ихъ **.

Такъ говоритъ господь,— вѣщаетъ пророкъ Іезекииль ***: когда я соберу домъ Израиля ото всехъ народовъ, среди которыхъ я рассеялъ ихъ, я явлю въ нихъ святость мою передъ глазами всехъ племенъ, и они будутъ жить на землѣ, ко-

* Иерем., 36—42.

** Тамъ же, 33 : 6, 7, 8.

*** Иезек., 39 : 25, тамъ же, 34 : 24 и 36 : 23.

тору я дал рабу моему Иакову; они будут жить на ней в безопасности, построят там дома, насадят виноградники и будут жить в безопасности, потому что я произвел суд свой над теми, которые угнетали их, и они узнают, что я господь вечный и их бог.

Так говорит господь: я спасу стадо мое, так что оно уже не будет расхищаемо, я изгоню из их страны все виды хищных зверей, так что будут жить в безопасности в пустынных местах и спать в безопасности в лесах. Они не будут более добычей иноземных народов. Звери земные не будут причинять им никакого вреда, и никто не будет пугать их. Так говорит господь дому Израиля: я освящу великое имя мое, которое вы обесславили среди народов, и узнают эти народы, что я — господь, когда явлю на вас святость мою перед глазами их. И возьму вас из народов и соберу вас из всех стран и приведу вас в землю вашу; и окроплю вас чистою водою, и вы будете очищены, я очищу вас от всех скверн ваших и от всех ваших богов навозных, и дам вам сердце новое и вложу в него новый дух, и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце из плоти, я вложу в вас дух мой и сделаю так, что вы будете ходить в заповедях моих и выполнять их. И будете жить на земле, которую я дал отцам вашим, и будете таким образом моим народом, а я буду вашим богом. И освобожу вас от всех неправд ваших, умножу плоды на деревьях ваших и жатву ваших полей, чтобы

впредь не терпеть вам поношения среди народов из-за голода *.

Все эти прекрасные и велеречивые обещания и пророчества оказываются явно ложными.

Так говорит господь: возвращу Иакова из плена и помилую весь дом Израиля и возревную по славе святого имени моего. Когда они понесут весь позор и всю кару за свои беззакония, я возвращу их из народов и соберу их из земель врагов их. И явлю в них святость мою перед глазами многих народов, и не буду более скрывать от них лица моего, потому что я изолью дух мой на весь дом Израиля,— говорит бог.

Так говорит господь: я возьму сынов Израиля из среды народов, к которым они пошли, соберу их со всех сторон и приведу их в землю их. Они будут уже только одним народом, и один царь будет царем у всех них, они не будут более двумя народами и не будут впредь разделяться на два царства. Они не будут более осквернять себя ни идолослужением, ни своими мерзостями и беззакониями, ибо я избавляю их от их беззаконий и очищу их от всех их скверн. Они будут моим народом, а я буду их богом. Они будут ходить в заповедях моих и верно соблюдать мои уставы. Они будут постоянно жить, они и дети их, на земле, которую я дал рабу моему Иакову. Я заключу

* Иезек., 39 : 25.

с ними завет мира и завет, который будет вечным, потому что я умножу их и поставлю свое святилище среди них, чтобы быть там вечно и дабы знали народы, что я бог, который святит Израиля *.

Вот наступают дни,— говорит господь,— и восстановлю отпрыск семени Давида, это будет праведный отпрыск, он будет царствовать как царь, он будет мудр и будет вершить суд и правду на земле. В эти дни Иуда спасется, и Израиль будет в безопасности, и вот имя этого праведного отпрыска, его будут называть: господь, оправдание наше **.

Во дни тех царей,— говорит пророк Данииил,— подразумевается: после царей вавилонских, о которых он говорил:— бог небес воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет предано другому народу, таким образом оно сокрушит и поглотит все другие царства и само будет стоять вечно. Царство же и власть и величие царственное во всей поднебесной дано будет народу святых всевышнего, и царство этого народа будет царством вечным, и все цари будут служить и повиноваться ему. Семьдесят седмин определены для народа твоего и святого города твоего, чтобы положить конец греху, загладить кривду, ввести справедливость и вечное царство ее ***.

* Иезек., 37, 21.

** Иерем., 23 : 5, 6.

*** Данииил, 2 : 44; 7 : 27, 9 : 24.

Сыны Израиля,— говорит пророк Осия,— будут долгое время оставаться без царей, без управления, без жертвоприношений, без жертвенников, без эфода и терафима¹²⁰. Но после этого сыны Израиля вернутся к господу богу своему и убоятся могущества его в последний день *. И заключу,— говорит господь,— в то время союз с полевыми зверями, с птицами небесными и с пресмыкающимися по земле. Я разобью лук и меч, я положу конец войне и дам им спать в безопасности. В тот день,— говорит господь,— я услышу небо, и небо услышит землю, и земля произведет пшеницу, вино и елей, я помилую немилованную и назову моим народом тот, который не был моим народом **.

Все эти прекрасные и велеречивые обещания и пророчества оказываются явно ложными.

Господь,— говорит пророк Иоиль,— возревновал к земле и тронут состраданием к своему народу, он сказал своему народу: вот, ниспошлю вам пшеницу, вино и елей, и вы будете насыщены ими, и более не отдам вас на поругание народов. Вот в те дни и время,— говорит господь,— я возвращу из плена Иуду и Израиля, я соберу все народы и приведу их в долину Иосафата и там произведу суд над ними за народ мой и наследие мое, Израиля, которого они рассеяли между

* Осия, 3 : 4, 5.

** Там же, 2 : 18, 21, 22, 23, 24

народами, а о народе моем бросали жребий. Вы взяли мое золото и серебро,— говорит он врагам народа,— вы унесли в капища свои самые драгоценные и лучшие мои вещи и продавали сынов Иуды и сынов Иерусалима, чтобы удалить их из их страны. Но вот я подниму их с того места, куда они были отправлены, после того как были проданы вами, и отомщу вам за такое обращение с ними, я продам ваших сынов и дочерей сынам Иуды, которые продадут их другим, болес отдаленным народам, ибо господь [так] сказал. Провозгласите во всеуслышание среди народов, готовьте войну, возбуждайте храбрых, пусть приготовятся и выступят все ратоборцы, перекуйте орала ваши на мечи и серпы на копья, слабый пусть говорит: я силен, ибо возгремит господь с Сиона и грянет глас его из Иерусалима, содрогнутся небо и земля, и будет бог надеждой и силой сынов Израиля. Тогда вы узнаете, что я господь, обитающий на Сионе, величественной горе, и не будут уже иноплеменники проходить через него [Иерусалим]. И будет в то время: горы будут источать сладость вин, с холмов потекут молоко и сливки, воды живоительно потекут во всех ручьях земли Иуды, и из дома господня забьет источник, который оросит потоки терний, Египет превратится в пустыню, и Едем станет пустыней гибели за то зло, которое они несправедливо учиняли сынам Иуды, а Иудея будет заселена вечно, и Иерусалим будет существовать из рода в род,

ибо я смою пятна их крови, которые еще не смыл, и господь будет обитать на Сионе *.

Вот,—говорит бог у пророка Амоса,—наступит время, когда пахарь застанет еще жнеца, а топчущий виноград застанет сеятеля, горы будут источать сладость вин, и все холмы будут возделаны. И возвращу из плена всех тех из народа моего, которые были уведены в плен, они отстроят свои развалившиеся дома, насадят виноградники и будут пить вино из них, они разведут сады и будут собирать и есть плоды из них. Ибо я водворю их на землях их, и не будут они более изгоняемы оттуда,—говорит господь бог **.

Спасение будет на горе Синае [это есть Иерусалим], она будет святыней, и дом Иакова будет владеть теми, которые держали в плену его сынов, и дом Иакова будет, как огонь, а дом Иуды, как пламя, которые пожрут их врагов, как огонь пожирает солому ***.

Я соберу весь дом Иакова, соберу полностью остатки Израиля и соединю их, как стадо в овечьем загоне, они составят толпу в своем многолюдстве. Перед ними пойдет их вождь, чтобы проложить им путь, они сокрушат все преграды на своем пути, и сам господь будет во главе их. И будет в последние дни: гора дома господня будет поставлена во

* Иоиль, 2 : 18 и 3 : 1

** Амос, 9 : 13.

*** Авдий, 17.

главу гор и возвысится над всеми холмами; и потекут к ней толпою народы, поспешат туда многие народы и скажут: пойдем, взойдем на гору господню и в дом бога Иакова, он научит нас путям своим, и будем ходить по стезям его; ибо от Сиона выйдет закон и слово господне от Иерусалима. И будет он править многими народами и обличит многие сильные племена вплоть до отдаленных стран, и перекуют они свои мечи на орала и свои копья на серпы, не поднимет больше один народ на другой меча и не будут больше воевать между собой, а каждый будет сладостно отдыхать под своей виноградной лозой и под смоковницей своей, и никто уже не будет приводить их в страх и трепет, ибо уста господа изрекли [это] *.

Все эти прекрасные и велеречивые обещания и пророчества оказываются явно ложными.

И будет остаток дома Иакова,—говорит тот же пророк,—среди народов, как роса от господа, как легкий дождь, падающий на траву, когда этого не ожидают. И будет остаток Иакова среди племен и народов, как лев среди зверей лесных и как львенок среди стада овец, который растерзает все, что ему попадется на пути: ибо они будут преследовать своих противников и никто из врагов не спасется. Я истреблю,—говорит бог,—всех истуканов и устраню из среды твоей все изваянные кумиры, и ты не будешь более

* Михей, 2 : 12 и 4 : 1.

простирайтесь ниц перед изделиями рук своих. Кто подобен тебе, господи, тебе, удаляющему беззакония и изглаживающему грехи остатка твоего наследия. Он не будет больше карать вас в своем гневе, потому что хочет оказать вам милосердие, он смиляется над вами, он сбросит ваши беззакония и ввергнет грехи ваши в пучину морскую, он сохранит верность своим обещаниям, как он поклялся отцам вашим *.

Вот,— говорит пророк Наум,— вот стопы благовестника, возвещающего нам мир. Празднуй, народ Иуды, празднуй в веселии праздники твои, торжественно воссылай обеты и хвалу богу: ибо он не потерпит более, чтобы нечестивые проходили среди вас, они все погибнут **.

Остатки народа Израиля не будут более делать неправды,— говорит пророк Софония,— не станут говорить лжи, и не найдется в устах их языка коварного, они отдохнут и будут пастись в мире; никто не посмеет более потревожить их. Ликуйте, дочери Сиона, торжествуйте, дочери Израиля, радуйтесь от всего сердца, прыгайте от радости, дочери Иерусалима, ибо господь отменил суровые приговоры над вами, он рассеял всех ваших врагов, вам не придется уже бояться какого-либо зла в будущем, господь, бог всемогущий среди вас, чтобы спасти вас, он возрадуется

* Михей, 5 : 6 и 7 : 8.

** Наум, 1 : 15.

вам, будет милостив к вам и даст вам торжество и радость *.

Хвалите господа,— говорит пророк Захария,— ликуйте и веселитесь, дщери Сиона, ибо господь придет и поселится среди вас. И прибегнут к господу многие народы в тот день, они будут его народом, и он поселится среди вас, он освятит Иерусалим, чтобы поселиться там. Ликуйте, дщери Сиона, хвалите господа, дщери Иерусалима, потому что к вам грядет царь праведный и спаситель ваш, хотя кроткий и сидящий на ослице (это совершенно невпопад прибавлено кем-то); он уничтожит войны и будет говорить народам только о мире, владычество его будет от моря до моря и от рек до конца земли. И будет в тот день, живые воды потекут из Иерусалима, половина их к морю восточному и половина к морю западному, летом и зимой так будет, и господь будет царем над всей землей, и имя его точно так же будет повсюду. Вся земля обратится к господу, они [люди] будут жить на ней мирно, не будет более проклятий, и Иерусалим будет в безопасности **.

Так говорит господь: я сам спасу народ мой из стран востока и запада, я приведу их, и будут они жить в Иерусалиме и будут моим народом, и я буду их богом, в истине и правде. Мужайтесь и крепитесь, вы, слыша-

* Софония, 3 : 14.

** Захария, 2 : 10, 9 : 9, 14 : 8.

щие слова сии из уст пророков; я не поступлю уже, как прежде, когда не было возмездия для людей, а также для животных, не было покоя для уходящих и приходящих, и каждый был в страхе и тревоге, когда я попускал всякого человека враждовать против другого. Так более не будет, я всюду посею семя мира для моего народа. Виноградная лоза даст плод свой, земля даст злаки свои, и, как я был горяч в покарании их [людей], когда я был в гневе, так я буду теперь ревностен в оказании им добра. Как вы были [прежде] под проклятием, так вы будете [теперь] под благословением. Поэтому мужайтесь, дом Иуды и дом Израиля, крепитесь и не бойтесь*.

Все эти прекрасные и велеречивые обещания и пророчества оказываются явно ложными.

Вот что говорят эти же мнимые пророчества об обещанном им избавителе и спасителе.

Так говорит господь,— вещает пророк Натан царю Давиду: — когда окончатся дни твои и ты почиешь с отцами твоими, я воздвигну семя твое после тебя и укреплю царство его. Это он построит мне дом, и я установлю престол его и царство его до конца веков. Я буду заменять ему отца, а он будет заменять мне сына: если он сделает что-нибудь нехорошее, я исправлю его, но я не отниму у него своего милосердия, как я

* Захария, 8 : 7.

поступил с Саулом, он будет верен в доме моем, его престол будет всегда стоять твердым и царство его будет вечно *.

Я поклялся Давиду святостью своей и не обману [его]. Семя его будет вечно существовать предо мной, как яркое солнце и полная луна **. Господь будет править всей землей, даст державу своему царю и вознесет могущество сына своего Христа [помазанника]. Он сохранит своих святых и своих избранных, тогда как нечестивые будут в смущении и во тьме. Господь дарует царство сыну царя, то-есть Соломону, сыну царя Давида, который является образом Христа. Он спасет бедных и унизит грешников, он будет царствовать во всех поколениях, пока будут существовать солнце и луна. С ним начнется царство правды, и будет мир обильный, пока будет существовать луна. Владычество его будет от моря до моря и от реки до краев мира. Придут эфиопляне поклониться ему, и все враги принуждены будут лизать землю. Цари Тарса и островов придут и преподнесут ему свои дары. Цари Аравии и Савы тоже принесут ему дары. Все цари земли будут поклоняться ему, все народы будут служить ему, и вся земля будет преисполнена блеском его величества ***.

Обнажил бог мышцу свою на глазах у всех народов, и со всех концов земли увидят спа-

* II. Самуил. 7 : 12.

** Псалмы, 89, 36.

*** Там же. 72, 1, 7, 9.

сение у вашего бога. Господь послал искупление своему народу, он заключил свой союз навеки и во все времена будет помнить завет святого закона своего *.

Младенец родился нам,— говорит пророк Исайя,— сын дан нам, владычество на раменах его, и нарекут ему имя: чудный, водитель, бог крепкий и могучий, отец грядущего века, князь мира. Владычество его будет всегда умножаться и не будет конца миру. Он будет восседать на престоле Давида, он будет царствовать в его царстве, чтобы утвердить и укрепить его судом и правдой отныне и навеки, это соделает ревность господа **.

И произойдет отрасль от корня Иесеева (это был отец царя Давида), почиет на нем дух господень, дух премудрости, дух разума, дух совета и крепости, дух знания и страха божия. Он будет судить не по взгляду очей своих и не по слуху ушей своих, а будет судить по справедливости и истине. Правда будет препоясанием чресл его и истина препоясанием бедер его. Волк будет жить вместе с ягненком, леопард будет лежать вместе с козленком, теленок и единорог и другой откармливаемый скот будут вместе, так что малое дитя будет водить их... не будут делать зла и вреда на всей святой горе моей ***.

* Псалом, 111:9. Исайя, 52:10.

** Исайя, 9:5, 6.

*** Там же, 11:1.

Все эти чудесные и щедрые обещания и пророчества оказываются явно ложными.

Вот, наступят дни, говорит господь, и возрощу Давиду отрасль праведную, которая будет царить, как царь и как царь мудрый, и будет творить суд и правду на земле. В те же дни Иуда будет спасен, Израиль будет жить в безопасности. И нарекут ему имя, он будет называться: господь-правда наша. Ибо я соберу остатки своего стада из всех стран, куда я их изгнал, я верну их в их землю, они будут там расти и умножаться, я дам им пастырей, которые будут пасти их, им нечего будет бояться более, и ни один из них не погибнет.

Вот наступят дни,— говорит господь,— когда я выполню то доброе слово, которое изрек о доме Израиля и доме Иуды. В эти дни и в это время я возрощу семя справедливости Давиду, который будет творить суд и правду на земле. В эти дни Иуда будет избавлен, и Иерусалим будет жить в безопасности. И нарекут ему имя: господь-наша правда. Ибо так говорит господь: не будет у потомства Давида недостатка в том, чтобы всегда был у него муж, царствующий на престоле дома Израилева. Не иссякнут также священники и левиты ¹²¹, они всегда найдутся, чтобы приносить мне всесожжения, воскурения и жертвы во все дни *.

* Иерем., 33 : 14.

Я спасу народ мой, так что он не будет более добычей других, я воздвигну пастыря для овец моих, который будет пасти их, а именно раба моего Давида, он будет их пастырем, а я буду их богом, и мой раб Давид будет их князем. И заключу с ними договор и удалю с земли всех лютых зверей, так что люди будут безопасно жить в пустынях и безопасно спать в лесах *.

Это будет скоро, я сотрясу небо и землю, море и сушу, и сотрясу все народы, дабы пришел желаемый всеми народами, и наполню дом сей славой, и слава этого дома будет больше, чем слава первого (то-есть храма господнего); и на месте сем я дам мир,— говорит господь Саваоф **.

Выслушай же, Иисус, иерей великий, ты и собратья твои, ибо это люди мудрые и разумные. Вот я привожу раба моего. Вот человек, имя которого будет восток, он воздвигнет храм господу, и сам он будет полон величия, он будет восседать и владычествовать на своем престоле, будет там и священник его, восседающий на своем престоле, и совет мира будет между тем и другим. Ликуйте, дочери Сиона, ликуйте, дочери Иерусалима, потому что вот грядет к вам царь, праведный царь, он будет вашим спасителем, будет беден и сидеть на осле; тем не менее он уничтожит войны и будет возвещать народам мир,

* Иезек., 34 : 28, 24.

** Аггей, 2 : 7—9.

и владычество его будет от моря до моря и от реки до краев земли*.

Вот я посылаю ангела моего, и внезапно господь, которого вы ищете, придет в храм свой вместе с ангелом завета, которого вы желаете. Кто выдержит день пришествия его? И кто в состоянии будет существовать, когда он уйдет?

Ибо он воссядет, как тот, кто переплавляет и очищает серебро, он очистит сынов Леви; он очистит их, как золото и серебро, и они принесут во всей правде и святости жертвы господа. Тогда приятна будет господа жертва Иуды и Иерусалима, как в первые века и в древнее время**.

Все эти прекрасные и велеречивые обещания и пророчества оказываются явно ложными.

Я скоро сотворю правду, спасение мое не замедлит, спасение мое будет [дано] на Сионе и в Иерусалиме, который есть престол моей славы***. Так говорит господь: уничтожу эту поговорку, и не будут уже больше употреблять такой поговорки у Израиля. Вы говорите, что до исполнения обещаний должно пройти много времени, что дни идут за днями, а время все тянется, что, наконец, пророчества и обещания окажутся пустыми и сойдут на-нет. Вы больше не будете говорить так, потому что близки дни исполнения моих

* Захар, 3 : 8; 6 : 12; 9 : 9

** Малахия, 3 : 1.

*** Исайя, 46 : 13.

обещаний, они не замедлят. Ибо отныне уже не будет пустых видений, ни одного ложного пророчества среди детей Израиля. Ибо я сам, господь, говорю, и каждое слово, которое я говорю, исполнится и не будет более отложено; и даже еще в ваши дни я исполню свои обещания, вы, маловеры! — говорит господь *.

Вот несомненно весьма ясные и определенные пророчества и обещания, очень красноречивые и как нельзя более лестные и выгодные для народа Израиля, то-есть для еврейского народа, и для города Иерусалима, который был столицей. И если бы эти обещания и пророчества оказались действительно верными и осуществились бы, то уже давно народ еврейский был бы и оставался бы поныне не только самым многочисленным народом, самым сильным и могучим из всех народов на земле, это был бы также самый богатый из всех народов, самый прославленный, самый благословенный, самый счастливый и самый торжествующий.

Он был бы также самым мудрым, самым совершенным, самым святым и самым безупречным из всех народов, так как состоял бы только из чистых и святых людей, среди них не было бы ни одного нечистого, никто из них не совершал бы неправды и несправедливости, никто из них не вредил бы своему ближнему, и — даже более того — никто

* Иезек., 12 : 23.

из них не позволял бы себе обмана. Точно так же, если бы эти обещания и пророчества оказались действительно верными и осуществились,— город Иерусалим был бы уже давно и теперь и навсегда самым знаменитым, самым прекрасным, самым великим, самым богатым, самым приятным, самым прославленным, самым торжествующим, самым счастливым и самым святым из всех городов мира, так как сам бог избрал его, чтобы утвердить здесь на веки-вечные престол своей славы и святости, и ничто нечистое и оскверненное не могло бы войти в него и со всех сторон мира к нему должны были бы стекаться в изобилии всякого рода блага и богатства.

Но, поскольку несомненно и очевидно, что эти обещания и мнимые пророчества никоим образом не осуществились, и нет даже никакой уверенности, что они должны были бы когда-либо исполниться, постольку также несомненно и очевидно, что они являются ложными и что, следовательно, те, кто их сочинил и придумал, повторяю, просто люди, видевшие призраки, и фанатики, говорившие только в аффекте толкавшей их страсти, или же шарлатаны, которым надо было таким образом отвлечь внимание народа и импонировать ему, чтобы обмануть его и водить его за нос.

XXVIII. [Ложность мнимых обетований нового завета]

Точно так же обстоит дело с обещаниями и мнимыми пророчествами, содержащимися в наших так называемых св. евангелиях, и то же суждение приходится вынести о тех, которые первые выдвинули эти [обещания и пророчества]. Я приведу их так, как они значатся в упомянутых евангелиях, слово за слово. Во-первых, Ангел является во сне некоему Иосифу, отцу,— по крайней мере предполагаемому,— Иисуса Христа, сына Марии. Он говорит ему: Иосиф, сын Давидов, не бойся принять Марию, жену твою; ибо родившееся в ней есть от духа святого *. Она родит тебе сына и наречешь ему имя Иисус, потому что он спасет свой народ от его грехов. Этот ангел говорит Марии: не бойся, потому что ты обрела благодать у бога. Возвещаю тебе, что ты зачнешь во чреве твоём и родишь сына и наречешь ему имя Иисус. Он будет велик и наречется сыном всевышнего, и даст ему господь-бог престол Давида, отца его, и будет он царствовать над домом Иакова во-веки и царству его не будет конца **.

Иисус начал проповедовать и говорить:

* Сколько,— говорит Монтень,— имеется подобных побасенок о том, как боги наставляют рога бедным смертным. У магометан народ верит, что изрядное количество детей родилось от духовного отца божественным образом во чреве девственниц. *Essais*, p. 500.

** Матф., 1 : 20 и Лука, 1 : 30.

покайтесь, ибо близко царство небесное *. Не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что отец ваш небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом, ищите же прежде царства божия и правды (его), и это все приложится вам **. Просите,—говорил он своим ученикам,—и дано будет вам, ищите и обрящете, стучите и отворится вам. Есть ли,—говорил он народу,—между вами такой человек, который, когда сын его попросит хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак,—продолжает он,—если вы, прочие, будучи злы, умеете тем не менее даяния благия давать детям вашим, тем более отец ваш небесный даст истинные блага просящим у него ***. Там, куда вы пойдете,—говорил он своим апостолам,—проповедуйте, что царство небесное близко, возвращайте здоровье больным, воскрешайте мертвых, исцеляйте прокаженных, изгоняйте бесов ****.

Сын человеческий,—сказал он, имея под этим в виду самого себя,—пошлет ангелов своих, которые удалят из царства его всех творящих соблазн и беззакония, и ввергнут их в пещь огненную, где будет плач и скрежет зубов. Тогда праведники,—говорил он,—

* Матф., 4 : 17.

** Там же, 6 : 33.

*** Там же, 7 : 7—11.

**** Там же, 10 : 8.

воссияют, как солнце, в царстве отца их *. И я,— сказал Иисус Христос своему апостолу Петру,— говорю тебе: ты Петр, и на сем камне я воздвигну церковь мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе,— говорил он ему,— ключи царства небесного: и все, что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и все, что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах **.

Сын человеческий, (так называл себя сам Иисус Христос),— сказал он,— придет во славе отца своего с ангелами своими и тогда воздаст каждому по делам его ***. Истинно говорю вам,— сказал он им,— есть некоторые из стоящих здесь, которые не умрут, прежде чем не увидят сына человеческого, грядущего в царствии своем ****.

Где двое или трое собраны во имя мое,— сказал Иисус Христос,— там я посреди них. Истинно говорю вам,— говорил он своим апостолам: — в день воскресения, когда сядет сын человеческий на престоле славы своей, вы, последовавшие за мной, сядете на двенадцати престолах судить двенадцать колен израилевых ¹²²; и всякому, кто ставит из любви ко мне свой дом или своих братьев, или своих сестер, или своего отца, или свою мать, или свою жену, или своих детей, или

* Матф., 13 : 41.

** Там же, 16 : 18, 19.

*** Там же, 16 : 27.

**** Там же, 16 : 28.

земли свои, воздастся стократ в этой жизни, и наследует он жизнь вечную *.

Все эти прекрасные и велеречивые обещания и пророчества оказываются явно ложными.

Вы знаете,— говорил Иисус Христос своим апостолам,— что цари и князья народов господствуют над ними и вельможи царствуют над ними, но между вами да не будет так; а кто хочет между вами быть самым большим, да будет вам слугой, и кто хочет между вами быть первым, да будет последним и слугой всех **.

Многие,— говорил он,— придут во имя мое и скажут: я Христос, и многих прельстят... И многие,— говорил он,— лжепророки восстанут и прельстят многих, и по причине умножения беззакония во многих охладее любовь... Это евангелие царствия будет проповедано по всей земле, во свидетельство всем народам, и тогда придет конец... Тогда,— говорил он,— будет великая скорбь, какой не было от начала мира и какой никогда не будет; в то время восстанут лжехристы и лжепророки и сотворят столь великие знамения и чудеса, чтобы если возможно, даже избранные подпали соблазну... После этих дней солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда восплачут о своем несчастье

* Матф., 19—28, 29.

** Там же, 20 : 25—27.

все племена земные, и увидят они сына человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою; и пошлет ангелов своих, которые трубным звуком соберут всех избранных с четырех углов мира, от одного края небес до другого... Когда вы увидите все сие,— сказал он им,— то знайте, что сын человеческий близко, что он у дверей и что ваше искупление близко, ибо истинно говорю вам,— продолжал он,— не прейдет род сей, как все сие будет; небо и земля прейдут, но мои слова,— говорил он,— не прейдут, не осуществившись. О дне же том и часе никто не знает, даже ангелы небесные, знает это только отец мой один *.

Вот, сказал он после своего воскресения,— я буду с вами во все дни до скончания века **. Все, чего ни попросите в молитве с верой, получите. И сказал он им еще: имейте веру в бога, ибо истинно говорю вам: если кто скажет горе сей: снимись отсюда и ввергнись в море, и если только не усомнится он в сердце своем, а поверит, что все сбудется по словам его, то это будет ему дано. Поэтому говорю вам,— продолжает он,— все, чего ни будете просить в молитве с верой, вы получите ***.

Вера тех,— говорил он,— кто уверовал в меня, будет сопровождаться такими чудесами: они будут изгонять бесов моим именем, бу-

* Матф., 24.

** Там же, 28 : 20.

*** Матф., 21 : 22 и Марка, 11 : 23.

дут говорить на языках, которые были им неизвестны, будут касаться змей без опасности (для себя), и если выпьют яда, он не причинит им никакого вреда; они будут возвращать здоровье больным, возлагая на них свои руки *.

Мария, мать Иисуса, сказала: Величит душа моя господа, ибо явил силу мышцы своей, рассеял помышления, задуманные надменными людьми в сердце своем, низложил государей с их престолов и вознес смиренных; алчущих исполнил благ, а живущих в изобилии вверг в нужду; он воспринял под свое покровительство раба своего Израиля, вспомянув милость, как он обещал ее отцу нашему Аврааму и семени его до века **.

Все эти обещания и пророчества оказываются явно ложными, пустыми и обманчивыми.

Благословен господь бог Израиля, что посетил и искал народ свой и воздвиг нам могучего спасителя в доме Давида, отрока своего, как он обещал это устами явившихся в прошлые века святых пророков, чтобы спасти нас от власти наших врагов и от руки всех ненавидящих нас, чтобы сотворить милость отцам нашим и вспомнить святой завет, клятву, которой он клялся отцу нашему Аврааму, что он окажет нам милость; избавленные от руки наших врагов, мы будем служить

* Марка, 16 : 17.

** Луки, 1 : 46—53.

ему безбоязненно и ходить перед ним в святости и правде все дни нашей жизни *.

Был тогда в Иерусалиме человек праведный и богобоязненный, по имени Симеон; он чаял утешения Израиля, и святой дух, бывший в нем, открыл ему, что он, прежде чем умрет, узрит господа Христа. И пришел он по наитию от духа святого в храм, когда отец и мать младенца Иисуса понесли его туда для исполнения над ним предписанного законом обряда. Он взял его на руки, благословил бога и сказал: ныне, господи, отпусти раба своего умереть с миром, ибо я видел очами своими спасителя, которого ты уготовал перед лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа твоего Израиля **.

Мне дано отцом моим все,— сказал Иисус Христос своим ученикам ***.— Когда будут предавать вас царям и правителям или судьям, не думайте о том, что и как сказать, не заботьтесь об этом, ибо в тот же час бог внушит вам, что вы должны говорить. Ибо не вы будете говорить,— сказал он им,— а дух отца вашего будет говорить в вас ****. Я уготовил вам мое царство, как уготовил мне отец мой царство, да ядите и пиете за трапезой моей и сядете на престолах судить двенадцать колен израилевых *****.

* Луки, 1 : 68—75.

** Там же, 2 : 25.

*** Там же, 10 : 22.

**** Матф., 10 : 19.

***** Луки, 22 : 30.

В евангелии св. Иоанна сказано, что Иисус Христос дал приившим его, всем верующим в него, власть быть чадами Божиими, которые родились не от крови, не от хотения плоти мужа, а от бога *. Истинно, истинно говорю вам: вы будете видеть небо отверстым и ангелов Божьих, восходящих и нисходящих к сыну человеческому **. Наступит час и уже наступил, когда не на горе сей и не в Иерусалиме вы будете поклоняться отцу ***. Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово мое и верующий в пославшего меня имеет жизнь вечную, он не будет осужден, а перешел от смерти в жизнь. Истинно, истинно говорю вам: наступает время и настало уже, когда мертвые услышат глас сына Божия и, услышавши, оживут. Не дивитесь сему,—говорил он,—ибо наступит время, когда все находящиеся в гробах услышат глас сына Божия и делавшие добро воскреснут для обладания жизнью, а делавшие зло воскреснут для своего осуждения ****.

Все эти обещания и пророчества оказываются явно пустыми и ложными.

Воля отца, пославшего меня,—говорил он,—чтобы всякий, знающий сына и верующий в него, имел вечную жизнь: я воскрешу

* Иоанна, 1 : 12.

** Там же, 1 : 51.

*** Там же, 4 : 21.

**** Там же, 5 : 25.

его в последний день *. Истинно, истинно говорю вам,— прибавляет он,— верующий в меня имеет жизнь вечную. Я есмь хлеб жизни **. В последний день великого праздника Иисус стоял посредине площади и громко кричал: кто жаждет, иди ко мне и пей, реки воды живой потекут из чрева тех, кто верует в меня ***. Я свет миру,— говорил он,— кто последует за мной, тот не будет ходить во тьме, а будет иметь свет жизни ****.

Я и отец мой — одно, — говорил он *****,— я воскресение и жизнь, верующий в меня будет жить, хотя бы и умер, и всякий живущий и верующий в меня не умрет вовек *****. Истинно, истинно говорю вам,— сказал он своим ученикам,— вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется, вы печальны будете, но печаль ваша превратится в радость, вы теперь в печали, но я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас *****.

Когда я вознесен буду от земли,— говорил он,— я всех привлеку к себе *****. Мужича галилейские, что стоите вы и смотрите так

* Иоан., 6 : 40.

** Там же, 6 : 48

*** Там же, 7 : 37.

**** Там же, 8 : 12.

***** Там же, 10 : 30.

***** Там же, 11 : 25.

***** Там же, 16 : 20.

***** Там же, 12 : 32

на небо? Сей Иисус, который среди вас был вознесен на небо, сойдет оттуда таким же образом, как вы видели его восходящим *.

И мы тоже,— говорили апостолы народным массам,— мы благовествуем вам исполнение обещания, данного нашим отцам; нам, их детям, бог дал видеть исполнение его, воскресив Иисуса **. Ибо как смерть пришла через человека, так и воскресение придет через человека, и как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый явится в своем порядке, первенец Христос, потом христовы, а затем конец, когда Иисус Христос предаст царство в руки бога, отца своего, когда упразднит всякое начальство, всякую власть и силу, ибо ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги свои, по повелению отца своего ***.

Открываю вам тайну,— говорит св. Павел,— мы воскреснем все, но мы не изменимся все в мгновение ока, при звуке последней трубы; ибо вострубит труба, тогда все мертвые восстанут, чтобы быть бессмертными — и вот тогда мы изменимся, ибо это смертное и тленное тело должно облечься в бессмертное, и когда оно облечется в него, тогда смерть будет побеждена полностью ****.

Кто во Христе,— говорит этот апостол,— тот — новая тварь; все древнее прошло,

* Деяния ап., 1 : 11.

** Там же, 13 : 32.

*** I Кор., 15 : 21.

**** Там же, 15 : 51.

теперь все новое, и все оно от бога, который через Иисуса Христа примирил нас с собой, потому что бог был в Иисусе Христе, примирил с собой мир и не вменил людям их грехов *. Нет уже ни иудея, ни язычника,— говорит он,— ни раба, ни свободного, нет мужчин и женщин, ибо все вы одно тело во Христе Иисусе; и если вы в Иисусе Христе, то, следовательно, вы чада Авраама и его наследники, по обетованию **. Иисус Христос даровал дары своей благодати — одним, чтобы быть апостолами, другим, чтобы быть пророками, иным — евангелистами, иным — пастырями и учителями, доколе все не придем в единство веры и познания сына божия ***.

Все эти обещания и пророчества оказываются явно пустыми и обманчивыми.

Господь,— говорит св. апостол Петр,— никак не медлит исполнением своих обетований, как воображают некоторые, но он терпеливо ждет из любви к вам, не желая, чтобы кто погиб, а чтобы все покаялись и обратились к нему ****. День господень,— говорит он,— придет, яко тать в нощи [как вор ночью], когда не будут думать об этом, тогда небеса с шумом и вихрем великим прейдут, жар огня расплавит стихии, земля и все дела на ней сгорят... мы тоже,— говорит

* II Кор., 5 : 17—19

** Галат ¹²³, 3 : 29.

*** Ефес., 4 : 11—13.

**** Петра, 3 : 9.

он,—ожидаем по обетованию его нового неба и новой земли, в которой будет обитать правда *.

Верующий в сына божия,—говорит св. апостол Иоанн,—имеет в себе самом свидетельство божие, свидетельство это состоит в том, что бог даровал нам жизнь вечную, и сия жизнь в сыне его. Имеющий сына имеет жизнь, не имеющий сына не имеет жизни. Три свидетельствуют на небе, что Иисус Христос есть истина, отец, слово и святой дух, и сии три суть едино. И три свидетельствуют о том же на земле: дух, вода и кровь, и сии три суть едино **.

Все это,—говорит св. Павел,—произошло с ними (а именно с евреями) как образ того, что должно произойти среди нас, находящихся в конце веков ***. Вам нужно терпение,—говорил он,—чтобы вы воспользовались исполнением божьих обетований. Ибо еще немного времени,—прибавляет он,—и тот, кто должен прийти, придет и не замедлит ****.

Апокалипсис, или видение Иисуса Христа, которое он получил от бога, чтобы показать рабам его, чему надлежит быть вскоре, ибо время близко. Се, гряду скоро; держи хорошо, что имеешь, дабы венец твой не был

* Петра, 3 : 10.

** Иоан., 5 : 7—12.

*** I Кор., 10 : 11.

**** Евр., 10 : 37

отдан другому *. Четыре животных и двадцать четыре старца простерлись перед агнцем, каждый с арфой и золотыми сосудами, полными благовоний, которые суть молитвы святых; и пели они новую песнь, говоря: господь, ты достоин принять эту книгу и снять с нее печати, потому что ты претерпел смерть и своею кровью искупил нас богу из всех колен, всех языков и всякого народа и соделал нас царями и священниками богу нашему, и будем мы царствовать на земле **.

Ангел поклялся именем того, кто живет во веки веков, что времени уже не будет ***. И седьмой ангел вострубил, и раздались на небе громкие голоса, говорящие: царство мира сего соделалось царством господа нашего и Христа его, и будет он царствовать во веки веков ****.

И видел я другого зверя, выходящего из земли; у него было два рога, подобные рогам агнца, но говорил он, как дракон. Он действовал перед ним со всей властью первого зверя и заставил землю и ее обитателей поклоняться первому зверю, смертельная рана которого зажила. Творимые им знамения были так велики, что он даже низводил огонь с неба на землю перед людьми. Чудесами, которые ему было дано творить перед

* Апок., 1 : 1 и 3 : 11.

** Там же, 5 : 8—10.

*** Там же, 10 : 6.

**** Там же, 11 : 15.

зверем, он обольщал живущих на земле, приказывая им сделать образ зверя, который имеет раны от меча и не умер от них. И было ему дано даже вложить дух в образ зверя и дать ему дар речи и заставить осудить на смерть всех тех, кто не будет поклоняться образу зверя*.

Все эти прекрасные пророчества оказываются явно пустыми и обманчивыми.

Увидел я тогда новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали и моря уже не было. Я увидел святой город и новый Иерусалим, который сходил от бога с неба и был украшен и уготован, как жена, украсившая себя, чтобы принять мужа своего. В то же время я услышал громкий голос от престола, который говорил: се скиния, где бог будет обитать с человеками; они будут его народом, и сам бог будет их богом, и отрет бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо то, что было прежде, прошло! И сказал сидящий на престоле: се творю все новое; и говорит мне: напиши; слова эти весьма верны и весьма истинны. Ангел вознес меня в духе и показал мне святой город Иерусалим, который нисходил с неба от бога. Он облечен был в блеск божий, и свет его был подобен драгоценному камню, камню яспису, прозрачному, как кристалл... стены его были построены из камней ясписа, сам город

* Апок., 13 : 11—15.

был из чистого золота... а двенадцать ворот, что двенадцать жемчужин, площадь города была из чистого золота. А впрочем храма я не видел в городе, потому что храмом его был господь всемогущий*.

Ангел показал мне также чистую реку воды жизни, которая исходила от престола бога и агнца. Среди площади города было древо жизни, которое приносило двенадцать плодов, каждый месяц по плоду, и листья дерева служили для исцеления народов. Здесь уже не будет ничего проклятого, а будет здесь престол бога и агнца, и рабы его будут служить ему, и узрят лицо его, и имя его будет написано на челах их. И не будет уже там ночи, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо господь бог будет освещать их и будет царствовать во веки веков... Я, Иисус, послал ангела моего засвидетельствовать вам сие в церквах. Я вышел из корня крови Давида, я есмь звезда светлая, которая появляется утром**.

И много других подобных видений, откровений, пророчеств и обетований находятся в якобы святых и священных книгах так называемого нового завета; приводить их здесь было бы слишком долго.

Из всех мнимых пророчеств, видений, откровений и обещаний нет ни единого, которое не оказалось безусловно ложным, пустым

* Апок., 21 : 1—5, 10.

** Там же, 22 : 1—5, 16.

и даже смешным и нелепым. Легко показать это воочию.

В них сказано, что Христос избавит свой народ от его грехов, а между тем ни в каком народе не видно какого-либо признака этого мнимого избавления, этот народ всегда был таким, каким остается еще и теперь, столь же подверженным всякого рода порокам и грехам, таким же рабом своих дурных страстей, как и всякий другой народ. Народ Христа ни в меньшей мере находится теперь во власти порока, чем это могло быть до его мнимого избавления и до прихода его мнимого избавителя и спасителя. В этом смысле ясно, что он вовсе не был избавлен от своих пороков и грехов, и, следовательно, ясно также, что это обещание или пророчество ложно, так как оно оказывается не соответствующим действительности. Могут сказать, что это избавление надо понимать иначе, что под ним разумеется только избавление от вечных кар и мук, которые люди заслужили и заслуживают за свои грехи, и что Иисус Христос действительно избавил их от этой муки беспредельной заслугой своей смерти и страданий. На это я отвечаю:

Во-первых, если пророчества или обещания касались такого мнимого избавления, то не следовало в таком случае говорить, что Христос избавит свой народ от его грехов, а надо было говорить, что он избавит его от кар и мук, которые он заслужил и заслуживает за свои грехи, Если бы, скажем для

примера, какой-нибудь сеньор пожелал выкупить от смертной казни преступников, заслуживающих смерти, то, думается мне, неверно было бы говорить в таком случае, что этот сеньор избавил их от пороков и злодейств, так как эти пороки и злодеяния могли у них остаться; но говорили бы и правильно говорили бы, что он избавил их от виселицы или от колесования, если они их заслужили, ибо их действительно повесили бы или колесовали бы, если бы он их не выкупил.

Точно так же, кажется [мне], было бы неправильно сказать, что Христос избавил свой народ от его грехов, раз он должен был все же оставить его при его пороках и грехах и только выкупить его от вечной муки, заслуженной им по грехам его; ибо избавить человека только от кары за его порок не значит еще избавить его от этого порока. Когда врач излечивает больных, например больных лихорадкой или воспалением легких и т. п., и они совершенно выздоравливают, можно действительно сказать, что он избавил их от их болезней, от их лихорадок и воспалений легких. Но столь же несомненно, что, пока они не выздоровели окончательно от своих болезней, неправильно будет утверждать, что он избавил их от их болезней,—ведь последние все еще налицо. Точно так же, пока люди подвержены своим порокам и грехам, как в настоящее время, неправильно говорить, что они избавлены от них. Итак, пророчества или обетования, что Хри-

стос избавит свой народ от его грехов, не соответствуют действительности, а следовательно оказываются явно ложными. Или же приходится ожидать другого Христа, чтобы посмотреть, не избавит ли он более действительным образом людей от их пороков и грехов. Очень желательно было бы, чтобы действительно пришел некто, кто мог бы оказать людям такую великую милость и столь великое добро, а именно — действительно избавить их от тирании государей и сильных мира сего. Ибо люди очень нуждаются в избавлении от этих мерзких зол. Что это мнимое избавление от грехов следует понимать именно в том смысле, как я сказал, подтверждается также следующим: в ряде других подобных обетований и пророчеств говорится, что они все [люди] будут тогда святыми, что никто из них не будет творить кривду или говорить неправду. Впрочем, если бы этот мнимый божественный спаситель желал явить людям столь великую милость, как избавление их от грехов, он вместе с тем сделал бы их всех святыми, мудрыми и добродетельными, ибо нельзя поверить, что он пожелал бы оставить их и впредь такими же рабами своих пороков и грехов, какими они были прежде. Он действительно избавил бы их от всех этих злых недугов и сделал бы всех их чистыми, непорочными и святыми. Без этого такое якобы избавление не послужило бы им ни к чему, так как они и впредь оставались бы попрежнему рабами своих пороков и грехов.

Первые христиане не так понимали это; они верили, что действительно избавлены и очищены от всякой скверны греховной; поэтому они все себя считали святыми, освященными и возлюбленными богом, как это видно из посланий их великого архиправедника (Grand Mirmadolin) Павла: всем находящимся в Риме возлюбленным божьим, призванным, святым (Римл., 1, 7), освященным во Христе Иисусе, призванным святым (1 Кор., 1, 2) церкви божьей, находящейся в Коринфе, со всеми святыми по всей Ахайе (II Кор., 1, 1), всем святым, находящимся в Ефесе (Ефес., 1), всем святым, находящимся в Филиппах (Фил., 1). Христос возлюбил церковь и предал себя за нее, чтобы освятить ее, очистить баней водной посредством слова живого, чтобы представить ее себе славную церковь, не имеющей пятна или порока или чего-либо подобного, и дабы она была свята и непорочна (Ефес., V, 25). Смотрите также послание к Титу (1, 14)... Отсюда видно, что наши хриstopоклонники должны действительно быть все до единого святыми, чистыми и без малейшего пятна греха и что именно так их мнимый божественный спаситель должен был избавить их от их грехов. Но это явно не соответствует действительности, а поэтому упомянутое обетование и пророчество оказывается явно пустым и ложным.

Далее, неверно, что мнимый Христос действительно избавил людей от вечных мук, заслуженных ими по грехам своим; ведь по

учению самих же наших хриstopоклонников каждодневно великое множество людей, в том числе и из их среды, увы, попадает в вечный адский огонь, чтобы терпеть вечные муки за свои грехи. Хриstopоклонники уверены, что все, умирающие в смертном грехе, как они выражаются, будут навеки осуждены и несчастны в аду; а так как гораздо больше дурных людей, чем хороших, и так как гораздо больше людей умирает, как выражаются хриstopоклонники, в смертном грехе, чем в благодати их бога, то из их учения следует, что несравненно больше людей оказывается не избавленными от мучений за свои грехи, чем избавленными. Несомненно, что мнимый Христос имел это в виду, когда говорил своим ученикам, что будет много званых, но мало избранных. Это изречение имеет не мало общего с предсказаниями, сделанными о том же Христе Симеоном праведником, когда Христос был еще младенцем: Симеон предсказал, что он, Христос, будет некогда предметом великого спора и причиной гибели, а также спасения многих во Израиле.

Согласно этому можно с одинаковым правом сказать, что Христос пришел погубить людей и что он пришел спасти их. Однако наши хриstopоклонники не скажут этого; но так как, по их же учению, так мало людей избавлено от вечного осуждения и мук ада, то нельзя говорить, что Христос избавил свой народ от грехов его, т. е. от вечных мук, заслуженных народом за свои грехи; разве

что наши хриstopоклонники будут понимать под его народом лишь горсть избранных, избавленных им от вечного осуждения. Но так понимать нельзя; эта горсть людей, если сопоставить ее со всем народом, не есть народ и не должна называться народом,— предмет получает свое название по своей наибольшей части. Так одна или две дюжины французов и испанцев не составляют еще французского или испанского народов. Представьте себе, что армия в 100 или 120 тысяч человек захвачена в плен более сильной неприятельской армией; представьте себе, что король или военачальник этой пленной армии выкупит из своей армии только несколько человек, например десять или двенадцать солдат и офицеров, уплатит за них выкуп,— ведь не скажете же вы в таком случае, что он освободил или выкупил свою армию; было бы неверно и даже смешно утверждать, что он выкупил ее или освободил, раз он освободил только такую ничтожную горсть. Точно так же было бы неверно и смешно утверждать, что Христос избавил свой народ от вечных мук и вечного осуждения, заслуженных за грехи, раз избавлено таким образом только несколько человек. Мало того, наши хриstopоклонники, все сколько их ни есть, не в состоянии показать, что существует хоть один человек, которому действительно выпало счастье этого мнимого благодетельного спасения. Ведь никто не может видеть эти мнимые вечные муки, точно так же мнимое избавление от них; а раз так

то наши хриstopоклонники не могут показать хотя бы одного человека, действительно спасенного или хотя бы одного, действительно проклятого и осужденного терпеть вечные муки ада.

Обычно наши хриstopоклонники говорят по этому поводу, что мы не должны искать и допытываться осязательных доказательств чувств в вопросах веры, что мы должны здесь верить слепо, не имея [предмета веры] перед глазами. Мотивируется это тем, что [положения веры] остаются совершенно истинными и несомненными сами по себе, хотя нельзя дать и усмотреть никакого видимого и осязательного доказательства или свидетельства в их пользу. Но это очень слабый и совершенно пустой довод, ибо это значит брать за основание веры принцип заблуждений, иллюзий и обмана. Ибо ясно, что если ступить на этот путь, то о любом заблуждении, о любой иллюзии, о любом обмане можно будет утверждать, что данный предмет существует, верить в него и заставлять других верить в него,— все это на мнимом основании божественной веры. Ясно, как я уже говорил выше, что принцип заблуждений, иллюзий и обмана, подобный этому, не может служить основой для установления истины или для выяснения ее. Поэтому таким образом нельзя ни показать, ни доказать, что существует хотя бы один человек, на долю которого действительно выпало счастье этого мнимого благодетельного спасения. Не подлежит никакому сомнению, что

это спасение или избавление существует лишь в фантазии.

Равным образом ни к чему не служит другое утверждение наших хриstopоклонников, а именно, что их Христос действительно принес богу удовлетворение за все грехи людей и что если не все люди избавлены в действительности от вечных мук и осуждения, то это вина не их спасителя, а вина самих грешников. Эти грешники,— говорят наши хриstopоклонники,— предаются добровольно пороку и умирают во грехе, не желая обратиться к богу и принести достойное покаяние, а между тем,— говорят наши хриstopоклонники,— для того, чтобы сподобиться искупления грехов и спасения, этого великого благодеяния, совершенного для нас Христом, люди должны жить в добродетели или принести надлежащее раскаяние в своих грехах и умереть в благодати божьей... Эти доводы наших хриstopоклонников, повторяю, совершенно бессильны: если бы дело было так, как утверждают они,— то, во-первых, было бы явной несправедливостью со стороны бога карать в каждом человеке грехи, за которые он уже полностью получил удовлетворение. Это было бы такой же явной несправедливостью, как если бы заимодавец требовал от должника уплаты долга, который уже внесен за должника его другом, уплатившим все, что тот был должен. Точно так же со стороны бога было бы явной несправедливостью и даже своего рода жестокостью сурово наказывать людей вечными

муками за грехи, по которым его Христос уже принес полное удовлетворение. Это значило бы требовать двух удовлетворений за одни и те же провинности, что никоим образом не совместимо ни со справедливостью, ни с волей и благодатью всеблагого и милосердного бога.

Во-вторых: какой вывод следует из утверждения наших хриstopоклонников, что люди могут воспользоваться мнимым избавлением, или искуплением, во Христе [только] в том случае, если всегда жили добродетельно или принесли перед смертью достойное покаяние в своих грехах? То, что это предполагаемое избавление, или искупление, во Христе нисколько не оправдывает людей перед богом, нисколько не облегчает их, стало быть, является совершенно тщетным и смешным. Конечно, наши хриstopоклонники не согласятся с этим, между тем это с очевидностью вытекает из того, как они представляют себе применение к людям этого предполагаемого благодеяния, избавления, или искупления, во Христе. Ибо не подлежит сомнению и с очевидностью вытекает из здравого разума, что бог, предполагаемый бесконечно благим, справедливым и милосердным, может по справедливости и благодати требовать от людей, ничем его не оскорбивших, только то, чем они способны почтить его, например любить его, поклоняться ему, служить ему и жить в добродетели согласно его законам и предписаниям. Равным образом из того же здравого разума

ясно вытекает, что по справедливости бог может требовать от оскорбивших его грешников только всего того, что они способны принести ему в удовлетворение за свои грехи, например: обратиться к нему всем сердцем, возненавидеть и проклясть свои пороки и грехи, всецело отринуть их и достойным образом покаяться в них, согласно его предписаниям. И действительно, нам говорят, что только этого и требует бог в своем законе; это видно из самого этого закона и из свидетельств всех пророков. Если вы,—говорит Моисей от имени бога народу израильскому,—будете внимать голосу господа бога вашего, если вы возлюбите его от всего сердца и всей души, если вы будете добросовестно соблюдать все заповеди его*, то все эти благословения сойдут на вас и будут всюду сопровождать вас; вы будете благословенны в ваших городах и на пажитях ваших, благословенны в ваших детях и ваших стадах, в плодах земли и садов ваших, благословенны во всех ваших начинаниях и делах и т. д. Что касается грешников, оскорбивших бога, то он [закон] до пришествия Иисуса Христа и до мнимого принесения им удовлетворения за их грехи тоже требовал лишь следующего: оказывать справедливость и милосердие своему ближнему, обратиться [к богу] сердцем своим, отринуть свои пороки и грехи и верно соблюдать все заповеди; он [закон] обещал

* Второз., 28 : 11 и 11 : 13.

помилование и милосердие всем тем, которые обратятся к богу всем сердцем своим, отринут свои пороки и грехи, будут справедливы и милосердны к ближнему и будут верно блюсти заповеди божьи,—при этом даже обещалось не поминать более грехов их и предать их полному забвению *.

Вот все, что, согласно этому якобы божественному закону, бог действительно требовал от людей до пришествия Иисуса Христа, стало быть, до того, как последний избавил их от грехов и принес за них удовлетворение, как утверждают наши хриstopоклонники. Что же выходит? С одной стороны, до пришествия Иисуса Христа бог требовал от людей только этого; с другой стороны, как утверждают наши хриstopоклонники, после пришествия Христа и после того, как он избавил людей от грехов их, бог требовал от них столько же и даже больше. Отсюда ясно, что это мнимое искупление, совершенное Иисусом Христом, не принесло никакого облегчения людям и ничего не сняло с них; в самом деле, ведь, чтобы сподобиться милости и милосердия, от них требовалось теперь не меньше, чем до этого мнимого искупления, они и прежде обретали милость и милосердие так же легко, быть может, даже легче, чем потом. Когда я говорю: быть может, даже легче, чем потом, я имею при этом в виду следующее: до этого мнимого искупления бог, как я только что

* Иезек., 18 : 21.

сказал, требовал от грешников только искреннего обращения, добрых дел, справедливости и сострадания, верного соблюдения его заповедей, напротив, после этого мнимого искупления во Христе, согласно христианским правилам, от них не только требуется то же, что прежде, но они, кроме того, должны отречься от самих себя, нести свой крест, предаваться тяжелому покаянию и суровому умерщвлению своей плоти, чего они не обязаны были делать до мнимого избавления во Христе.

Раз так, ясно, что это мнимое искупление ничего не снимает с людей и нисколько не облегчает их. А если оно ничего не снимает с людей и нисколько не облегчает их, то ясно, что оно совершенно никчемно и бесполезно в каком бы то ни было смысле, с какой стороны ни подойти к нему.

Во-вторых. Сказано, что этот Христос будет назван сыном всевышнего и что бог даст ему престол Давида, отца его, и что он будет царствовать вечно в доме Иакова и царству его не будет конца *. Называйте его, если вам нравится, сыном всевышнего, пусть он слывет таковым, так как наши хриstopоклонники и впрямь считают его всемогущим сыном всемогущего бога, хотя в его время его считали только жалким фанатиком. Но что бог дал ему престол Давида и что он царствует или царствовал в доме Иакова, т. е. над наро-

* Луки, 1 : 32.

дом Израиля, который разумеется под домом Иакова, что царствию его не будет конца,— это явная неправда. Ибо известно и несомненно, что он никогда не восседал на престоле Давида и никогда не царствовал над еврейским народом, который является народом Израиля; а в настоящее время мы воочию видим, что он нигде не царствует, разве только если принять за своего рода царствие культ и поклонение, воздаваемые ему нашими христопоклонниками, а христианство — за своего рода царство. Но в этом смысле любой шарлатан может похвалиться, что царствует подобным образом, если найдутся верующие в него и поклоняющиеся ему как божеству. К тому же в обещании и мнимом пророчестве ангела говорится определенно и категорически, что бог дает Иисусу Христу престол Давида, его отца, и что он навеки будет царствовать в доме Иакова. А христианство не есть престол Давида и никогда не было престолом Давида. Равным образом народ христианский вовсе не есть дом Иакова. Итак, Христос никогда не занимал престола Давида и никогда не царствовал в доме Иакова,— отсюда ясно, что это обещание или пророчество оказывается совершенно ложным.

В-третьих. Сказано, что этот Христос будет словно светильник, озаряющий народы, и что он будет главой народа израильского, т. е. еврейского народа *. Это обещание или

* Луки, 2 : 32.

пророчество тоже совершенно ложно, так как личность Христа возбуждала только презрение; его учение, жизнь и смерть были в глазах народов только безумием, а в глазах евреев — соблазном. И если теперь он в почете у христиан, то это случилось вовсе не потому, что они познали истину и убедились в ней, а по упорству и в результате совращения ложью, как это делается во всех прочих религиях. Вот доказательство: согласно этому обещанию или пророчеству он должен был одинаково стать главой народа израильского и главой и светильником народов, составляющих теперь народ христианский; однако вместо того, чтобы быть главой народа израильского, как было предсказано и обещано, мы видим, что он скорее служит к позору его и посрамлению, что воочию показывает ложность этого обещания или пророчества.

В-четвертых. Сказано, что Иисус Христос начал проповедовать призывом: сотворите покаяние, ибо царство небесное близко *. Если бы это мнимое царство было [тогда] действительно близко, как он говорил, оно уже давно должно было бы явиться и наступить. Ибо оно было обещано уже почти 2000 лет назад и предсказано было, что оно скоро наступит; если бы это обещание и предсказание были верны, их уже давно видели бы осуществившимися. А между тем и

* Матф., 4 : 17.

поныне не видать никаких признаков этого,—наглядное доказательство ложности этого обещания или предсказания, и надо быть удивительно обманутым, одураченным, слепым и легковерным, чтобы верить в грядущее пришествие этого царства.

Некоторые из наших хриstopоклонников заявляют, что царство небесное, о котором говорит Иисус Христос,—не что иное, как учение и устройство его церкви, которая воистину ведет души в царство небесное. Но это совершеннейшая иллюзия и самообман, ибо нет народа, который не мог бы точно так же называть свою религию, свое устройство и управление царством небесным, и любой шарлатан мог бы подобным образом обещать пришествие царства небесного. Но если бы люди знали, что под царством небесным понимается только это, они, разумеется, не придавали бы значения этим обещаниям и этим мнимым царствам небесным, видели бы в последних только плод воображения.

В-пятых. Иисус Христос говорит сам, что не следует беспокоиться и утруждать себя заботой о питье, о необходимой в жизни одежде, что надо всецело положиться в этом на промысел своего отца небесного, который,—как он выражается,—питает птиц небесных, хотя они не сеют и не собирают в житницы, и одевает цветы и лилии полевые, хотя они не трудятся и не прядут. Он уверял своих учеников, что если его отец небесный так печется о птицах небесных и цветах полевых,

то тем более он будет всячески заботиться о людях и не допустит, чтобы они терпели в чем-нибудь нужду, если только будут прежде всего искать царства божия и правды его *. Нечего сказать, весьма любопытно было бы поглядеть на людей, положившихся на подобное обещание. Что случилось бы с ними, если бы они хотя бы один или два года прожили, не работая, не возделывая землю, не снимая жатвы и не собирая в житницы наподобие птиц небесных? Им пришлось бы подымать очи горе, как ханжам, и благочестиво искать мнимого царства небесного и его правды. Любопытно, побудило ли бы это их отца небесного особенным образом заботиться об их нуждах? Приносил ли бы он им чудесным образом еду и питье, когда они проголодаются, белье и одежду, когда это понадобится им? Тщетно взывали бы они к своему отцу небесному, хотя бы вопили так громко и долго, как вопили пророки Ваала, призывая бога оказать им свою помощь и проявить свое могущество в их тяжелом положении. Можно не сомневаться, что этот отец небесный останется столь же глух к их воплям, как Ваал к воплям своих пророков. Поэтому нет столь глупого народа, даже среди наших христопоклонников, который положился бы на такое обещание, а если находятся в народе отдельные лица, семьи и даже общины священнослужителей, монахов и монахинь, которые не

* Матф., 6 : 25—34.

работают и занимаются только нелепым культом своих ложных божеств, то это потому, что они отлично знают, что есть другие, которые работают более полезно, чем они; не будь этого, им пришлось бы, конечно, взяться за дело наравне с другими.

В-шестых. Иисус Христос говорит, что надо только попросить, и вы получите, ищите и обрящете. Он уверяет, что все, о чем просишь у бога во имя его, будет дано и что имеющий веру, хотя бы величиной с горчичное зерно, сможет одним словом передвигать горы *. Если бы это обещание было верно и оправдалось на деле, то никто, в особенности же никто из наших хриstopоклонников, никогда не нуждался бы ни в чем ему необходимом, ему надо было бы только поискать, и он обрел бы, просить, и он получил бы. Равным образом для них не было бы ничего невозможного, так как у них есть вера в своего Христа. Однако не видно никакого результата этих прекрасных обещаний; напротив, на каждом шагу видишь среди хриstopоклонников бесчисленное множество несчастных бедняков, которые терпят нужду, ищут и не обретают, просят и ничего не получают. Видишь даже такую вещь: вся христианская церковь обращается к богу с горячими и неоднократно повторяемыми всенародными молитвами, но то, чего она просит, ей не

* Матф., 7 : 7; Луки, 11 : 9; Марка, 11 : 24; Иоан., 11 : 13; Марка, 11 : 23; Луки, 18 : 6.

удалось получить и поныне. Вот уже тысячу лет и больше она просит у бога во всенародных и частных молитвах истребить еретиков, обратить неверных и всех грешников, просит здоровья души и тела для всех чад своих, просит мира и согласия между всеми верующими, духа послушания, чтобы служить богу всегда со страхом и любовью, духа мудрости, чтобы во всем выбирать самое лучшее и спасительное и отвергнуть все, что противно славе божьей и спасению души. Она просит у бога и наставляет всех своих чад просить у бога, да творится воля его на земле и на небесах, и другие подобные вещи; церковь христианская каждодневно молит о них в церковных молебствиях и частных молитвах, однако она не получает просимого. Ереси продолжают существовать и даже умножаются, а не искореняются; попрежнему существует бесчисленное множество злых грешников и неверных, никак не желающих обратиться, попрежнему бесчисленное множество людей действительно поражено телесными и духовными недугами. Раздоры продолжают, к несчастью, вносить смуту и раскол среди людей и, наконец, дух мудрости вовсе не направляет их к их истинному благу, а тем менее внушает им страх божий и любовь к богу. Таким образом, отнюдь не видно, чтобы воля божия творилась на земле, как она якобы творится на небе; и сама церковь христианская, римско-католическая церковь, называющая себя возлюбленной супругой

своего бога и своего Христа, даже она не получает того, о чем она каждодневно так настойчиво просит бога, хотя она обращается со своими просьбами от имени своего господина Иисуса Христа, обещавшего непреложное исполнение всех просьб, обращенных к богу от его имени; это воочию показывает ложность такого обещания.

Возьмем еще один пример. Кто из наших хриstopоклонников, даже из самых религиозных и убежденных среди них, дерзнет приказывать горам передвинуться с места на место или деревьям сорваться с земли и броситься в море и при этом будет уверен, что покажет людям исполнение этого приказа? Несомненно, ни один человек в здравом уме не возьмется за это. А между тем их бог и всемогущий Христос сказал им определенно, что, если они имеют веру хотя бы величиной с горчичное зерно, для них не будет ничего невозможного, если они скажут дереву: сорвись и ввергнись в море,— оно послушается их. Он сказал им также, что верующие в него будут изгонять бесов от имени его, будут говорить на разных языках, будут касаться змей, не подвергаясь опасности, будут пить яд и оставаться невредимыми и, наконец, возвращать больным здоровье одним наложением рук; он сказал им, что, совершая все эти чудеса, они дадут несомненное доказательство искренности их веры и непреложности обещаний их Христа. Если же они не могут делать этих чудес, то это — верное

доказательство, что их вера недостаточна, но что вместе с тем они не думают, что эти обещания ложны. Спрашивается: если их вера недостаточна, то почему нет у них ее, этой веры? И почему они не верят, эти остолопы? Ведь верить и совершать такие чудесные вещи было бы для них весьма выгодно и создало бы им большую славу. Но, если они заявляют, что имеют веру, и тем не менее бессильны творить упомянутые чудеса, они не могут не признать упомянутые обещания пустыми и ложными и не считать себя обманутыми.

Если бы, например, Магомет надавал подобные обещания своим последователям и они не могли бы, как и хриstopоклонники, доказать их исполнение, наши хриstopоклонники не преминули бы поднять крик: ах, мошенник! ах, шарлатан! что за безумцы, верящие такому обманщику! И вот они сами в таком же положении, уже давно в таком же положении, и все еще не знают или не хотят знать своих заблуждений и ослепления и признаться в них. А так как они весьма горазды обманывать самих себя и любят поддерживать и уверять себя в своих заблуждениях, они ссылаются на следующий довод: упомянутые обещания имели свое действие и осуществлялись в начале христианства, так как тогда чудеса были необходимы для того, чтобы убеждать неверных и маловерных в истинности христианской религии; но с тех пор,— продолжают они,— как их религия достаточно утвердилось, в этих чудесах уже не было надобности,

и, следовательно, богу не нужно было предоставлять своим верующим последователям способность творить чудеса. В то же время это, по их мнению, нисколько не препятствует этим чудесам быть вполне действительными, так как они достаточно осуществлялись в прежнее время.

Но откуда им известно, что эти чудеса когда-то действительно осуществлялись? Как бы им ни хотелось верить в это, они не в состоянии привести ни одного надежного свидетельства этого, как я это доказал выше. К тому же, тот, кто дал эти обещания, не ограничил их определенным временем, определенным местом, определенными лицами. Он сказал, что вера имеющих веру будет сопровождаться этими чудесами.

Они будут именем моим изгонять бесов, будут говорить на различных языках, будут трогать змей без опасности для себя, и если выпьют яда, он не причинит им никакого вреда, они будут исцелять от болезней одним наложением рук *. По поводу молитвы он определенно говорит, что исполнит все, о чем попросят у отца во имя его **. Если двое из вас,— говорит он,— согласятся на земле, то, чего бы они ни попросили, они это получают ***. Каждому, кто просит, тому будет дано,— говорит он в другом месте.— Если вы,

* Марка, 16 : 17, 18.

** Иоан., 14 : 13.

*** Матф., 18 : 19.

прочие, будучи злы, умеете, тем не менее, давать благие деяния детям вашим, то тем более ваш отец небесный даст духа благого * просящим у него. О перемещении гор он определенно говорит: если кто скажет горе: поднимись отсюда и свергнись в море, то если только он не усомнится в сердце своем, а верит, что сбудется все по словам его, это сбудется и т. д. **. Вот обещания, которые носят совершенно общий характер; ясно, что они не ограничены ни временем, ни местом, ни определенными лицами, а следовательно, чтобы быть истинными во всем своем объеме, то-есть без ограничения во времени, месте или определенными лицами, а следовательно, чтобы быть истинными, они должны исполняться и осуществляться по отношению ко всем тем, мужчинам и женщинам, которые имеют веру и просят во имя Иисуса Христа. А так как очевидно, что они не исполняются теперь нигде и что никто даже не осмелился бы взяться показать осуществление их, не рискуя выставить себя на позор и посмешище, то ясно также, что они ложны.

В-седьмых. Иисус Христос сказал своим ученикам, что даст им ключи от царства небесного и что все, что они свяжут на земле, будет связано на небесах ***. Но так как никто не может подняться на небо и поглядеть, что

* Луки, 11 : 13.

** Марка, 11 : 23, 24.

*** Матф., 16 : 19.

там делается, и так как эти якобы ключи царства небесного и эта власть вязать и решить, о которой говорит Христос,— лишь воображаемые ключи и воображаемая власть, или власть духовная, как выражаются наши христопоклонники, то любой шарлатан, любой изувер легко может надавать таких обещаний; но легко также раскрыть всю пустоту их. Точно так же легко раскрыть пустоту других таких обещаний, данных тем же Христом своим ученикам, как-то: обещания, что они будут пить и есть за его трапезой, когда он будет в царстве своем *, что он посадит их на двенадцать престолов судить двенадцать колен израилевых, или обещание воздать сторицей всем, кто из любви к нему покинет отцов, матерей, братьев, сестер, жен, детей, дома, землю и прочее достояние **. Он обещал также даровать вечную жизнь тем, кто будет соблюдать его слово ***, или ядущим плоть его, как он выражался, и пьющим кровь его, и что он воскресит их в последний день и т. д. ****. Так как он откладывает исполнение всех этих прекрасных обещаний до неопределенного времени, которого придется долго ждать, до времени какого-то нового возрождения, которое, разумеется, никогда не наступит, то любой шарлатан, любой изувер легко мог бы надавать подобных обещаний;

* Луки, 22 : 30.

** Матф., 19 : 28, 29; Марка, 10 : 29.

*** Иоан., 8; 51.

**** Там же, 6 : 54.

но в то же время легко понять всю их пустоту, так как они сами себя разбивают.

В-восьмых. Иисус Христос сказал своим ученикам, что он основывает свою церковь на камне [скале], что она будет существовать вечно и врата адовы никогда не одолеют ее *. Если под этими словами он разумел, что его секта будет существовать всегда и никогда не будет уничтожена, то это еще должно показать будущее; ибо, хотя она существует уже достаточно долго, но это еще не является надежным доказательством, что она будет существовать всегда,— люди не всегда будут в отношении религии слепы, как теперь. Быть может, в один прекрасный день у них откроются глаза, и они, хотя и поздно, увидят, что заблуждались. Тогда они с негодованием и презрением отбросят все, чему поклонялись с таким религиозным рвением, и всем этим сектам, построенным на заблуждении и обмане, придет тогда позорный конец. Но если под вышеприведенными словами Христос понимал только, что он основал секту или общину верующих, которые не впадут в порок и заблуждение, то эти слова безусловно ложны, ибо нет в христианстве ни одной секты, ни одной общины и церкви, которые не были бы насквозь пропитаны заблуждениями и пороками, а главным образом [такова] секта или община римской церкви, хотя она объявляет себя самой

* Матф., 16 : 18.

чистой и святой из всех. Она уже давно впала в заблуждение,— а впрочем, что я говорю! — не впала в заблуждение, а родилась в заблуждениях, зачата и сложилась в заблуждениях, она и доселе пребывает в них, причем в таких заблуждениях, которые явно противоречат намерениям ее основателя, его взглядам и учению. Против его намерения и предначертания она упразднила закон евреев, который он признавал и который, по его же собственным словам, он пришел не разрушить, а исполнить; она впала в заблуждение и идолопоклонство язычества или наподобие язычества, как это воочию показывает идолопоклоннический культ, воздаваемый ею своему богу из теста, своим святым, их образам и мощам.

Вот что говорит об этом один ученый и рассудительный автор *. «Иисус, сын Марии,— говорит он,— произошел от Авраама, Исаака и Иакова. Он был воспитан в Моисеевом законе и никогда не нарушал его. Не думайте,— говорил он, во время своего пребывания в мире,— что я пришел уничтожить закон Моисеев, я пришел, напротив, его исполнить **. Апостолы,— говорит этот ученый,— поступали таким же образом и во всем строго соблюдали установленные предписания. Первые христиане,— продолжает он,— тоже держались их. Они даже соблюдали суб-

* Esp. Turc, t. VI, lettre 6.

** Матф., 5 : 17.

боту евреев, не считая первого дня седмицы, назначенного для всенародного совершения их таинств. Они воздерживались от крови и от мяса задушенных животных, от мяса нечистого и приносимого в жертву идолам». Так было решено и постановлено на первом их соборе, собравшемся в Иерусалиме под председательством первого апостола Иисуса Христа, по имени Петр. Угодно было святому духу и нам,— говорят они,— не возлагать на вас никакого бремени, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда; соблюдая сие, хорошо сделаете *. «У них не было в их церквах,— говорит этот автор,— ни изваяний, ни картин, ни часовен, ни молелен. Наконец, они соблюдали все предписанные очищения, и все поклонялись единому богу. А теперь,— говорит этот автор,— совсем другое дело, римская церковь следует совершенно противоположным правилам. Она отказывается от точных слов Христа и определенно заявляет, что он пришел отменить закон и освободить всех, что мы можем теперь услаждать себя кровью зарезанных животных с такой же свободой, как и молоком живых животных, можем есть свинину и другое нечистое мясо и не будем от этого большими преступниками, чем от вкушения мяса ягнят и других чистых животных, дозволенных законом божьим. Как согласуется это одно с другим,— спрашивает

* Деяния, 15 : 29.

он,— и как может разумный человек придавать этому веру? Неудивительно,— говорит он,— что на свете столько вольнодумцев и атеистов, если христианство, не что иное, как клубок явных, осязательных противоречий. Ты ответишь на это,— говорит этот автор,— как обычно отвечают богословы: вначале апостолы и другие христиане соблюдали Моисеев закон из боязни вызвать возмущение принявших христианскую веру евреев, которые нашли бы предосудительным отступление от старых установлений и от положений дома Иакова; но когда проповедь евангелия распространилась по всей земле и многие язычники вступили в церковь, то нашли, что нет уже надобности вводить в соблазн всех прочих христиан из-за такого ничтожного народа, как евреи, и возлагать на них [язычников] иго, которое было для них непривычно и которое скорее могло бы заставить их отказаться от самого христианства, чем подчиниться такому невыносимому бременю. Поэтому церковь, чтобы облегчить по мере сил своих обращение в христианство Римской империи, охватывавшей наибольшую часть земли, приноровила свои законы и предписания, свои обычаи и религиозные обряды к духу времени и тогдашним нравам. И так как язычники принимали в пищу все, не делая различия, им внушали, что это вполне соответствует воле Иисуса Христа, пришедшего освободить людей от кабалы и от рабского следования суевериям Моисеева закона. По

такому же потворству ввели в церкви изваяния и картины. Священнические одежды, украшения алтарей, свечи, светильники, благоговения, вазы с цветами и прочие прелести культа введены были только по образцам, заимствованным у жрецов Юпитера, Аполлона, Венеры, Дианы и других языческих божеств. Таким образом празднества в честь богов и богинь были превращены в праздники святых, и храмы, посвященные прежде солнцу, луне и звездам, посвящались теперь апостолами и мученикам. Даже Пантеон¹²⁴, храм всех богов, находившийся в Риме, был с течением времени благодаря ловкости церковников превращен в церковь, которая была посвящена всем святым. Одним словом, казалось, что христианство было во всех отношениях только замаскированным язычеством. Это выдавалось за благочестивый обман и мотивировалось необходимостью привлечь в лоно церкви так или иначе столько миллионов грешников. В этом отношении можно действительно сказать, что римская церковь в такой же мере превращала христиан в язычников, в какой язычников — в христиан. Эфиопская (абиссинская) церковь является живым свидетелем против нее: христиане Эфиопии с самой древности и даже со времен апостолов соблюдали ту часть Моисеева закона, в которой говорится о чистых и нечистых [животных] и предписывается выбор дозволенного и недозволенного по закону мяса. Поэтому,— говорит этот автор,— в этой стране больше

евреев, перешедших в христианскую веру, чем на всей остальной земле. Повидимому,— говорит он,— восточные христиане в меньшей мере заслуживают осуждения, чем римские христиане; они, правда, не соблюдают с такой же точностью, как христиане Эфиопии, предписаний закона о мясе чистых и нечистых животных, о напитках дозволенных и недозволенных и т. д., однако они не принимают в пищу мяса задушенных животных и кровь. Их церковники всю свою жизнь воздерживаются от всякого мяса, соблюдают много очистительных обрядов и правил святой жизни. Но римские католики, как свиньи, плещутся в грязи и не устают твердить себе, что они — единственный народ на земле, находящийся на столбовой дороге к небу. Я не знаю,— говорит это автор,— что думать об этом, евреи по всей видимости не собираются обращаться [в христианскую веру], пока не будут устранены эти препоны. Кто не посмеется,— говорит тот же автор,— над глупостью людей, воздающих божеские почести какому-нибудь огородному чучелу или дереву, борову, собаке, лошади, змее и т. д., или первому предмету, который они увидят поутру, как это делают лапландцы и много других идолопоклонников! Но, с другой стороны, кто,— говорит он,— удержится от слез при виде людей, которые заявляют, что исповедуют закон Моисея и закон Мессии, проповедовавших, по их словам, единого бога, людей, которые похваляются, что обладают самой

чистой и святой религией в мире (эти люди — римские христиане), кто, повторяю, не заплачет * при виде того, как эти люди поклоняются деревьям и камням, иконам и статуям, гвоздям, лохмотьям, костям, волосам, кусочкам старого дерева и вообще всему, на что укажут им падкие на выдумки церковнослужители, как на предметы, достойные их благоговения и поклонения». Все эти заблуждения и злоупотребления воочию наблюдаются в римской церкви, они совершенно противоположны первоначальному установлению христианской религии и установлениям самого Иисуса Христа, ее первого основателя. Итак, если слова его, что врата адовы не одолеют его церкви, или того, что он основал, — если слова эти относятся к порокам или к заблуждениям и злоупотреблениям, то его обещание оказывается явно ложным в отношении католической церкви, так как последняя преподает ряд заблуждений и злоупотреблений, которые он сам осудил бы. И еще в настоящее время легко видеть, что она не непогрешима в своем учении, так как она теперь буллой *Unigenitus* ¹²⁵, принимаемой ею и всюду вводимой в обязательном порядке, осуждает то учение, которое принималось ею прежде, учение, которое она установила на своих соборах и в их постановлениях и которое официально содержится в ее якобы святых и священных книгах.

* Esp. Turc, t. V, lettre 15.

В-девятых. Иисус Христос сказал *: Грядет час, когда все те, кто находится в гробах и могилах, услышит глас сына божия и оживут. Вот уже около 2000 лет как это было сказано, и, стало быть, этот час должен был наступить еще около 2000 лет тому назад, однако все еще не видно этого часа. Значит, он совершенно неверно говорил: грядет час, ибо час еще не пришел, и нет никакого признака, что он должен наступить в скором времени или вообще когда-либо.

В-десятых. Тот же Иисус Христос **ставлял своих учеников не тревожиться о том, что им говорить и отвечать, когда они предстанут перед судьями, правителями и самими царями, он внушит им тогда такую мудрость,— говорил он,— и такие слова, которыми враги не смогут сопротивляться и противоречить. Если бы это обещание исполнилось, они легко убедили бы своей мудростью и силой своих доводов и речей всех, кто вздумал бы противостоять им. Однако нигде не видно, ни в их речах, ни в их писаниях, чтобы им когда-либо удалось убедить силой разума кого-либо из своих врагов и хоть одного неверующего; нигде, повторяю, не видеть и следа этой божественной мудрости или хотя бы этого разума, способных убедить или просто уверить умного и просвещенного человека; напротив, можно видеть, что они

* Иоан., 5 : 25.

** Матф., 10 : 19; Луки, 12 : 11.

всегда сами попадали впросак и что на них всегда смотрели с возмущением и презрением как на жалких фанатиков и изуверов. По этой причине и преследовали их, как об этом свидетельствуют все повествования истории *.

В-одиннадцатых. Иисус Христос говорил своим ученикам, что он — светильник мира, что он будет светить каждому, грядущему в мир, и что тот, кто следует за ним, не будет ходить во тьме. Однако, кроме солнца, нет другого светила, которое светило бы всем людям, да и оно не светит слепым. У св. Иоанна сказано, что Иисус Христос даст всем верующим в него власть стать чадами божьими, которые рождены не от похоти плотской, не от крови, не от хотения плоти мужа, а от бога. Но где они, эти божественные чада господа, родившиеся таким божественным способом, без участия мужчины? Что и говорить, мы видим только людей, родившихся естественным путем, от плоти и крови.

В-двенадцатых. Иисус Христос говорил, что он есть путь и истина и жизнь **, что он — само воскресение и что верующий в него никогда не умрет ***. Он сказал также, что кто соблюдает слово его, тот не увидит смерти вовек ****. Выходит, следовательно, что никто не соблюдал его слов, никто не верил в него истинным образом, в том числе даже

* Деяния, 5 : 41.

** Иоан., 14 : 6.

*** Там же, 11 : 25.

**** Там же, 8 : 51.

самые верные ученики его, так как все люди до единого как в то время, так и в последующие века умирали и на наших глазах ежедневно умирают люди, верующие в него, никто не может избежать смерти, ускользнуть от нее. Да и как мог бы он предохранить кого-нибудь от смерти, раз он сам не в состоянии был сберечь себе жизнь и избежать смерти! Где же правда во всех этих обещаниях? Кто не стал бы смеяться, услышав их, и видя так мало свершений? А если нельзя показать эту правду, приходится сделать вывод, что они безусловно ложны и даже просто-напросто смешны.

Утверждать, что эти слова и этого рода обетования должны пониматься в духовном смысле, что они истинны в этом духовном смысле, хотя не являются таковыми в буквальном смысле,— утверждать это — значит предаваться чистейшей иллюзии, так как этот так называемый духовный смысл существует только в воображении и нарочито придуман. Этот духовный смысл можно толковать и применять как угодно ко всем случаям, это нечто вроде той сандали Ферамена, которая приходилась в пору на каждую ногу. Нет такого ложного, нелепого и смешного обещания и положения, которому нельзя было бы придать тот или иной духовный аллегорический и переносный смысл, если только захотеть доискиваться в них духовных и воображаемых истин на манер тех истин, которые наши хриstopоклонники откапывают в словах

и обещаниях своего Христа. А раз тот духовный смысл, который они вкладывают в эти обещания, существует только в воображении, то и те истины, которые они якобы находят в этих словах и обещаниях Христа, существуют тоже только в воображении, и смешно было бы останавливаться на них серьезно. Впрочем, эти изречения и обещания не оказываются истинными не только в естественном и буквальном смысле, но и в том духовном смысле, который вкладывают в них; отсюда следует, что они ложны в том и другом смысле.

В-тринадцатых. Иисус Христос говорил *, что его увидят сходящим с неба, грядущим на облаках небесных с силой и славой великой, что он пошлет ангелов своих, которые при звуке трубы громогласной соберут избранных его с четырех концов мира, от одного края неба до другого, что солнце померкнет, звезды спадут с неба и все народы земли восплачутся о своем несчастье. Он уверял, что все это произойдет в скором времени, то есть при жизни его современников. Истинно говорю вам,— сказал он своим ученикам,— не пройдет род сей, как все сие будет **. А вот что говорил он своим ученикам при другом случае ***: истинно говорю вам, есть некоторые из стоящих здесь, которые умрут не прежде, чем увидят пришествие

* Матф., 24 : 30; Луки, 21 : 27.

** Там же, 24 : 34.

*** Там же, 16 : 28; Марка, 8 : 38.

царства божия в его славе и сына человеческого, грядущего в царствии своем. Вот совершенно определенное пророчество, которое должно было исполниться вскоре после того, как было произнесено. Но что же! Ясно, что ничего подобного не произошло. Со времени этого пророчества прошло много поколений, и нет уже никого из тех, которые должны были узреть исполнение его, они все умерли уже около 2000 лет назад. Итак, ясно, что это пророчество не сбылось, и столь же ясно, что оно ложно.

В-четыренадцатых. Иисус Христос говорил *, что когда он будет вознесен от земли, он привлечет всех к себе; наши хриstopоклонники толкуют это в том смысле, что он привлечет всех людей к себе, т. е. к познанию и любви его. Эти слова весьма далеки от истины, так как число людей, познавших и почитающих его, ничтожно в сравнении с теми, которые не знают его и не служат ему. Когда утверждают, что эти слова достаточно действительны, так как он привлек к себе людей всякого возраста, пола и положения, то это пустое толкование, любой шарлатан мог бы сказать и сделать то же самое.

В-пятнадцатых. Сказано также **, что как смерть пришла через одного человека, точно так же воскресение и оправдание придут через одного человека; далее, что как все люди

* Иоан., 12 : 32; Луки, 21 : 27.

** Римл., 5 : 17.

умерли во Адаме, так все они оживут во Иисусе Христе. Было предсказано и возведено *, как тайна божественной веры, что все мертвые восстанут и будут бессмертны, что тленному сему надлежит облечься в нетленное и что бог ** создаст новое небо и новую землю, в которой будет обитать правда. Все эти обещания и предсказания оказываются явно ложными, так как не видно никакого осуществления их, никакого подобия правды. Вместе с тем было сказано, что бог не медлит с исполнением своих обещаний. Что ж, неужели откладывание на тысячи лет исполнения того, что должно произойти, не есть замедление и изрядное замедление?

В-шестнадцатых. Наконец, о пришествии и рождении *** Иисуса Христа говорится, что в его лице бог должен исполнить все свои прекрасные и щедрые обещания древним патриархам Аврааму, Исааку и Иакову. Поэтому мать его Мария, считая, что носит в утробе своей божественный плод, младенца, через которого бог явит совершенно необычайные чудеса своего всемогущества, радовалась в душе и славila господа; поэтому она

* 1 Кор., 15 : 51.

** II Петра, 3 : 13.

*** Деяния, 13 : 32 и 10 : 42, 43; Христос искупил нас от проклятия закона... дабы благословение Авраама через Иисуса Христа распространилось на язычников... дабы обетование верующим дано было по вере в Иисуса Христа. Гал., 3 : 13, 14, 22. Но когда пришла полнота времени, бог послал сына своего, чтобы искупить подзаконных. Гал., 4 : 4.

говорила, что он совершит в ней великое, что он явит силу мышцы своей и рассеет злые умыслы надменных и гордых людей, низложит царей с их престолов и возвысит на их место смиренных, что он даст изобилие алчущим и ввергнет в нужду живущих в изобилии и, наконец, возьмет под свою защиту народ Израиля, отрока своего, вспомнив милость, которую обещал отцу их Аврааму и семени его навеки... А первосвященник* Захария говорил о том же: благословен господь бог Израиля, что посетил народ свой и сотворил избавление ему, как возвестил устами святых пророков своих, живших в прошлые века, что спасет нас от врагов наших и от руки всех ненавидящих нас, сотворит милость с отцами нашими и помянет святой завет свой, клятву которой он клялся Аврааму, отцу нашему, дать нам эту милость, дать нам небоязненно, по избавлении от руки врагов наших, служить ему в святости и правде перед ним, во все дни жизни нашей**. Поэтому также апостол Павел, проповедуя антиохийским евреям веру в Иисуса Христа, говорил им: к вам, братья мои, чада семени Авраама, обращено было слово спасения! и мы благовествуем вам, что обетование, данное отцам, бог исполнил нам, детям их, воскресив Иисуса. Знайте же, братья мои,— говорил он им,— что через него***,

* Луки, 1 : 67.

** Там же, 1 : 68 и т. д.

*** Деяния, 38 : 39 [13 : 32].

то-есть Иисуса Христа, я возвещаю вам прощение грехов и отпущение всего, в чем вы не могли быть оправданы по закону Моисееву; всякий, кто верует в него, оправдан. И сам Иисус Христос *, говоря своим апостолам о своем пришествии, сказал им, что все написанное о нем в Моисеевом законе, у пророков и в псалмах, исполнилось и что покаяние и отпущение грехов проповедано было во имя его среди всех народов. В связи с этим мнимым исполнением обетований он сам возвещал и заповедал своим ученикам возвещать повсюду ** близкое пришествие царства небесного, причем понимал под этим царством небесным исполнение всех прекрасных и чудесных обетований, которые, как верил он, бог дал их праотцам. Отсюда ясно, что пришествие и рождение Иисуса Христа рассматривалось в то время, во всяком случае учениками его, как пришествие того, кто должен был привести в исполнение все те прекрасные обещания, которые якобы были даны богом древним патриархам Аврааму, Исааку и Иакову. Поэтому также спрашивали его однажды ученики, скоро ли он восстановит им царство Израиля: «не в сие ли время, господи, восстанавлиаешь ты царство Израилю?» ***

* Луки, 24 : 44.

** «В последние дни сам бог говорил нам в сыне, которого поставил наследником всего». Евр., 1 : 2.

*** Деяния, 1 : 6.

XXIX. [Ложность духовных, аллегорических и мистических толкований священного писания]

Итак, ясно, что Христос отнюдь не исполнил упомянутых обещаний и что исполнение их не было его делом. Это легко показать, сравнивая то, что говорится в этих обещаниях, с тем, кто был Иисус Христос и что он сделал. Обещания определенно говорят, как я уже указывал выше, что бог заключил вечный союз с народом израильским, то-есть с нынешним еврейским народом, что он, рассеяв этот народ среди всех народов земли в наказание за грехи, потом освободит его от рабства, соберет его со всех концов мира, где он его рассеял; говорится, что для этой цели он пошлет им своего могущественного избавителя, который освободит их, соберет их промежду всех народов и со славой возвратит их во владение своей страной, где они всегда будут верно служить своему богу и в мире и безопасности наслаждаться всеми благами и счастьем без страха когда-либо подвергнуться надруганию со стороны своих врагов. В этих обещаниях, как я уже заметил, определенно говорится также, что город Иерусалим, столица этого народа, будет святым городом, будет избран богом для установления в нем навеки престола его славы; что для этого бог сделает этот город самым прекрасным, самым богатым, самым прославленным и самым цветущим городом в мире. Эти обещания неодно-

кратно повторялись мнимыми пророками, которые предсказывали и возвещали чудеса по этому поводу, как я тоже отметил это выше. Согласно всем этим прекрасным обещаниям и предсказаниям еврейский народ должен был бы в настоящее время не только быть освобожден от всякого рабства, но сверх того быть самым святым, самым благословенным, самым счастливым, самым могучим, самым прославленным и самым торжествующим из всех народов мира, а город Иерусалим должен был бы в настоящее время быть самым святым, самым прославленным, самым счастливым, самым богатым и самым торжествующим городом во всей вселенной. Но ясно, что ничего подобного нет и ничего из этого не сбылось и не было никаких признаков наступления этого ни со времени рождения и пришествия Иисуса Христа, ни до его рождения и пришествия.

А отсюда ясно, что эти обещания отнюдь не совершились во Христе, ни через кого-либо другого помимо него, и, стало быть, очевидно, что эти обещания и пророчества совершенно пусты и ложны.

Мне очень хорошо известно, что наши христопоклонники считают грубой наивностью понимать эти обещания и пророчества в буквальном смысле, а себя считают тонкими и глубокими истолкователями намерений и воли своего бога. Они оставляют в стороне буквальный и естественный смысл слов и вкладывают в них свой смысл, который называют

мистическим и духовным, дают ему также название аллегорического и фигурального.

Так, они говорят, что под народом Израиля и Иуды, которому даны эти обещания, следует понимать, как они выражаются, не израильтян во плоти, а израильтян по духу, т. е. христиан, которые, по их же собственным словам, суть Израиль божий, т. е. истинный избранный народ; для него, утверждают они, приберегается исполнение вышеуказанных обещаний, чтобы произойти чисто духовным и божественным путем. Под обещанным народу освобождением от плена у всех его врагов следует,— говорят они,— понимать не физическое освобождение одного народа, находящегося в плену, а духовное освобождение всех людей от порабощения дьяволу и греху; это освобождение должно было произойти через Иисуса Христа, божественного спасителя, который, как они говорят, сам себя принес в жертву для спасения всех людей. Пустые иллюзии и смешные толкования.

Изобилие богатств, благ и всякого рода мирского благополучия, обещанное этому народу, толкуют как изобилие духовных милостей и благодати, к которым бог приобщает Иисуса Христа, божественного спасителя. И, наконец, под Иерусалимом, который так превозносится в этих обещаниях и пророчествах, надо понимать не земной Иерусалим, а Иерусалим духовный, сиречь христианскую церковь, или Иерусалим небесный, сиречь само небо; здесь, как говорят наши христопо-

клонники, обитает сам бог, здесь престол его славы и его державного величества, место, где находятся все великие блага, каких только можно пожелать, и всякое счастье, каким могут наслаждаться, место, куда не может проникнуть никакая скверна и где истинные избранные будут пребывать в вечном блаженстве, не боясь уже никакого зла. Итак, согласно этому духовному и мистическому толкованию данное упомянутым древним патриархам Аврааму, Исааку и Иакову обещание бога благословить и умножить их семя и потомство, как песчинки на берегу морском или пылинки на земле, было лишь образным выражением: бог дает или давал понять этим, что он благословит и умножит христиан: они духовно разумелись под этим потомством упомянутых патриархов. Когда бог обещал патриархам заключить вечный союз с ними, то под этим понимался вечный и духовный союз его с христианской церковью, которой он даст евангельский закон на веки вечные. Когда он обещал им и всему их потомству дать им спасителя, который избавит их от всякой неволи и всех бедствий, соберет их со всех стран света, куда они были рассеяны и уведены в плен, и вернет их, победоносных и торжествующих, во владение их землями и страной Ханаанской и Палестиной, то это понималось не буквально, не в смысле мирского избавителя, а духовно,—спаситель должен был духовно избавить людей от плена дьявола, от греха, вернуть их всех к позна-

нию истинного бога, а не просто избавить еврейский народ от его временного мирского плена. Когда бог обещал им, что после своего избавления они будут в своей стране наслаждаться в изобилии всякого рода благами, когда он обещал им изобилие пшеницы, вина, оливкового масла, молока, меда и всех прочих благ, то под этим понимались не временные земные блага, как пшеница, вино и т. п. мирские богатства, а духовные блага благодати — они были преобразены в мирские блага, их должен был принести людям духовный спаситель, после того как он избавит их от их грехов. Пустые иллюзии и смешные толкования! И, наконец, когда он обещал сделать город Иерусалим столь святым, столь богатым, столь обильным, цветущим и счастливым, то под этим понимался не Иерусалим земной, а Иерусалим духовный, сиречь христианская церковь, или небесный Иерусалим, который есть настоящее жилище бога и подлинная обитель блаженных душ... В таком же смысле следует понимать и все прочие обещания и пророчества, данные в пользу народа израильского и его града Иерусалима. В своем собственном, естественном смысле эти обещания и пророчества оказались явно ложными, но наши хриstopоклонники все же не хотели открыто признать их ложности, так как их религия покоится на этих мнимых обещаниях и пророчествах; поэтому хриstopоклонники вынуждены придавать им такой смысл, которого они не имеют, и пытаться прикрыть

таким образом их ложность и находить в них, буде им удастся, истину, которой в них нет и никогда не будет.

Но легко видеть, что этот мнимый аллегорический смысл является лишь чуждым, воображаемым смыслом, продуктом фантазии толкователей и поэтому никак не может служить для обнаружения ни истинности, ни ложности какого-либо положения, обещания или пророчества и что даже смешно сочинять такие духовные значения. Ибо не подлежит сомнению, что судить об истинности или ложности какого-либо положения, обещания или пророчества можно только по их естественному и действительному смыслу! Так, если какое-нибудь положение, обещание или пророчество оказывается истинным в собственном и естественном смысле тех выражений, в которых оно составлено, то оно не станет само по себе ложным от того, что ему придадут чуждый смысл, которого оно не имеет. Точно так же, если какое-нибудь положение, обещание или пророчество оказывается явно ложным в собственном и естественном смысле тех выражений, в которых оно составлено, то оно не станет само по себе истинным от того, что ему придадут чуждый смысл, которого оно не имеет. Поэтому, если мы видим в речи, обещании или пророчестве ясный и прямой смысл, собственный и естественный смысл, по которому легко судить об их истинности или ложности, то безумно и недопустимо сочинять здесь какие-то чуждые, посторонние зна-

чения и искать таким образом истин или призраков, которых здесь нет; смешно, повторяю, бросать истину, заключающуюся в ясном, собственном и естественном смысле, и искать в каком-то надуманном и воображаемом смысле истин, которые будут только фантазиями.

Однако наши хриstopоклонники поступают именно таким образом: они отбрасывают собственный, естественный, действительный смысл обещаний и пророчеств, о которых у меня шла речь, и придумывают для них какие-то духовные и мистические значения, которые, вне всякого сомнения, — только продукт фантазии, причем фантазии смешной. Ибо, отбрасывая таким образом собственный естественный смысл этих обещаний и пророчеств, наши хриstopоклонники отбрасывают реальный и действительный смысл и цепляются за значения, существующие только в воображении и ведущие только к тому, что для прикрытия старых заблуждений создаются новые заблуждения. Я говорю, что эти духовные и аллегорические значения существуют только в воображении, потому что фактически только от фантазии толкователей зависит придать предмету тот или другой желательный им духовный и мистический смысл. Следовательно, если стоит только выдумать тот или другой духовный, аллегорический и мистический смысл, чтобы сделать истинными мнимые обещания и пророчества, то таким образом можно сделать истинными самые что ни на есть ложные и нелепые

[обещания или пророчества], а это уже совсем смешно.

К тому же попытка вкладывать в якобы божественные обещания и пророчества другой смысл, чем тот, который явно заключается в них самих, есть безрассудство и самонадеянность, нетерпимые в людях, потому что это значит совершенно изменять, перекраивать и извращать и даже в некотором роде уничтожать эти обещания и пророчества. Я говорю — уничтожать, во всяком случае постольку, поскольку эти пророчества должны исходить от бога, а наши хриstopоклонники не утверждают, что тот духовный, аллегорический и мистический смысл, который они придают им, действительно от бога или хотя бы от пророков. В самом деле, ведь ни самому богу, ни пророкам не приписывается указание на необходимость понимать эти обещания и пророчества в духовном, аллегорическом и мистическом смысле, как это делают наши хриstopоклонники. Итак, наши хриstopоклонники сами, по собственному благоусмотрению, придумывали или придумывают все эти прекрасные, воображаемые духовные, аллегорические и мистические значения, которыми они попусту кормят бедную народную массу, пользуясь ее темнотой. И вот, с одной стороны, они преподносят нам эти мнимые обещания и пророчества как исходящие от самого бога; с другой — они толкуют нам их не в их собственном, естественном смысле, а в надуманном, искусственном смысле, который

они называют аллегорическим, духовным и мистическим, или же в «аналогическом» и «тропологическом»¹²⁶ смысле, как им заблагорассудится. Значит, прикрываясь этим смыслом, они преподносят и предлагают нам уже не слово божье, а свои собственные мысли, свои собственные фантазии и пустые идеи их превратного воображения, а в таком случае эти идеи не заслуживают, чтобы с ними считались. Призрачность и вздорность этих мнимых духовных и мистических значений вытекает еще из следующего: те самые обетования и пророчества, к которым прибегают наши хриstopоклонники в пользу своей религии, может одинаково использовать любая секта, любой народ в пользу своей ложной религии, если только придадут им, по примеру хриstopоклонников, духовный и мистический смысл, соответствующий их верованиям, таинствам и обрядам. Ведь такие толкования можно сочинять в любом количестве и применять их как угодно и к чему угодно. Это зависит только от умения и фантазии тех, которые выдумывают эти значения и толкования.

Повидимому, первый изобрел этот великолепный метод толкования в духовном и мистическом смысле великий архиправедник и избранный сосуд Иисуса Христа, имя ему святой Павел. С одной стороны, он видел, как не сбываются события, которые, однако, должны были совершиться согласно его вере и упомянутым «божественным» обетованиям и пророчествам; он видел, что время их ис-

полнения проходит, но нет никакого признака, что они должны совершиться согласно его вере. С другой стороны, он не хотел признать свое заблуждение на этот счет и искренне сознаться в нем, несомненно, потому, что боялся оказаться в позорной роли одураченного человека. И вот он надумал замаскировать заблуждение, отбросив буквальный, собственный и естественный смысл этих обещаний и пророчеств и придав им новый смысл, которого не ожидали и о котором еще не помышляли,— а именно придумал толковать эти обетования и пророчества духовно, аллегорически и мистически. Для этого он выступил с утверждением, что все, что говорилось и делалось в Моисеевом законе, вся практика его носила только фигуральный характер и имела в виду то, что должно было произойти и совершиться в христианстве.

Вот как он высказывается в своем первом послании к коринфянам *: Не хочу оставить вас, братья, в неведении, что наши отцы были под облаком и все прошли сквозь море; и все ели одну и ту же духовную пищу, и все пили одно и то же духовное питье. Все они,— говорит он,— пили из духовного камня, который следовал за ними, и этот камень,— говорит он,— был Иисус Христос. «Камень же был Христос». Но,— продолжает он,— ко многим из них не благоволил бог, и по воле его они умерли в пустыне. Это,— продолжает

* 1 Кор., 10 : 1.

он,— служило нам образом и поучением, чтобы мы не следовали, как они, нашим похотям и чтобы не впали, как некоторые из них, в идолопоклонство, о чем написано: народ сел есть и пить и стал играть. Не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, отчего в один день погибло 23 тысячи, не станем искушать Иисуса Христа, как некоторые из них искушали, и погибли от змей. Не ропщите, как некоторые из них роптали, и погибли от ангела-истребителя. Ибо все это,— говорит он,— происходило с ними как образ того, что должно произойти с нами, достигшими последних веков, и написано в наставление нам. А вот что он говорит о том же в своем послании к галатам*: Скажите мне, вы, желающие быть под законом, разве не читали вы в законе, что Авраам имел двух сыновей,— одного от рабы, другого от свободной? Но который от рабы,— тот рожден по плоти, а который от свободной,— по обетованию. В этом,— говорит он,— есть иносказание, ибо эти две матери — два союза, или два завета, из них один был дан на горе Синае, он рождает только рабов, его означает Агарь, рабыня. Ибо Синай,— говорит он,— гора в Аравии, которая соответствует нынешнему Иерусалиму и которая с детьми своими в рабстве. Но вышний Иерусалим,— говорит он,— свободен, а это мать нам, о которой написано: возвеселись, неплодная,

* Гал., 4:21.

нерождающая, воскликни и возгласи, не мучившаяся родами, потому что у оставленной больше детей, чем у имеющей мужа. Итак, мы, братья,—продолжает этот апостол,—дети обетования, как Исаак; как и тогда рожденный по плоти преследовал рожденного по духу, то же мы видим и ныне. Что же говорит писание? —прибавляет он.—Изгони рабу и сына ее, ибо сын рабы не будет наследником вместе с сыном свободной. Итак, братья,—заключает он,—мы — дети не рабы, а свободной, и эту свободу даровал нам Иисус Христос, бог послал сына своего в исполнение времен, дабы он был искупителем тех, кто находился под его законом, и в нас совершилось усыновление чад.

В том же смысле он говорит в своем послании к римлянам*: Не все те, которые происходят от Израиля, являются посему настоящими израильтянами, и не все рожденные от Авраама являются посему настоящими чадами его, ибо сказано: только в Исааке надо считать его потомство, это значит, что неплотские дети — настоящие израильтяне и настоящие чада божьи, а признаются за настоящих детей Авраама только дети обетования, как дети Исаака, следовательно, наследники обетований; им,—говорит он,—принадлежит усыновление детей божьих, и слава, и завет, и закон, и богослужение, и обетования, которые, по его мнению, должны исполниться

* Римл., 9 : 6.

не буквально, а духовно во Иисусе Христе. Поэтому он в своем послании к галатам * говорит: Иисус Христос искупил нас от проклятия закона, дабы благословение, обещанное Аврааму, исполнилось через Иисуса Христа на язычниках, и мы через веру получили обещанного духа. Бог,—говорит он,—дал эти обещания Аврааму и его сыну Исааку. Бог не сказал: и твоим сынам — как бы о многих, а твоему сыну — как об одном, который есть Иисус Христос. Так что,—говорит он,—закон, данный через четыреста лет после упомянутых обещаний, послужил нам как наставник, чтобы привести нас ко Христу и оправдаться верой; по пришествии же веры мы уже не под руководством наставника, ибо все мы сыны божьи по вере во Иисуса Христа. Так,—продолжает он,—нет уже ни иудеев, ни эллинов, ни свободных, ни рабов, нет мужеского пола, ни женского, но все мы одно во Иисусе Христе. Вы дети Авраама и, следовательно, наследники по обетованию; однако, по его толкованию, это должно исполниться только духовно во Иисусе Христе. Вот почему он в своем послании к ефесянам ** говорит, что бог благословил нас во Иисусе Христе всеми духовными благословениями превыше небес и что Иисус Христос стяжал нам избавление от наших кар духовными богатствами своей благодати, в которой,—это он говорит в сво-

* Гал., 3 : 13.

** Ефес., 1 : 13.

ем послании к колоссянам *,— заключаются все сокровища науки и премудрости. Итак,— говорит он,— никто да не осуждает вас за пищу или за питье, или за праздники, или за новолуния (новомесячие), или за субботу; это была только тень будущего, а тело этого — во Христе. Если вы, продолжает он,— воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную бога. О горнем помышляйте **, а не о земном,— говорит он им и хочет сказать этим толкованием закона и обетований, что они не должны останавливаться только на плотских и преходящих земных благах, не должны привязываться к ним сердцем и влечением своим, но должны главным образом желать и искать благ небесных, как единственных обещанных им в законе и в упомянутых обетованиях под образом перечисляемых там плотских и преходящих благ этой жизни.

Чтоб успешнее провести это новое толкование закона и пророков и даже выдать свое учение и все сказанное им по этому поводу за совершенно сверхъестественную и божественную мудрость, заявляет он в своем первом послании к коринфянам ***, мы проповедуем мудрость, но мудрость не от века сего и не властей века сего преходящих; но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил бог преж-

* Колос., 2 : 3.

** Там же, 3 : 1.

*** 1 Кор., 2 : 6.

де веков ко славе нашей, премудрость,— говорит он,— которой никто из властей века сего не познал, а нам бог открыл духом своим, ибо нет таких тайн, в которые не проникает этот дух, вплоть до самых сокровенных тайн божьих. Плотский человек,— говорит он,— не понимает тайн божьих*, он не способен их понять, потому что они познаются только духом божьим. Поэтому Павел говорит также, что буква убивает, а дух животворит; он этим желает сказать, что буквальное толкование закона и обетований само собой разрушает и запутывает тех, кто прибегает к нему, а духовное толкование, которое он предлагает, вскрывает действительный смысл закона и обетований, и в этом смысле надо понимать их. И, словно те, к которым он обращался с проповедью такого превосходного и тонкого учения, должны были в награду за это доставлять ему все необходимое для его пропитания и содержания, он заявляет им **: вы удивляетесь, что мы собираем с вас блага земные, посеяв среди вас духовные блага!

Итак, согласно изумительному учению этого наставника язычников, обе жены Авраама и его два сына — не что иное, как духовное воплощение двух тайн. Та жена, которая была только рабыней, изображала союз бога с синагогой, тоже бывшей лишь рабой и, по словам этого апостола, рожавшей только рабов. Та, которая была супругой, изобража-

* 1 Кор., 3 : 6.

** Там же, 9 : 11.

ла собой союз бога с христианской церковью, которая, по словам того же апостола, свободна и является супругой Иисуса Христа. Точно так же сын рабыни, родившийся только во плоти, знаменовал собой ветхий завет, который существовал только для сынов плоти, — они и фигурируют под видом сынов рабыни. Но сын от свободной жены, родившийся по обетованию от бога, знаменовал собой новый завет, существующий для христиан, истинных чад — они и фигурируют под видом Исаака, рожденного по обетованию. Апостол доказывает это тем — обратите на это внимание! — что Синай, где был дан древний закон [Моисея] — гора Аравии, которая находится в связи с горой, являющейся теперь земным Иерусалимом, а последний вместе со всеми своими сынами пребывает в рабстве; напротив, горный Иерусалим он называет нашей матерью, этот Иерусалим воплощен в свободной женщине, рождающей детей по обетованию. Итак, по мнению этого апостола, земной Иерусалим не есть святой град, который особо избрал и возлюбил бог, как сказано в писании: таков, по словам апостола, только горный Иерусалим, или небесный Иерусалим.

Равным образом, по учению этого апостола, настоящие израильтяне — не те, которые являются таковыми по своему телесному рождению, а только те, которые являются таковыми согласно вере древних патриархов. По учению этого апостола, под обещанным могущественным избавителем, который освободит

их из всякого вражеского плена, надо понимать не избавителя могущественного в земном смысле, а само это освобождение не следует понимать, как физическое освобождение от реальных врагов, т. е. людей; нет, этот избавитель мыслится только как могущественный в боге, а это избавление — как духовное избавление от невидимых врагов, а именно от демона, пороков и греха. И, наконец, по учению этого апостола, обетование славного и победоносного водворения сынов Израиля во владение их землями и страной, где они всегда будут жить в великом счастье и благополучии, в изобилии всех благ, не следует понимать в том смысле, что они когда-либо возвратятся со славой и победоносно в Иудею и Палестину, где они жили и где отныне будут наслаждаться земными благами,— не это надо понимать под упомянутым обещанием, а духовное наслаждение благами небесными и вечными; согласно этому нелепому учению, Христос, их спаситель и искупитель, поведет их туда во славе и торжестве, после того как они одержат великую победу над демоном, пороками и страстями, главнейшими врагами их спасения. Все это, как и многое подобное, что было бы слишком долго приводить, воплощено по нелепому учению этого апостола, каким-то божественным и таинственным образом во всем том, что делалось и происходило в ветхом завете. И все это основывается на том удивительном доводе, что Синай, где был дан древний за-

кон, есть гора Аравии, которая находится в известной связи с горой, являющейся ныне Иерусалимом, а последний вместе со всеми своими сынами пребывает в рабстве. Другой довод — это тот, что Авраам имел двух жен, из которых одна была только рабыней и воплощала собой синагогу, а другая была супругой и воплощала собой христианскую церковь. И, наконец, еще один довод: этот Авраам имел двух сыновей, один был от рабыни и воплощал собой ветхий завет, другой — от супруги и воплощал собой новый завет. Кто же не посмеется над таким глупым и смешным учением? *Spectatum admissi, risum teneatis, amici?* *.

Если этот замечательный способ иносказательного, образного и таинственного истолкования всего, что сказано, сделано и соблюдалось в древнем законе евреев, применить к иносказательному и образному толкованию всех речей, деяний и приключений знаменитого Дон-Кихота Ламанчского, то, несомненно, что и здесь можно будет найти сколько угодно тайн и таинственных образов; и здесь можно будет сочинить сколько угодно аллегорий и даже найти совершенно сверхъестественную и божественную мудрость — тем же манером, как и при толковании древнего закона евреев. Но надо быть удивительно наивным или поразительно легковерным, чтобы благочестиво верить в столь вздорные и

* Будучи допущены к зрелищу, удержитесь ли от смеха, друзья?

пустые толкования и обещания. И, однако, вся христианская религия покоится на этом пустом и смешном толковании; наши хриstopолонники основывают на этом пустом и смешном духовном и иносказательном толковании своего якобы священного писания все свои таинства, все свое вероучение, все свои прекрасные надежды на вечную жизнь в небесах. Поэтому нет почти ничего во всем этом древнем законе, чего бы их богословы не пытались объяснить мистически и в переносном смысле, приравнивая это [место] к тому или иному в своей религии. Словно люди, видящие призраки, они везде находят образ своего Христа, образ того, чем он был и что он совершил; они находят и видят его образ в ряде лиц их ветхого завета, как-то: в Авеле, Исааке, Иисусе Навине, Давиде, Соломоне и др., так как уверяют, что все эти лица были образом Христа. Они находят и видят его образ также в животных и зверях, ибо находят его в пасхальном агнце, во льве колена Иуды и даже в козлах, о которых говорится в шестнадцатой главе книги Левит. Наконец, они находят и видят его даже в неодушевленных предметах, например в скале, которую Моисей ударил своим жезлом, в горе, с которой бог беседовал с Моисеем, и в медном змие, которого велел воздвигнуть в пустыне тот же Моисей. Ибо они утверждают, что все эти предметы, а также многие другие подобные им, на которых я не буду останавливаться здесь, являются образом их

Христа. И вот, с помощью этой изумительной манеры говорить и аллегорически толковать все, что происходило в старом законе, они находят, что все это символизировало их таинства.

Освобождение евреев из египетского плена и переход их через Чермное море были, согласно отцам церкви и богословам наших христопоклонников, прекрасным образом избавления рода человеческого от плена у дьявола и греха через воды крещения. Египтяне, преследовавшие евреев, были погружены в воды моря и потоплены в них,— это образ того, что разнузданные страсти, вожделения и похоти христиан должны быть погружены и потоплены в водах покаяния.

Переход евреев через Чермное море и скрывавшее их облако символизировали крещение и новый завет. Манна, которой они питались в пустыне, символизирует таинство причащения; вода, которую Моисей высек из скалы ударом [своего жезла], символизирует самого Иисуса Христа, а те, которые были наказаны в пустыне, символизируют кару, которой бог подвергнет дурных христиан.

Рождение и пришествие Иисуса Христа,— говорят те же отцы церкви,— символически и фигурально представлены в семени жены Евы, которое должно было стереть главу змия. Благословение, обещанное богом Аврааму и всему его потомству, обещание, что последнее будет столь же многочисленным,

как звезды на небе и песчинки на берегу морском,— все это символизирует духовное благословение, которое должен был принести людям Христос, и великое множество верующих, которые соберутся под [его] законом. См. цитированное выше послание к галатам.

Авель,— говорят те же святые отцы,— означал Иисуса Христа, смерть его означала смерть Иисуса Христа; а Каин, убивший своего брата Авеля, означал евреев, предавших смерти Иисуса Христа. Исаак, предложенный в жертву богу, означает у них Иисуса Христа, отданного в жертву на кресте. Дрова, которые этот Исаак сам нес для разведения огня на жертвеннике, когда вместе с отцом отправлялся на свое заклание, должны символизировать Иисуса Христа, несущего свой крест. Союз, заключенный богом с Авраамом и его сыном Исааком, символизирует союз бога с людьми, совершенный через сына его Иисуса Христа, а два сына Авраама: Измаил, рожденный от Агари, его рабыни, и Исаак, рожденный от Сарры, его супруги, символизируют, как я уже сказал, оба завета: сын рабыни Измаил означает ветхий завет, а Исаак, сын Сарры, сын супруги, означает новый завет. Дети, которых Авраам имел от своих наложниц, означают, по словам св. Августина, людей во плоти в новом завете. Дары, которые Авраам назначил этим детям перед смертью, символизируют, по словам св. Августина, природные дарования

и мирские выгоды, которыми бог наделяет в этом мире людей плоти, еретиков и неверных. Но наследником всего своего достояния Авраам сделал своего сына Исаака, это,— говорит св. Августин,— символизировало, что наследником благодати и дружбы божьей будут истинные христиане, возлюбленные чада бога, они унаследуют вечную жизнь.

Посылая своего слугу искать жену для своего сына Исаака, Авраам заставил слугу дать клятву, прикоснувшись к его лядвее ¹²⁷; это,— говорит св. Августин,— означало, что Иисус Христос должен был родиться от плоти Авраама, так сказать, произойти от его лядвеи, которой он заставил слугу коснуться. И вот, толкуя образно, символически все обстоятельства этой миссии, св. Августин говорит, что Авраам означал предвечного отца, сын его Исаак означал сына божьего, а Ревекка, которой суждено было стать женой Исаака, означала церковь Иисуса Христа; слуга, который встретил Ревекку подле источника, означал апостолов Иисуса Христа, объединяющих церковь с ее главой — Иисусом Христом, а источник, у которого произошла встреча слуги с Ревеккой, означал воды крещения, в которых происходит начало духовного союза, заключаемого при крещении Иисусом Христом. Драгоценности, которые слуга передал Ревекке, означали послушание и добрые дела верующих; Лаван, брат Ревекки, позаботившийся дать Исааку пищу, а

также солому и сено его животным *, означает тех, которые отдают часть своих земных благ на иждивение проповедников евангелия. И, наконец, Исаак, выходящий из дома навстречу своей возлюбленной, означает сына божьего, оставляющего небо, чтобы явиться в мир. Вот воистину богатая фантазия! Возможно ли, чтобы такой прославленный богослов, как этот [Августин], занимался подобным вздором? Но это еще не все.

Столкновение обоих близнецов во чреве Ревекки перед ее разрешением от бремени,— говорит тот же Августин,— означает столкновение, сиречь разногласия, споры и прения между добрыми и дурными [христианами] в утробе Ревекки, сиречь в лоне церкви, являющейся общей матерью **. Два младенца мужеского пола, которые вышли из ее чрева ***, означали, как говорит сам бог, два народа, которые должны были произойти от нее и между которыми будет раскол. Если сказано, что больший будет служить меньшему, то это означает, что злые, более многочисленные и более сильные, будут служить добрым и избранным, более слабым и малочисленным. Но как это злые, которые более многочисленны и более сильны, служат добрым, которые слабее и малочисленнее? Ведь на самом деле, наоборот, первые оказываются

* Быт., 24.

** Epist. 157 и Sermon. de temp. 78.

*** Быт., 25.

наверху и угнетают вторых! Злые,— говорит св. Августин,— упражняют в этом добродетель и терпение праведных, часто дают им повод к большим заслугам и великим успехам в добродетели*.

Если Иаков облачился в козлиную шкуру**, чтобы казаться волосатым, как брат его Исав, и обмануть таким образом своего отца, потерявшего зрение, то это означало Иисуса Христа, который добровольно облек себя в человеческую плоть, чтобы нести грехи других. Если Иаков затем сказал своему отцу, что он — его первородный сын Исав, то это символизирует язычников, которые должны вступить в наследие господина вместо евреев. Благословение, данное Исааком Иакову: Да дарует тебе бог от росы небесной и от тука изобилие хлеба и вина***, и благословение, данное им затем Исаву: В тучности земли и в росе небесной свыше будет благословение твое, не были лишены таинственного значения,— говорят св. отцы. Ибо Иаков означал христианскую церковь, которой обещано сначала царство небесное, а потом земные блага, а Исав означал евреев, которым обещаны сначала земные блага, а потом блага вечные. Какое тонкое толкование!

Лестница, которую Иаков видел во сне**** и по которой всходили и нисходили ангелы,

* Августин и др.

** Быт., 27 : 28, 39.

*** Там же, 28.

**** Там же.

означала нисхождение сына божьего в этот мир путем воплощения. Различные ступени этой лестницы — различные ступени родословной Иисуса Христа, указываемые нам св. Матфеем и св. Лукой; первый дает свою родословную по нисходящей линии, второй — по восходящей от Иисуса Христа до бога, создавшего Адама*.

Камень, который Иаков воздвиг на том месте, в память того, что он видел и слышал, и елей, который он возлил на этот камень, означают Иисуса Христа, помазанного преимущественно перед другими: *Prae consortibus suis* — паче сверстников своих**.

Имя, которое Иаков дал этому месту, назвав его *Bethel*, сиречь — домом божьим, означает истинную церковь верующих, которая всегда была обителью и вратами, ведущими к небесам.

Лия и Рахиль, две жены Иакова, означали синагогу и христианскую церковь. Лия, некрасивая, с гноящимися глазами, означала синагогу, полную несовершенства, а красивая Рахиль — христианскую церковь, не имеющую порока и изъяна. Иаков, прослуживший долгие годы, чтобы получить обеих этих жен, означал Иисуса Христа, который служил на земле, чтобы стяжать для себя синагогу, точно так же, как свою церковь***.

* Августин и др.

** Августин.

*** Юстин и др.

Иосиф, сын Иакова, по словам святых отцов, символизирует почти во всех своих поступках Иисуса Христа. Он,— говорят они,— родился от своих родителей под старость их, чтобы показать*, что Иисус Христос родится к концу веков, под старость мира. Он был любим более своих братьев, чтобы показать беспредельную любовь предвечного отца к своему единственному сыну. Он был одет в разноцветную одежду, чтобы показать, что сын божий будет облачен в человеческое естество, украшенное всякого рода совершенствами и добродетелями. Он отправлялся к своим братьям — это символизирует, что сын божий придет посетить людей, своих братьев во плоти. Точно так же как рассказы Иосифа о своих снах навлекают на него ненависть его братьев, так Иисус Христос навлек на себя ненависть евреев упреками относительно их образа жизни и слепоты. Сны Иосифа, возвещавшие ему, что он будет возвышен во славе и что ему будут поклоняться, символизировали воскресение Иисуса Христа, его вознесение на небо в сиянии славы и поклонение ему народов. Братья Иосифа замыслили умертвить его, точно так же евреи замыслили умертвить Иисуса Христа. Братья Иосифа сняли с него его одежды и окрасили их кровью, чтобы уверить своего отца, что Иосифа растерзал дикий зверь; это образ того же Иисуса Христа в его смерти,— как у

* Быт., 37.

него было отнято его человеческое естество и как он был окрашен своей собственной кровью. Они бросили Иосифа в колодезь, это — образ Иисуса Христа, положенного в гроб и сходящего в преисподнюю. Они продают Иосифа за двадцать сребренников чужестранцам, — образ Иисуса Христа, проданного Иудой за тридцать сребренников евреям. Чужестранцы отвели Иосифа в Египет, — образ того, как проповедь Иисуса Христа ведет его к иноземным народам. После многих мытарств и страданий Иосиф достиг высших почестей в Египте, — образ Иисуса Христа, после многих мытарств и страданий вознесшегося до самого высшего неба. Иероним (книга первая против Иоанна), Тертуллиан (книга против иудеев, глава десятая, и книга против маркионитов, глава восемнадцатая), Амвросий (книга о Иосифе) и Августин (проповедь 81-я о мирском). Вот какой вздор несут все эти великие люди!

Таинственно также появление на свет двух близнецов Фамари *: один из них, названный Зарой, перед появлением на свет высунул руку, повивальная бабка перевязала ее красной нитью, тогда он снова спрятал руку, и первым вышел другой ребенок, которого называли Фаресом. Этот Зара, говорят святые отцы, был прообразом правоверного народа, который хранит красную нить, т. е. веру в заслугу страданий Иисуса Христа. Если он

* Быт., 38 : 27.

показал свою руку, прежде чем родиться, то это, так сказать, потому, что он явился незадолго до провозглашения этой религии. Затем родился Фарес; он символизирует собой еврейский народ, стоявший между теми народами, которые жили до закона моисеева, и теми, которые живут по закону Иисуса Христа. И, наконец, родился Зара; он является прообразом всех тех, кто находится в лоне истинной церкви и верует в Иисуса Христа. (Амвр., кн. III к ев. Луки; Феодорит, вопр. 95 к кн. Бытия).

Поведение Иосифа по отношению к женщине *, склонявшей его к греху, является тоже прообразом Иисуса Христа. Египтянка, соблазнявшая его,— прообраз синагоги евреев, которые, считая мессию владыкой временным, ожидали от него только плотских и преходящих благ. Иосиф, оставляющий этой распутной женщине свой плащ и спасающийся бегством,— прообраз Иисуса Христа, который оставляет евреям букву закона и обрядности, покрывавшие его, как плащом, а сам уходит к язычникам, чтобы просветить их своим светом.

Тот же Иосиф ** в темнице с двумя другими заключенными, из которых один спасся, а другой был повешен, является образом Иисуса Христа, распятого между двумя разбойниками, из которых он одного спасает, а другого оставляет на погибель.

* Быт., 39 : 7.

** Там же, 40.

Иосиф, выпущенный из темницы,— это прообраз Иисуса Христа, выходящего со славою из ада. Иосиф, возвышенный почестями,— прообраз того, что Христа будут чтить язычники. Он делает запасы на время голода — прообраз Иисуса Христа, который запасает благодать и духовные милости. Благословение, которое Иаков* дал своему сыну Иуде, тоже применено иносказательно к Иисусу Христу, потому что он назван львом из колена иудина; напротив, благословение Иакова сыну своему Дану применимо иносказательно к антихристу, поэтому они [святые отцы] полагают, что он [антихрист] должен произойти из колена данова. Григ., Амвр., Феод.

Моисей тоже был прообразом Иисуса Христа: по своем рождении он был предоставлен волнам морским, чтобы избежать жестокого указа фараона, предписывавшего убить всех еврейских младенцев мужского пола; точно так же Иисус Христос по своем рождении подвергся жестокости Ирода, повелевшего умертвить всех новорожденных младенцев в Вифлееме и его окрестностях. Дочь фараона извлекает Моисея из вод — это прообраз возвращения Иисуса Христа из Египта, куда он спасся [бегством]. Моисей возвращен той, которая родила его,— это прообраз того, что Иисус Христос по своем возвращении из Египта был возвращен родившей его

* Быт., 49.

синагоге. Моисей долго жил в пустыне и пас овец — прообраз продолжительного пребывания Иисуса Христа в пустыне. Великие чудеса, совершенные Моисеем перед фараоном, чтобы добиться свободы божьего народа, — прообраз тех чудес, которые Иисус Христос будет творить перед евреями, чтобы вывести их из их ослепления. Наконец, освобождение Моисеем божьего народа из египетского пленения означает, что Иисус Христос освободит людей от плена греха и диаволов. Augustinus, *Serm.* 88 *de temp.* Isid. *cap.* 5 in *Exod.*

Св. Бернар говорит, что явление бога Моисею * в горящем, но не сгорающем терновом кусте есть образ того, что бог явится и воплотится в деве, не нарушая ее девственности. *Serm.* 2 *super missus est* и *Greg. Lib.* 23 *mor. cap.* 2 объясняют это иначе: как образ того, что божество облечется в нашу плоть и будет испытывать присущие ей страдания, как уколы шипов, не принимая, однако, полностью человеческой природы.

Десять казней египетских ** иносказательно и мистически применены к десяти заповедям Августином в *frag. Serm.* 10. Согласно тому же Августину, лягушки были образом великих болтунов, а именно еретиков, которые производят много шума своими словопрениями и совращающими диспутами и

* Исход., 3 : 2.

** Там же, 7.

крикливы, как лягушки, квакающие в болотах.

Пасхальный агнец, которого евреи закалывали каждый год в память своего освобождения от египетского рабства, а также и все обстоятельства, сопровождающие этот обряд, служили превосходным образом Иисуса Христа, который был принесен в жертву для спасения людей. Этот ягненок или козленок должен был быть мужского пола и без порока, как образ непорочности и невинности Иисуса Христа. Жарить его предписывалось на вертеле, в знак крестной муки. Предписывалось окроплять его кровью косяки и перекладины дверей у домов — образ того, что мы будем окроплены, омыты и очищены кровью Иисуса Христа. Закалывать и вкушать агнца предписывалось вечером, как образ того, что Иисус Христос будет принесен в жертву в конце веков. Вкушали этого заколотого агнца только одни евреи, это является образом того, что истинного агнца, т. е. Иисуса Христа, должны вкушать только христиане. Агнца полагалось есть с опресноками *, — это образ искренности и чистой совести, с которыми подобает принимать истинного агнца божьего, и с горькими травами — образ того, что следовало хранить в сердце горькое сокрушение о всех своих грехах, надлежало съедать его с головой и с ногами — образ человеческой и божественной природы Иисуса

* Исход, 12.

Христа, которым приобщаются в святом таинстве евхаристии. Полагалось не разбивать ни одной кости — образ того, что кости Иисуса Христа на кресте останутся целы, ни одна из них не будет перебита. Наконец, если народ еврейский должен был ежегодно праздновать пасху и закалывать этого агнца в память прохождения ангела и своего перехода через Чермное море, то это означает, что христианские народы будут ежегодно праздновать пасху духовно, с божественным агнцем Иисусом Христом, в память перехода их от мрака к свету, от греха к благодати, от осуждения к спасению, после того, как сын божий своей смертью примирит их с отцом. Об этом говорит св. Павел *: Так как Иисус Христос, — говорит он, — был принесен в жертву, чтобы быть нашим пасхальным агнцем, вы должны отказаться от всякого бродила. Итак, будем праздновать нашу пасху не с прежней закваской, не с закваскою лукавства и злобы, а с пресным хлебом чистосердечия и истины.

Ориген в поуч. 27 говорит, что огненный столп **, сопровождавший израильтян ночью в пустыне, был образом сына божия, а облачный столп, сопровождавший их днем, — образом духа святого; и подобно тому, как огонь освещает своим светом, так и сын божий освещает дух своими вечными истинами; и,

* Кор., 5 : 7.

** Исход., 13 : 21.

как облако покрывает, так святой дух покрывает души своей благодатью. Оттого и сказано о деви Марии, что дух святой осенил ее. Мария, сестра Аарона и Моисея, тоже были образом деви Марии.

Дерево *, брошенное Моисеем в воды пустыни для того, чтобы сделать их из горьких, какими они были, пресными, означает собою преславное дерево креста, которое смягчает величайшую горечь страданий и скорбей. А воды, сделанные пресными, были образом вод крещения, которые проливают в души сладость благодати спасителя. Авг., Терт., Ориг., Иерон.

Манна, которой израильтяне питались в пустыне, была образом той манны небесной, которую оставил нам Иисус Христос в таинстве евхаристии, дав нам в ней свое тело в пищу и свою кровь в питье для наших душ. Манна падала с неба и была как бы небесным хлебом, а тело Иисуса Христа есть истинный хлеб небесный. Манна получила свое название от слова, выражавшего удивление; это — образ того, что таинство евхаристии преисполнено чудес, достойных удивления. Манна падала только во мраке ночи — образ того, что и манну евхаристии можно будет увидеть и познать только сквозь сумерки веры. Та манна была пищей для ушедших из египетского плена — это образ того, что и манна евхаристии будет пищей для тех, кто

* Исход, 15 : 25.

освободится из плена греха и дьявола. Та манна * служила пищей для шедших в землю обетованную — образ того, что и евхаристия послужит пищей для тех, кто стремится в небесное отечество. Та манна была всячески приятна на вкус, манна евхаристии тоже даст чистым душам вкусить всевозможные духовные улады. Белый цвет манны — образ того, что манна евхаристии требует только чистоты. Ту манну надо было сначала истолочь и растереть, и это тоже образ: для того чтобы достойно вкусить манну евхаристии, нужно размягчить и сгладить черствость сердца. Собравшие манну в большом количестве получали ее не больше, чем собравшие ее в малом количестве, — образ того, что все получают святое причастие в равной доле, никто не получает больше других, так как Иисус Христос заключен весь в причастии как большого объема, так и малого.

Моисей, простиравший руки во время сражения израильтян с амалекитянами ¹²⁸, был образом Иисуса Христа, пригвожденного к кресту с распростертыми руками. Моисей простирал руки до захода солнца; это означало, что Иисус Христос останется пригвожденным к кресту до вечера. Пока Моисей держал руки поднятыми, израильтяне побеждали, а как только он хоть немного ** опускал их, победителями оказывались амалекитяне;

* Исход, 16.

** Там же, 17 : 11.

это происходило,— говорит Юстин,— не столько вследствие его молитвы, сколько оттого, что положение его тела изображало крест спасителя; потому что,— прибавляет Юстин,— если бы это было иначе, не было бы необходимости поддерживать его руки, когда он уставал, достаточно было бы ему продолжать свою молитву. Юстин против Трифона. [Диалог с Трифоном]. Сражающиеся израильтяне были образом добродетельных христиан, которые являются истинными израильтянами, борются с грехами, с дурными наклонностями плоти и с врагами спасения; образом последних являются амалекитяне. Израильтяне побеждают этих врагов, если прилежны в молитве и надеются на помощь благодати, но, когда они перестают молиться, то терпят поражение.

Не вари козленка в молоке его матери *. Это предписание,— говорит блаж. Августин,— было дано как образ того, что Иисус Христос не должен быть убит в его младенческие годы ни Иродом, ни евреями. Августин.

Моисей, принеся в жертву тельцов, окропил их кровью народ израильский со словами: вот кровь завета, который господь заключил с вами. Как говорят отцы церкви, это был образ нового завета, который должен был быть заключен пролитием крови Иисуса Христа; ибо, по их словам, ветхий завет является только прообразом нового.

* Исход, 23 : 19.

Древние семьдесят старейшин, которые видели бога с Моисеем, Аароном, Надавом и Авиудом *, были образом тех, кому предназначено вечно созерцать на небесах бога. Сапфир, появившийся под ногами бога,— это образ святой жизни и невинных душ избранных, в которых бог покоится, как на престоле. Августин.

Скиния **, которую бог повелел сделать Моисею,— прообраз обиталища, которое мы должны уготовить богу в себе самих и в наших душах. Бог предписал употребить для этой скинии все, что было у них самого драгоценного: золото, серебро и т. д.; золото означает мудрость и разумение тайн с помощью веры; серебро — слово божие, которое выражено в священном писании; медь означает проповедование веры; гиацинт — упование на небесах; пурпур означает любовь к кресту и страданиям; окрашенная дважды багряница была образом двойной заповеди любви, которую должно иметь в сердце: любви к богу и любви к ближнему. Полотно означало чистоту тела и сердечных чувств. Козья шерсть была образом суровости покаяния. Баряньи кожи, окрашенные в красный цвет, означали добрый пример пастырей, которому должно следовать; окрашенные в синий цвет — бессмертие небесных тел; масло для светильников знаменовало

* Исход, 24 : 9.

** Там же, 26 [29 : 14].

сладостные плоды деяний любви и милосердия; дерево ситтим, которое не подвержено гниению,— незапятнанную чистоту, которую должно соблюдать в теле и в сердце. Благонные бальзамы означали аромат добропорядочной жизни и доброго примера; драгоценные камни означали всевозможные проявления христианских добродетелей. Августин, Бернар и др.

Ковчег завета был прообразом человеческой природы Иисуса Христа. (Григ.) Ковчег в святая святых означал святых, находящихся на небе и имеющих над собою Иисуса Христа. Последний служит им умиловительной жертвой, как сказано в писании: он сам есть очищение за грехи*; святые окружены ангелами, как ковчег, который находился между двух херувимов. Августин.

Светильник в скинии — прообраз Иисуса Христа. Он сделан был из чистого золота, потому что Иисус Христос был без единого греха; он был из сплава в знак того, что Иисус Христос будет как бы расплавлен под ударами, какие получит во время страстей. Стержень светильника означал христианскую церковь, а его ответвления означали проповедников (Григ., гомилии). Или, иначе, светильник означал церковь, его стержень — Иисуса Христа, ответвления — проповедников, семь лампад означали семь даров святого духа или семь таинств церкви. См. Беду.

* Исход, 26.

Скиния, составная и переносная,— прообраз церкви воинствующей, тогда как неподвижный храм Соломона означал церковь торжествующую, почившую на лаврах и устойчивую в боге. Десять покрывал различных цветов означали всех избранных, украшенных всевозможными добродетелями. Покров в скинии — образ пастырей, под руководством которых народы пребывают в безопасности *. Красные бараньи кожи — образ мучеников, которые обогрили свое тело собственной кровью в защиту веры. Кожи синие — образ других святых, украшенных различными добродетелями, и особенно тех, кто выделялся целомудрием. Серебряные чаши означали книги закона и пророков. Скрижали означали труды апостолов и мужей апостольских. Брусья и кольца из золота означали небесные обетования, удерживающие верных в служении богу. Нет конца описанию этих замечательных вещей. Итак, продолжаем, святая святых — это образ самого неба, где пребывают блаженные; ковчег означал святых, находящихся на небе. Окроплявшаяся очистительной кровью крышка на ковчеге означала Иисуса Христа, стоящего над святыми. Скрижали знаменовали собой духовное воскресение верных в таинствах и особенно в евхаристии. Светильник с его лампадами означал светоч веры и христианского учения, а также семь даров святого духа.

* Исход, 26.

Алтарь для благовоний означал молитвы и просьбы верующих, благоухание которых возносится до неба. Григ., Кир., Авг.

Священнические одеяния тоже служили различными символами. Нижний хитон из льна знаменовал землю; голубой хитон — воздух; гранатовые яблоки и ниспадавшие колокольчики — молнии и гром или же соединение четырех стихий; пояс знаменовал собой океан, окружающий землю; эфод означал звездное небо; два камня оникса означали солнце и луну; двенадцать камней наперсника — двенадцать месяцев года или двенадцать знаков зодиака; золотая пластинка, на которой было вырезано имя божие, обозначенное четырьмя знаками *, означала самого бога, который возвышается над всеми своими созданиями; головной убор [тиара] означал небо. Таким образом, первосвященник символизировал все образы, показывал своими одеждами, а также своими словами, что все нуждается в спасителе и в милости божией. Иерон., Письмо 128. Иосиф, Древности, кн. 3, гл. 8. Беда, Григ.

Бог сказал Моисею **, что он не увидит его лица, а увидит его тыл; это значит, что лицо божие знаменует собой божество, которое нельзя видеть телесными очами, тогда как тыл божий знаменует собой человеческую природу в Иисусе Христе, которую видеть

* Исход, 28.

** Там же, 33 : 23.

можно. Итак, он сказал, что Моисей увидит его тыл, потому что евреи, изображенные здесь в лице Моисея, видели сына божьего в его человеческом образе. Авг.

Священничество в ветхом завете тоже было только прообразом священничества евангельского закона, так же как и все жертвоприношения в ветхом завете, по этому учению наших хриstopоклонников, были лишь прообразом жертвоприношений по новому закону Иисуса Христа.

Телец, которого приносили в жертву всеожжения, означал Иисуса Христа, который предал себя своему отцу в жертву всеожжения на кресте. Если телец брался из стад, то это — знак того, что Иисус Христос произойдет от древних патриархов; вот почему его символизировал телец, взятый из стада; символом его является также ягненок, потому что Христос был невинен и кроток; равным образом символом Христа был баран, в знак его высшего могущества; его символом был также козел *, потому что он в плоти своей носил подобие греха; кроме того, символом его были горлица и голубка в знак божественного и человеческого начала в нем.

В древности жертвоприношения производились вне скинии; это символ того, что Иисус Христос должен претерпеть смерть за чертой города Иерусалима — *extra portam passus est* (он претерпел страдания за город-

* Левит, 1.

скими воротами), говорит св. Павел. С жертв сдирали кожу — прообраз того, что с Иисуса Христа совлекут его одежду; кровь жертв проливалась вокруг алтаря — знак того, что кровь Иисуса Христа будет пролита вокруг его креста, бывшего его алтарем. Жертвы разрубались на части — знак того, что тело Иисуса Христа будет растерзано и как бы разорвано на части ударами плети. Тело жертвы сжигали — знак того, что Иисус Христос сам сожжет себя в огне милосердствующей любви. Авг., Кир. алекс. и др.

Два козла, о которых говорится в 16-й главе книги Левит, означали два естества в Иисусе Христе; тот, которого закалывали, означал его человеческое естество, принесенное в жертву на кресте, а тот, которого выпускали в пустыню, означал естество божественное, чуждое страданию. Феодорит, Кирилл и др. говорят, что этот козел отпущения*, на которого возлагали грехи народа и которого с проклятием прогоняли в пустыню, был образом Иисуса Христа, добровольно взявшего на себя все людские грехи, ставшего поэтому предметом презрения и тысячи проклятий у евреев. Авг. Другие же говорят, что один из этих двух козлов означал Иисуса Христа, а другой — Варраву. Кир., Тертулл.

Запрещение сеять на одном и том же поле разнородные сорта зерен или одеваться в одежды из разнородных тканей** означало,

* Левит, 16 : 10, 21.

** Там же, 19 : 19.

что не следует иметь в сердце разноречивых нравственных начал, они должны быть однородны во избежание разлада.

Еврейская суббота была образом покоя душевного, который Иисус Христос должен даровать верующим, освобождая их от суетных житейских забот и треволнений века сего. Юбилей * у евреев был образом того всеобщего отпущения грехов, которое произойдет в конце веков, когда все верующие вступят во владение раем, их законным наследием. Звук труб во время юбилея означал звук тех труб, которыми ангелы призовут всех мертвых к воскресению и всеобщему суду. Кирилл и др.

Порядок, соблюдавшийся израильтянами в расположении их стана во время пути их по пустыне, был образом воинствующей церкви и различных орденов, существующих в церкви; благодаря этому она, говорят нам, грозна, как армия, выстроенная в боевом порядке, *terribilis ut castrorum acies ordinata*.

Ковчег, который находился в самом центре стана израильского, означал Иисуса Христа, который есть истинный ковчег завета и соединяет людей с богом, пребывающим среди своей церкви. Стан израильтян состоял из двенадцати колен израильских — это знак того, что христианская церковь будет вначале состоять из двенадцати апостолов Христовых. Главные отряды евреев имели знаки: один, именно иудин, — льва, другой, руви-

* Левит., 25 : 10.

мов,— человеческое лицо, третий, ефраимов,— изображение быка, четвертый, данов,— изображение орла, держащего в когтях змею,— символ того, что четыре евангелиста будут обозначаться этими образами: Матфей — человеческим ликом, Марк — львом, Лука — быком, а Иоанн — орлом. Авг. Ориг.

Назарей * — слово, означающее состояние обособленности, посвященности, святости, символизировало Иисуса Христа, который был обособлен от своего века, посвящен богу и преисполнен святости. Кир., Амвр., Иерон. Благословения, которые священники давали народу, повторяя три раза подряд имя господне, символизировали тайну троичности лиц божества. Авг., Руп.

Ропот Мариам и Аарона против Моисея за то, что он женился на эфиопке, был совершенно иносказателен: Моисей, женившийся на эфиопке, знаменовал собой Иисуса Христа, венчающегося с церковью язычников, символизированной в лице эфиопки. Ропот Мариам и Аарона, означавших синагогу и ветхозаветное священничество, был прообразом ропота синагоги ** против того, что ее священничество и ее закон как бы переданы язычникам, которые пользуются ее плодами. Бог одобряет эту женитьбу Моисея — прообраз того, что бог примет церковь язычни-

* Числ., 6

** Там же, 12.

ков. Мариам в наказание за свой ропот поражена проказой; точно так же и синагога, которую изображает эта Мариам, становится как бы прокаженной и уродливой из-за своего ослепления и своих грехов. Мариам, пораженная проказой, изолирована на некоторое время в знак того, что синагога будет отвержена богом на некоторое время; наконец, после семидневного изгнания она возвращается — прообраз того, что синагога после семи мировых периодов, т. е. в конце веков, воссоединится с церковью. Ориг., Амвр.

Жезл Аарона *, пустивший почки и расцветший, изображал деву Марию, которая единственно силою святого духа произрастила и произвела на свет божественный цвет, т. е. Иисуса Христа. Кирилл. По мнению других, жезл Аарона был прообразом креста христового. Почки и цветы, выросшие на нем, изображали язычников, которых обращала проповедь креста спасителя. Ориг. По мнению третьих, жезл Аарона был образом могущества Иисуса Христа, почки — его духовной красоты, вытекающей из благодати, а цветы — кротости его духа.

Рыжая телица, о которой говорится в 19-й главе книги Чисел, была символом: телица означала человеческое естество в Иисусе Христе, ее рыжий цвет — его страдания, ее зрелый возраст — возмужалый возраст Иисуса Христа; она была без порока — сим-

* Числ., 17.

вол его безгрешности; она никогда не была под ярмом — знак свободы чад божьих, и особенно Иисуса Христа. Ее убил или заклал священник Елизар — прообраз того, что Иисус Христос пострадает от священнослужителей закона; ее убили вне стана — знак того, что Иисус Христос примет смерть вне Иерусалима. Огонь, на котором сожгли эту телицу, вздымался вверх; согласно мнению тех же учителей, это означало воскресение и вознесение Иисуса Христа. Кедровое дерево, служившее для ее сожжения, изображало крест христов. Иссон¹²⁹ символизировал силу крещения, а нить из червленой шерсти — кровь Иисуса Христа. Авг., Исид., Григ., Феод. и др. Можно ли выдумать что-либо более несусветное?

Телица *, которую надлежало заколоть, когда находили труп человека, павшего от руки неизвестного убийцы, тоже означала плотское или человеческое естество Иисуса Христа, которое было принесено в жертву для спасения людей, умерших во грехе. Эта телица должна быть не знавшей ярма, чтобы символизировать безгрешность Иисуса Христа; ее закалывали по случаю обнаружения человекоубийства, — знак того, что Иисус Христос будет предан смерти за тех, кто погиб от греха. Эту телицу убивали в дикой долине, что должно было изображать голгофу или еврейскую нацию, отличавшуюся

* Второз., 21 : 3.

угрюмостью, неверностью и неприятным нравом. Бык в 33-й главе Второзакония изображает Иисуса Христа, а рога его — перекладины креста. Авг., Терт., Амвр.

Не заграждай рта волу, когда он молотит *, — это сказано было иносказательно, как символ проповедников евангелия, которые, проповедуя евангелие и обращая неверующих, возвышают и умножают род Иисуса Христа, так что обращенные называются христианами по имени Христа; если они отказываются итти, как брат, проповедовать слово божие и обращать, то будут, подобно ему, отвергнуты и презрены церковью. Авг. против Фауст., Ориг. Образом этого служит брат **, который женился на жене своего брата, чтобы поддержать его род.

Чада Израиля боролись с Голиафом ¹³⁰ и филистимлянами, своими врагами, в течение 40 дней. Почему 40 дней? Это означало, говорит св. Августин, четыре времени года и четыре стороны света, сиречь нашу жизнь, в которой христиане, символизируемые израильтянами, принуждены бороться с диаволом и его ангелами, изображенными под видом Голиафа и его войска. Давид, являющийся со своим посохом сражаться с Голиафом, был образом Иисуса Христа, который с помощью древа своего креста должен был сражаться с духовным Голиафом, т. е. с дья-

* Второз., 25 : 4.

** Там же. 25 : 7.

волом. Голиаф был поражен в лоб ударом камня, брошенного в него Давидом. Почему он был поражен именно в лоб? Потому что,— говорит тот же Августин,— он не осенил своего лба знаменiem креста. Ибо,— говорит он,— подобно тому, как посох Давида знаменовал собой крест,— камень, которым был сражен этот Голиаф, знаменовал собой господу Иисуса Христа. *Авг. Sermones 197 de temp.* См. 4-е воскресение после пятидесятницы.

Столь великолепный храм, построенный богу Соломоном, был,— по словам того же св. Аугстина,— не более, как прообразом храма, который предстояло построить для бога Иисусу Христу, храма не из дерева, не из камня, подобно храму Соломона, а из живых людей, того храма, который, как говорил он, мы имеем счастье созерцать в настоящее время. *Авг., О граде божьем, кн. 17, гл. 8.* Кому не станет смешно от всех этих нелепостей?

Наконец, весь ветхозаветный закон, согласно этому учению наших хриstopоклонников, был только образом их нового закона; ибо, по их толкованию, не только слова, но даже сами действия были в нем иносказательными и пророческими. Обетованная земля, о которой, чтобы изобразить изобилие ее благ, сказано, что она текла млеком и медом, была, согласно их толкованию, не более как образом той блаженной жизни, которую они надеются обрести на небе и кото-

рая, как они говорят, есть их единственное истинное отечество. Все земные блага, обещанные богом евреям, лишь были образом благ духовных, даруемых благодатью, или вечных небесных наград; точно так же земные кары, которыми бог грозил им, были лишь символом вечных кар ада. Состояния рабства, в которые впадали евреи, были только образом плена греха и дьявола. Обещанное евреям избавление от плена было только образом духовного избавления от плена греха и дьявола. Могуущественный избавитель, обещанный им как всевластный князь и владыка, который будет господствовать на земле, был, по словам их [христопоклонников], только образом Иисуса Христа; его духовное могущество освободило всех людей из плена греха и дьявола, в который они впали. Земной Иерусалим, ликующий и торжествующий, который должен был быть вечно,— тоже, по их мнению, только символ Иерусалима небесного, который в их изображении изобилует всевозможными благами; таким образом, все, что сказано в пророчествах или в законе об этом земном Иерусалиме или об этом обещанном могущественном избавителе, или даже о жертвоприношениях и обрядах того времени, следовало понимать только иносказательно, как образ того, что происходит в христианской религии в настоящее время, как образ небесного Иерусалима, духовного могущества Иисуса Христа и духовного искупления людей неисчислимыми

якобы заслугами его смерти и страданий. И даже весь еврейский народ был во плоти якобы только образом христиан, которые суть истинные израильтяне или израиль божий, как говорит их великий св. Павел. Таким образом, все, что буквально сказано об этом народе и о всех великих и чудесных обещаниях, данных ему богом, надо понимать только духовно и иносказательно, применительно к христианам и к их религии. Итак, согласно этому учению наших хриstopоклонников, все самое прекрасное, великое, чудесное и выгодное, что когда-либо говорилось и обещалось касательно прихода мнимого могущественного искупителя и его мнимого будущего владычества, касательно наслаждения столь многими великими и неоценимыми благами, обещанными богом своему израильскому народу, народу избранному и возлюбленному им, относилось лишь к воображаемым благам, воображаемому искуплению, сводилось к низкому, нелепому фанатизму, который обнаружился и обнаруживается еще и поныне в христианстве. Поэтому, несомненно, можно с полным правом применить здесь слова о знаменитом и чудесном мнимом разрешении от бремени горы, родившей в конце-концов лишь жалкую мышь. *Parturiunt montes, nascitur ridiculus mus.*

Все это представляет собою явное злоупотребление законом и вышеупомянутыми обетами и пророчествами, искажение их смысла и истинного значения, И если даже желать

предположить, что они действительно исходят от бога, то они оказались бы совершенно уничтоженными и сведенными на нет тем иносказательным, таинственным толкованием, которое им придают; эти толкования совершенно необоснованны и вздорны, они по сути дела являются только пустыми выдумками и бесполезными, нелепыми фикциями человеческих умов, которые находят удовольствие в пустозвонной лжи.

Итак, они не заслуживают ни малейшего внимания, и если я привел здесь такое множество примеров, то только потому, что они достойны всяческого осмеяния и могут со всей очевидностью показать вздорность вышеупомянутых обещаний и пророчеств, не менее пустых и ребяческих, чем те духовные, иносказательные и мистические толкования, которые ухитряются давать им наши так называемые хриstopоклонники.

Я был бы крайне удивлен тем, что столь многим великим и знаменитым людям доставляло удовольствие сообщать нам такой вздор об этих пустых предметах, если бы я не знал, что их могли побудить к этому некоторые ложные взгляды и некоторые особые тщеславные соображения. Самые великие люди подвержены иной раз, как и рядовые, тысяче слабостей.

В сердце человеческом и человеческих намерениях есть тысячи тайных изгибов, которые трудно обнаружить. Не всегда можно разглядеть, из каких побуждений люди говорят, из

каких соображений они действуют. Что касается меня,—говорит Монтень,—то мне трудно было бы поверить, что великие люди, которых я только что называл, говорили серьезно, когда рассказывали нам столько вздора на эту тему. Разве что они впоследствии самих себя уверили в том, в чем вначале хотели уверить только других; они походят в этом, как говорит тот же Монтень, на детей, которые пугаются лица товарища, ими же самими вымазанного в саже, или же на тех глупых идолопоклонников, которые благоговейно чтут обрубки дерева или камня, которым они придали некоторую форму. А сами наши хриstopоклонники, которые в настоящее время боготворят ничтожные образки из теста, после того, как их священники таинственно и потаенно произнесут только четыре слова над этими фигурками! Есть ли что-либо более глупое, более бессмысленное и более нелепое?

Поэтому я скорее склонен думать, что указанные великие люди хотели этим позабавиться над нашим общим невежеством и тупоумием, хорошо зная, что невежд легко убедить в чем угодно; но если тем не менее настаивают, что они действительно сами думали так, как высказывались об этом предмете, то я не могу не считать, что они сами были в этом отношении невеждами и глупцами. Да простят мне это выражение, так как то, что я думаю об этом, я излагаю здесь просто, но все же после того, как я много размышляя,

над этим. Я следую при этом всегда, насколько это в моих силах, самым ярким светочам разума, чтоб видеть, не ошибаюсь ли я сам; ведь естественный разум — единственный путь, по которому я всегда полагал следовать в своих мыслях; и для меня очевидно, что каждый должен всегда следовать по этому пути, чтобы не идти наугад, как это делают на незнакомых дорогах и в незнакомых странах, и чем больше я шел по этому пути, тем больше находил я подтверждений своим мыслям.

Так как вышеуказанные обещания и пророчества, взятые в прямом и естественном смысле слова, не исполнились и так как, по признанию даже наших хриstopоклонников, они могли быть исполнены только в смысле духовном, иносказательном и мистическом, который есть ничто иное как чуждый, нелепый и воображаемый смысл, то ясно, что эти обещания и пророчества ложны: они могли быть истинны или подлинны только в одном смысле, которого в них самих совершенно нет и который, по существу, является лишь воображаемым смыслом. А раз эти обещания и пророчества оказываются ложными в том буквальном смысле, который является для них прямым и естественным и который есть единственный прямой и истинный смысл, то ясно и очевидно, что они отнюдь не исходят от бога и никоим образом не могут служить ни доказательством, ни надежными свидетельствами истинности какой бы то ни было религии,

так же как и мнимые чудеса, о которых я говорил выше. Итак, все эти мнимые основания для веры, на которых наши хриstopоклонники стараются обосновать уверенность в истинности их религии, не имеют никакого веса, никакой силы для того, чтобы доказать утверждения хриstopоклонников. Отсюда следует, что их религия ложна и все, что они считают в ней исходящим от бога и его власти, есть только, как я сказал, заблуждение, выдумка, ложь и обман. Это четвертое из тех доказательств этого [тезиса], которые я должен был привести.

СОДЕРЖАНИЕ

первого тома

В. П. Волгин. Мелье и его «Завещание»	5
---------------------------------------	---

ЗАВЕЩАНИЕ

I. Предисловие. Задача труда.	55
II. Мысли и чувства автора по поводу религий мира.	59
III. Все религии являются лишь заблуждениями, иллюзиями и обманом.	82
IV. Первое доказательство тщетности и ложности религий: они лишь измышления человека	84
V. Почему политики используют религиозные заблуждения и обман.	90
VI. У древних было в обычае причислять императоров и знатных людей к сонму богов. Гордыня знатных, лесть одних и невежество других породили и узаконили это злоупотребление	94
VII. Они верили, что люди могут становиться после своей смерти богами.	97
VIII. Происхождение идолопоклонства.	101
IX. Ни одна из существующих в мире религий не является божественным установлением	114
X. [Второе доказательство тщетности и ложности религий; слепая вера, лежащая в основе всех религий,— источник заблуждений, иллюзий и обмана]	118
XI. Она (вера) является также лишь источником и роковой причиной смуты и вечных расколов среди людей.	121

XII. [Слабость и ложность мнимых доказательств достоверности, на которых покоится истинность любой религии].	128
XIII. [Недостоверность и ложность мнимых чудес, как основы для утверждения какой бы то ни было религии]	131
XIV. [Недостоверность историй о них]	136
XV. [Недостоверность мнимого священного писания: оно сильно фальсифицировано и испорчено].	149
XVI. [Недостоверность евангелий].	153
XVII. [Мнимые священные писания не обнаруживают никаких признаков мудрости или сверхчеловеческих знаний]	161
XVIII. [Противоречия в евангелиях].	166
XIX. [Мнимые чудеса, о которых сообщается в евангелиях, ложны; доказательства этого]	188
XX. [Совпадение мнимых христианских чудес с мнимыми языческими чудесами]	219
XXI. [И те и другие одинаково ложны]	227
XXII. Третье доказательство [тщетности и ложности религий, выводимое из ложности видений и божественных откровений]	239
XXIII. [Безумие приписывать богу установление жестоких жертвоприношений невинных животных и думать, что такие жертвы ему приятны].	250
XXIV. [Происхождение жертвоприношений]	261
XXV. [Мнимый приказ бога Аврааму принести в жертву своего сына]	274
XXVI. [Ложность мнимых обетований бога патриархам Аврааму, Исааку и Иакову]	281
XXVII. Четвертое доказательство [ложности религий, вытекающее из ложности мнимых обетований и пророчеств Ветхого завета]	286
XXVIII. [Ложность мнимых обетований нового завета]	332
XXIX. [Ложность духовных, аллегорических и мистических толкований священного писания]	385

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Ц. М. Подгоренская*
Технический редактор *Н. А. Неврева*

РИСО АН СССР № 5369. Т-02786. Издат. 286
Тип. заказ 2017. Подп. к печ. 19/IV 1954 г.
Формат бум. 70×92¹/₃₂. Бум. л. 7 Печ. л. 14+1 вкл.
Уч.-издат. 16+0,1 вкл. Тираж 8000
Цена по прейскуранту 1952 г. 10 руб. 60 коп.
2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
42	20 св.	порядки	порядка
45	14 св.	существа.	сущего.
101	5 сн.	4498	498
334	8 сн.	ставит	оставит
369	3 св.	решить	решать

Ж. Мелье. „Завещание“, т. I

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК
СССР